

ועד אבי
הי חא

Cff

Chais Family Foundation
קרן משפחת צ'ייס

Чейсовская коллекция

James Kugel

ON BEING A JEW

Джеймс Кугел
КАК БЫТЬ ЕВРЕЕМ

*Перевод с английского
Юрия Табака*

*при поддержке
Фонда Ави Хай и
Фонда семьи Чейс
Москва 2009*

УДК 94(33) (092)
ББК 63.3(0)31-8
К88

Оформление серии А. Бондаренко

ISBN 978-5-7516-0769-2 («Текст»)
ISBN 978-5-9953-0013-7 («Книжники»)

© James Kugel

© «Текст», издание на русском языке, 2009

© Фонд Ави Хай, 2009

*Ниже приводится запись бесед
между молодым поэтом,
студентом-выпускником Юрием Леваковым
и Давидом Джинджихашвили,
управляющим небольшого банка в центре Москвы.
Беседы проходили в офисе банка.*

Часть первая

О БРАКЕ

д. д. Входи, входи, друг мой. Можешь даже не сообщать, зачем пришел. И так знаю... Наконец-то... Поэзия — вещь, конечно, замечательная, и ты знаешь, меня не надо в этом убеждать — но, увы, квартиру на нее не снимешь. Тебе отец деликатно намекнул или на собственной шкуре почувствовал, аспирант несчастный? Ладно, не важно. В любом случае предложение остается в силе — я уже связался с Гринбергом из международного отдела...

ю. л. Нет, Давид Романыч, боюсь, вы меня неправильно поняли. Я пришел просить не о работе. Жизнь аспиранта — конечно, не подарок, но это отнюдь не новость. Я пришел сообщить, что женюсь.

д. д. А вот это, дорогой, действительно хорошая новость. Присаживайся... Знаешь, я помоложе буду твоего отца, но теперь себя прямо-таки стариком чувствую. Женишься... Я был немногим старше тебя, когда познакомился с твоим отцом, а тебе тогда было годика два. Что ж, это дело, как говорится, надо обмыть. Хочешь чачи? Тут мне недавно из Грузии привезли. Как раз сгодится для такой новости. Давай налью.

ю. л. Похожа на хорошую водку.

д. д. Да уж, на водку... Ну, рассказывай, что за девушка?

ю. л. Я с ней познакомился в Питере. Уверен, она вам понравится. И надеюсь, что вы увидите ее еще до свадьбы, — поэтому-то я и забежал. Давид Романыч, не посоветуете раввина, чтобы обряд совершил? У меня семья не особо религиозная, сами знаете... В синагогу не ходим. Вы, наверное, — единственный религиозный еврей среди друзей отца. Не могли бы мне кого посоветовать?

д. д. Конечно, о чем речь! А чем тебе раввины в синагоге не угодили? Можешь поверить, им совершенно не важно, что ты не каждую неделю в синагогу ходишь. Вот и договорился бы с кем-нибудь из них... Зачем через знакомых искать?

ю. л. Я уже с одним виделся. Говорит, что могут возникнуть проблемы. Поэтому я и пришел к вам.

д. д. Понятно... Мог бы и догадаться. Иными словами, девушка — не еврейка.

ю. л. Именно так.

д. д. Она хочет обратиться в иудаизм?

ю. л. Она православная. Ее семья тоже не религиозная и очень интеллигентная — в этом смысле с моим еврейством проблем не возникнет. Но она говорит, что не видит причин нарушать семейную традицию и менять религию, чтобы выйти за меня замуж — тем более что никто из нас особо не интересуется религией.

д. д. А ты что думаешь?

ю. л. Я с ней согласен. Зачем настаивать на ее обращении? Может, наши предки так и поступали, когда считалось, что жена должна во всем следовать мужу. Но сегодня все по-другому, —

по крайней мере, наш брак, надеюсь, таким не будет.

Д. Д. На самом деле наши предки так не поступали — по крайней мере в России: переход в иудаизм из православия официально был запрещен. Сегодня дело другое, и твоя невеста может обратиться. Но кажется, никто из вас этого не хочет. И ты, похоже, уже сделал свой выбор.

Ю. Л. Но мне все же хотелось бы найти раввина, который возьмет на себя еврейскую часть церемонии. У нее есть знакомый священник в Питере, который за небольшую мзду организует христианскую часть, но нам нужен раввин — чтобы разбить бокал, как положено... Я нашел раввина из реформистов, но он говорит, что не устраивает смешанных браков. По его словам, почти никто на это не пойдет.

Д. Д. Ясно. Кстати, он, случайно, не объяснил тебе, почему так трудно найти этих раввинов? Видишь ли, обряд бракосочетания довольно прост — чтобы еврею жениться, особых церемоний не требуется. Но все равно свадьба имеет большое значение. Конечно, теоретически возможно, что кто-то женится на девушке-нееврейке и останется верным иудаизму — а может быть, даже еще сильнее ощутит себя иудеем. Но такие случаи несчастны — по крайней мере, если верить статистике. Кроме того, ты знаешь, наверное: согласно еврейскому закону, ребенок, родившийся от отца-еврея и матери-нееврейки, евреем не является. Так что с точки зрения иудаизма такая свадьба больше походит на похороны.

Ю. Л. Но может быть, вы все-таки кого-то мне посоветуете?.. Надеюсь, вы не обидитесь, но вооб-

ще-то эта установка иудаизма меня всегда поражала как узколобая и глуповатая — задолго до того, как я с ней непосредственно столкнулся. Ведь очевидно, что вероисповедание — дело внутренних убеждений каждого. Если я себя ощущаю евреем, то почему вдруг мой статус изменится, если я женюсь на женщине, чья вера несколько отличается от моей? А если она вообще неверующая? Чем, например, неверующая жена-еврейка лучше для еврея, чем неверующая жена-христианка? Не говоря уже о жене-христианке, которая, в сущности, верит в того же Б-га, что и мы, и ведет практически тот же образ жизни? Мне всегда казалось, что заикленность на кровных узлах и внутриеврейских браках — это какой-то древний пережиток, словно иудаизм ничем не отличается от верований какого-нибудь крупного племени со всеми его религиозными табу.

Д. Д. В общем-то, ты прав: иудаизм в этом плане отличается от большинства мировых религий. Позволь мне привести аналогию из сферы бизнеса: в то время как разные вероисповедания на земном шаре образовали что-то вроде больших безликих биржевых корпораций, стать участником которых можно путем сравнительно простой покупки акций, иудаизм фактически сохранил статус семейного бизнеса. И ведение такого «бизнеса» определяется не только величиной активов и финансовыми обязательствами — попросту говоря, не только «религиозными убеждениями», которые исповедует неопределенное множество верующих. Иудаизм скорее можно определить как образ взаимопонимания, характерный для одного большого народа-семьи, объединенного как верой, так и семейными

узами, — поэтому к последним все относятся очень серьезно. Быть евреем по большому счету — значит принадлежать к одной большой, разбросанной повсюду семье. И, как всякая семья, она проявляет живой интерес (пусть даже не отмеченный чрезвычайной уважительностью) к матримониальным планам молодого поколения — в немалой степени потому, что от этих планов зависит будущее семьи. Пока ты не можешь понять, зачем оставаться евреем, — что, откровенно говоря, для тебя не так уж много значит...

Ю. Л. ...Это не совсем так. Хотя я, по вашим меркам, и нерелигиозный еврей, но все, что вы сказали, — только часть картины. Я всегда считал себя евреем и не делал из этого тайны, хотя у меня нееврейская фамилия и все принимают меня за нееврея. Но и вас, Давид Романыч, с вашей фамилией наверняка считают неевреем.

Д. Д. В России — да. Те, кто здесь вырос, считают меня грузином. Но что касается твоего имени, то человек информированный сразу догадается, что ты из евреев. «Юрий» у некоторых евреев — популярный аналог «Иеуды»; тебя, скорее всего, называли так в память покойного дедушки или дяди. Что же касается «Левакова», то наверняка фамилия твоего деда или прадеда была Левин или Левинский, но и эти фамилии поздние. Все Левины и Левинские ведут свой род от евреев, принадлежавших к колону Леви и позже добавивших к своим именам почетный еврейский титул «а-Леви». Короче говоря, евреи, которые в этом деле разбираются, сразу сообразят, что «Юрий Леваков» восходит к «Иеуде а-Леви».

Ю. Л. Да вам небось это мой отец рассказал...

д. д. Не важно. Вернемся к делу. Я вижу, что ты, к твоей чести, не делаешь тайны из того, что являешься евреем. Но в данном случае это вопрос десятый. Позволь, я скажу тебе прямо — как сказал бы тебе твой родной дядя-еврей. Ты ищешь раввина, чтобы он организовал свадьбу с этой девушкой. Даже если ты его найдешь, я не очень хорошо понимаю, зачем он тебе сдался. Я же тебе сказал: сама церемония играет небольшую роль в иудаизме. А вот быть или не быть евреем — вопрос важный, и ты ответил на него достаточно определенно. Ты женишься на православной. Может, ты и проживешь всю жизнь, считая себя евреем, но для меня и для других евреев ты делаешь шаг не то чтобы непоправимый, но в известной степени заводящий в тупик. Еврей, который нерелигиозен или невежественен в вопросах иудаизма, но при этом женится на еврейке, по крайней мере, что-то передаст дальше — так сказать, свою долю в семейном бизнесе. Но еврей, который женится на нееврейке, отнимает долю у наследников, ничего не оставляет им, даже памяти. И по его выбору можно судить, считает ли он себя евреем — пусть даже по еврейскому закону он остается евреем до конца своих дней.

ю. л. Но этой стороны дела я еще не касался. С чего вы взяли, что мои дети не будут евреями? Разумеется, я собираюсь их воспитывать в сознании того, что они евреи, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Пусть в иудаизме они не считаются евреями, поскольку их мать христианка, — но ведь тогда, когда они вырастут, при желании они всегда смогут обратиться в иудаизм! А если не они, то их дети — в конце концов, всегда же можно жениться

на еврейке! Самое важное, как мне кажется, чтобы дети мои знали, откуда они. Я обязательно должен все рассказать им, и если для этого мне самому придется побольше узнать об иудаизме, то я не возражаю! Мне хотелось бы, чтобы мои дети знали, что такое иудаизм, чтобы каждую неделю они ходили в воскресную еврейскую школу. Но чего я не понимаю — так это того, почему сейчас, в самый ответственный момент, когда я женюсь и устраиваю свою будущую семейную жизнь, а в том числе и воспитание детей, иудаизм говорит мне: если она не еврейка, то мы знать тебя не хотим!

Д. Д. Да, хороший вопрос. В нем есть своя логика. Но мне кажется, что доводы другой стороны более убедительны. В том, что иудаизм категорически отказывается благословить твой брак, есть глубокая истина. Ты очень правильно рассуждаешь о том, что мог бы вести еврейский образ жизни, соответствующим образом воспитывать детей — пусть даже вопреки печальной статистике, о которой я тебе говорил. Но факт остается фактом: твой поступок носит двусмысленный характер с точки зрения принадлежности к еврейству. И именно на такую двусмысленность реагирует иудаизм или, по крайней мере, множество евреев (и не все из них раввины).

Ю. Л. Какой факт? Простите меня, но я решил жениться на Ане — так ее зовут, — потому что мы любим друг друга. Наверное, если бы я провел последние четыре года в дореволюционном Бердичеве, то познакомился бы там с еврейкой, но мне довелось четыре года учиться в МГУ, где евреи и христиане вполне мирно сосуществуют. Кстати, там я с Аней и познакомился. А что удивительно-

го? Студенты-евреи неизбежно знакомятся со студентками-христианками, и наоборот. А некоторые даже влюбляются друг в друга. Наверное, было бы лучше — по крайней мере, меньше возникло бы проблем, — если бы Аня была еврейкой, но уж как вышло, так вышло. Что же теперь, все пропало? Я думаю, что брак — настолько серьезная вещь, что религия не может автоматически накладывать на него вето. Вот если бы принадлежность к разным религиям составляла для нас реальную проблему, был бы другой разговор. Но это не так. И между прочим, то же самое относится к сотням, а то и тысячам пар. Нельзя ожидать от людей, что они откажутся от самых сильных своих чувств только из-за того, что это не приветствуется их религией. Не хочется говорить банальные вещи, но в таких случаях голова не всегда способна управлять сердцем.

д. д. Наверное, если бы все было так просто. Но мой опыт в таких делах заставляет меня с сожалением констатировать, что эти два органа не так уж далеки друг от друга, как кому-то кажется.

ю. л. Какие органы?

д. д. Голова и сердце. Наверное, я говорю с тобой слишком резко, не имея на это никакого права. Ведь ты пришел ко мне, чтобы спросить о раввине, который организовал бы смешанную церемонию. Но я в буквальном смысле имел в виду «двусмысленность» твоей позиции с точки зрения того, что значит быть евреем. Конечно, тебе не чужда идея быть евреем, чтобы целиком ее отвергать. В противном случае ты не заговорил бы о раввине и довольствовался бы регистрацией в загсе — а то и венчался бы в церкви, если невеста потребует. Уж конечно, в этом случае

ты не стал бы слушать ворчливые упреки старого отцовского приятеля в ответ на собственные малоубедительные возражения. Разумеется, тебя твое еврейство чем-то притягивает. С другой стороны, уж прости меня, тобой движет не столь простая штука, как любовь, — сдается мне, что в этом случае ты подхватил болезнь, характерную для многих русских евреев твоего поколения.

Ю. Л. Продолжайте.

Д. Д. Да, ты вырос не в местечке. Там, несмотря на все опасности и трудности, картина мироздания четко просматривалась: существуют евреи и неевреи — и это два разных мира. В твоей же вселенной есть что угодно, кроме ясности. По сути дела, ты выдвигаешь две взаимно противоречащие версии того, что значит быть евреем. В школе тебе, наверное, рассказали, что иудаизм есть религия — одна из трех великих монотеистических религий. Но за прошедший век роль религии в жизни общества значительно снизилась. И тот факт, что одна из этих религий — иудаизм, становится все более несущественным. «Быть евреем» означает сейчас очень мало в плане религиозной практики или религиозного мировоззрения и даже в плане общности с другими евреями. Для большинства русских евреев иудаизм — это уже не столько религия, каким-то образом влияющая на их жизнь, сколько то, что в некоторых анкетах называется «религиозной принадлежностью». Так сказать, все куда-то приписаны: русский — православный, поляк — католик, а мне куда? Да и что такое сама «религиозная принадлежность», становится все менее понятно. Значение того факта, что ты еврей, — почти нуле-

вое. Но это только внешняя сторона. Если же покопаться, то родившийся евреем по-прежнему сталкивается с проблемами. К двадцати — двадцати пяти годам тебе наверняка приходилось слышать грязные ругательства в свой адрес, какие-нибудь антисемитские высказывания. По крайней мере, тебе известно, что не так давно евреев не слишком жаловали, не принимали в университеты, закрывали доступ к престижным профессиям — если открыто не преследовали. Сочетание этих двух тенденций смертельно. С одной стороны, принадлежность к еврейству ничего не дает — религиозные обряды практически не соблюдаются, чувство единства с другими евреями отсутствует, даже ощущение своего еврейства, которое навязывала тебе раньше советская власть, и то постепенно уходит. С другой стороны, ты испытываешь некий дискомфорт от сознания того, что для некоторых русских твое еврейство имеет значение, — в результате, когда ты скрываешь свое происхождение или отказываешься от него, то испытываешь чувство, будто обманываешь окружающих, будто выдаешь себя за другого. Еврей, выросший в таком мире, оказывается в затруднительном положении. Он хочет быть честным, хочет быть самим собой, но не имеет возможности утвердить себя в качестве еврея — разве что в редких случаях. А если его еще и зовут Юрием Леваковым, то такая возможность выпадает действительно редко — разве что кто-то в твоём присутствии скажет что-то антисемитское, полагая, что находится среди «своих», неевреев. Разве это не так?

Ю. Л. Да, это случалось.

Д. Д. И выскочить из этой неловкой ситуации невозможно. То, что человек — еврей, окружающих интересует все меньше, кроме разве что небольшого числа записных антисемитов. Он чувствует себя преимущественно русским, считает Россию своим домом — хотя некоторые русские смотрят на него иначе, чем на самих себя. Ощущать свое еврейство — это не то чтобы постоянная, каждодневная проблема, но она глубоко связана с осознанием своего «я». И вот он находит решение — а если это нельзя назвать решением, то, по крайней мере, это шаг, который должен облегчить его положение. Я говорю «он», поскольку имею в виду главным образом молодых мужчин-евреев. Женщины тоже могут вступать в смешанные браки, но у них при этом несколько иная мотивация, менее завязанная на обществе в целом, а больше — на семейных взаимоотношениях.

Ю. Л. Все это слишком отдает психоанализом. Довольно необычно для профессионального банкира...

Д. Д. Ты прав, но я почти закончил. В любом случае его решение ничем не отличается от того, которое собираешься принять ты. Он понимает, что женитьба на православной заметно облегчает его двусмысленную ситуацию... Надеюсь, мои предположения к тебе вообще не относятся; в противном случае ты простишь меня. Однако есть один показательный момент, который роднит твой случай с другими подобными. Наш еврей, готовый упасть в объятия православной, но пребывающий в колебаниях, высказывает последнее, очень необычное желание: чтобы брак был заключен раввином. Разумеется, он

назовет с десятков причин, почему у него возникло такое странное желание: он собирается это сделать «для своих родителей» (хотя на самом деле родители чаще всего хотят, чтобы он ничего подобного не делал!); его престарелые дедушка и бабушка почти при смерти, и им нежелательно сообщать, что невеста внука — не еврейка... И так далее. Все эти причины ничего не стоят. В том числе и его убежденность в том, что таким образом он утверждает себя как еврей, — на самом деле он свел свое еврейство почти к нулю. Подлинный смысл его поступка состоит в следующем: он хочет, чтобы православная Россия приняла его в свои объятия как еврея. Просто жениться на девушке, отметившись в загсе, — значит уйти в подполье, а он слишком ощущает себя евреем и хочет это продемонстрировать. Поэтому он должен жениться на ней как еврей, гарантией чего служит присутствие раввина: таким образом он очищает свое еврейство от любых пятен. И уже тогда факт его принадлежности к еврейству становится по-настоящему случайным и малозначащим, о чем свидетельствует неизменное присутствие его жены — что ему и нужно.

Ю. Л. Да, все это звучит убедительно, хотя и несколько обидно. Но скажите мне, почему вам так трудно поверить, что два человека могут просто полюбить друг друга и решить пожениться? Вы сами говорите, что быть евреем в современной России — в общем-то, дело несущественное как для самих евреев, так и для неевреев. Точно так же думаем и мы с Аней. В самом деле, никому из нас это даже в голову не приходило, пока речь не зашла о свадьбе.

Д. Д. Хорошо, но зачем тебе тогда раввин?

Ю. Л. Забудем о раввине, я уже отказался от этой идеи. Конечно, глупо было полагать, что я найду раввина, который согласится с нашим основным тезисом: принадлежность к еврейству — вещь абсолютно несущественная. В конце концов, ему платят, чтобы он думал и поступал в прямо противоположном духе.

Д. Д. Любопытно, однако, услышать подобный экономический аргумент из уст поэта — возвращаю тебе шар... Но послушай: любовь к нееврейкам — это не только сердечные дела, но в некотором смысле социальная пантомима. Мне кажется, если ты спросишь свое сердце и хорошенько подумаешь, то все поймешь. Мне совсем не доставляет удовольствия говорить тебе это. Вряд ли можно представить себе что-то более индивидуальное и особенное, чем выбор будущей жены. И ты прав, довольно неприятно ощущать, что подобный выбор обусловлен чем-то иным, помимо сугубо личных, уникальных предпочтений. Однако же какой-нибудь ученый, к примеру антрополог, тут же отметит: брак — это прежде всего и главным образом социальный институт, и всякое индивидуальное решение представляет собой еще и публичное заявление, адресованное более широкому сообществу; это заявка на занятие места внутри этого сообщества. Не посчитай абсурдом то, что я скажу, но твое заявление о вступлении в брак отчасти имеет отношение к твоей нынешней и будущей еврейской самоидентификации в обществе. И в нем отчетливо звучит: «да и нет» — вернее, «да, но нет».

Ю. Л. М-м...

Д. Д. И учти — хотя это тоже может показаться тебе не слишком приятным: твое «да, но нет» ничего нового в себе не несет. Выпуски газет полны брачными объявлениями, и если читать между строк, то столкнешься как раз с твоей проблемой. Может, даже какой-то «раввин» (особенно если ему заплатить) и примет участие в смешанной церемонии, о которой ты мечтаешь. Но важнее другое: а что произойдет после заключения брака? Я не раз слышал о том, что со временем жена-нееврейка начинает проявлять интерес к иудаизму — изучает иврит, убеждает семью посещать синагогу. Думаю, легко догадаться о реакции мужа...

Ю. Л. И какая же это реакция?

Д. Д. Она редко бывает положительной и колеблется от полного безразличия до откровенной враждебности, а иногда доходит и до ненависти, что вполне соответствует логике вещей. Для такого еврея не стоит вопрос «голова против сердца», о чем ты говорил. Этот человек и головой, и сердцем желал жену-нееврейку, хотел сделать публичное заявление, что такие браки заключаются в России. И вдруг она начинает все запутывать — примыкает к евреям, вместо того чтобы с ним вдвоем рушить привычные категории. Неудивительно, что он приходит в ярость!

Ю. Л. Я не понимаю, почему вы так настойчиво противопоставляете евреев и русских. У меня не создается такого впечатления! И если какие-то люди в Тмутаракани или Кондопоге так считают, то это их личное дело. Кроме того, и вы сами об этом упомянули, вряд ли можно говорить о каком-то противостоянии «еврейского» и «русского». Вы

ведь сами сравнительно недавно приехали в Россию из Тбилиси. Насколько я знаю, грузинские евреи всегда чувствовали себя в Грузии комфортно, были «своими». И поверьте, мы тоже здесь не ощущаем себя другими. Лично я русский до мозга костей. И я чувствую общность с другими русскими — мы одинаково разговариваем, одинаково чувствуем... Мне это неловко говорить, но у меня, наверное, больше общего с образованным антисемитом из Саратова, чем, к примеру, с евреями из Израиля или даже с хасидами из Москвы, с их черными лапсердаками и длинными бородами. Не то что бы это меня радовало или огорчало — но что есть, то есть, и, конечно же, это не противоречит тому, о чем я говорил раньше: я вовсе не собираюсь отказываться от своего еврейства. Знаете одну из причин, почему я хотел бы сохранить в себе что-то еврейское? Просто русский почти поглотил во мне еврея.

Д. Д. Что ж, все это довольно расплывчатые понятия — «русский», «еврейский»... Ты полагаешь, что твоя манера думать и говорить сразу выдает в тебе русского. Возможно. Хотя если уж покопаться, то в твоей речи есть некоторые особенности; образованный лингвист сразу распознает ее если не как наверняка еврейскую, то, по крайней мере, как характерную для еврея, чьи предки родом откуда-нибудь с юга Украины. У тебя гласные чуть-чуть смягчаются по-южному: «опит», «бик». Да и ответить вопросом на вопрос ты не прочь, по старой еврейской традиции... Что же до твоего образа мышления... Если твое отношение к евреям такое же, как у антисемита из Саратова, то тут есть некоторый повод для беспокойства. Но я сомневаюсь,

что это так. Ты — обыкновенный русский еврей; и, конечно, у тебя много общего с другими русскими, неевреями. Но дело не в этом. В еврейской истории случилось — хотя и нечасто, буквально несколько раз, — что евреи ничем не отличались от своих соседей. Носили такую же одежду, так же говорили и даже мыслили так же. Мне кажется, главное — это то, кем человек себя осознает или как он определяет свою «идентичность», если воспользоваться этим отвратительным современным словом. Кстати, это касается и тех, у кого гласные звучат вполне твердо. Такое осознание зависит не от одежды, манеры говорить или думать, а, опять же, от того, как он себя идентифицирует.

ю. л. Что вы имеете в виду? Я ведь русский не потому, что во что-то собираюсь верить, а потому, что родился здесь, вырос и — что бы вы ни говорили — говорю, хожу, думаю, читаю и сплю, как русский. Мне бы очень хотелось сказать то же самое о моей еврейской стороне, но «Леваков-еврей» — это что-то очень эфемерное, в то время как «Леваков-русский» звучит вполне естественно.

д. д. Естественно? Может быть. Но, как я тебе уже говорил, это вовсе не обязательно. Все зависит от твоей позиции.

ю. л. Что вы имеете в виду?

д. д. Юра, когда я смотрю на тебя, то вижу нечто отличное от того, что видишь в себе ты, глядя в зеркало. Ведь ты смотришь на себя глазами человека, из которого еще не выветрился советский дух: всякий человек — это только он сам, происходит из ничего, живет шестьдесят—семьдесят лет, а потом хлоп — и привет!.. Я же вижу человека иначе: он

рождается, у него есть родители, а у них — свои родители, и так далее, то есть в тебе осуществляется непрерывная связь прошлого и будущего. Вот что ты такое, и начинать надо с понимания этого. Я вижу сына евреев, которые сами являются еврейскими детьми, а те происходят из Польши или России, а еще раньше — из Германии, долины Рейна, а еще раньше — из Римской империи, вплоть до тех времен, когда евреи жили на собственной земле.

Ю. Л. Кажется, я где-то уже это слышал. Вы не собираетесь добавить еще одну строчку: «А теперь ты хочешь все это разрушить?» Не думаю, что, женившись на Ане, я все разрушу.

Д. Д. Да вовсе я так не думаю. Я имею в виду только одно: то, что ты есть, уходит корнями в историю, как бы ты к этому ни относился. Никто не появляется из ниоткуда. Ты еврей, член еврейской семьи. Просто тебе довелось жить в обществе, которое в силу многолетней идеологии не обращает внимания на происхождение людей и рассматривает их как никчемные мыльные пузыри, взявшиеся из ниоткуда, — поэтому совершенно очевидный факт может быть ото всех сокрыт, даже от самого себя.

Ю. Л. Не то чтобы сокрыт, просто факт еврейства не имеет для меня особого значения. Я знаю, откуда я. Но это не означает, что я происхожу из какого-то дикого племени и удар молнии поразит меня, если я нарушу племенное брачное табу. Сколько же можно?! На дворе двадцать первый век!

Д. Д. Да, в двадцать первом веке родятся десятки тысяч людей, которые будут «наполовину евреями» или «не без еврейской крови». А если новый век будет не столь плюралистичен, как прошлый,

то просто будут «русскими». Я имею в виду, что ты еврей — по крайней мере, потенциально, если не фактически. Ты все еще можешь, если пожелаешь, реализовать этот потенциал и узнать, что такое быть евреем. Тем самым ты соединишься с предшествующими поколениями и, что еще более важно, поймешь, увидишь, кто ты есть на самом деле, — чего раньше не понимал. Но если ты осуществишь свои нынешние планы, то, даже полностью реализовав в жизни то, что ты есть, ты ничего не передашь своим потомкам. Твои дети будут «полуевреями» (да и это еще под вопросом, как я тебе говорил), у их детей из двух бабушек и дедушек только один будет евреем, а уж правнуки останутся вообще ни с чем — никто из родни не будет евреем. И если тебе выпадет долгая жизнь, то ты еще успеешь застать это «ни с чем».

Ю. Л. Мне кажется, что мы ходим по кругу.

Д. Д. Может быть.

Ю. Л. Что бы вы ни говорили, я не вижу неизбежного конфликта между еврейским и русским. Я вовсе не купился на то, что вы мне рассказывали. Просто стараюсь быть тем, кто я есть, — русским евреем, который старается наилучшим образом сохранить в себе еврейскую составляющую. И начать я хочу со свадьбы, хотя бы моя будущая жена и была нееврейкой. Вам это может не нравиться, но таковы факты.

Д. Д. Если честно — не нравится. Но мне кажется, на мои очевидные факты ты тоже стараешься не обращать внимания...

Ю. Л. А именно?

Д. Д. А именно то, что ты себя обманываешь. Твой брак — начало конца. Разумеется, это могло бы

быть не так: если ты по-настоящему хочешь, как ты говоришь, остаться евреем, то мог бы убедить свою невесту принять иудаизм — вместо того чтобы благородно обходить эту возможность, демонстрируя модный отказ от мужского превосходства. Я вовсе не имею в виду то, что это простой путь и что само обращение твоей невесты может пройти легко, — я же неслучайно говорил о контрасте между нашим крошечным иудаизмом и огромными мировыми корпорациями. Да и само по себе это ничего не решает — просто дверь остается для тебя открытой. Ты имеешь шанс остаться евреем. Но я уже сказал тебе: на самом деле у тебя нет такого желания. В этих обстоятельствах, Юра, мне кажется, нам нужно откровенно поговорить. Я знаю тебя с того момента, как оказался в этой стране, и очень тепло отношусь и к тебе, и к твоей семье. Но мне кажется, ты совершаешь ошибку, во многом совершаешь предательство по отношению к самому себе. Уверен, ты сам это знаешь и только пытаешься обмануть себя мечтами о раввине на свадьбе и еврейском образовании для своих детей-христиан. Пожалуйста, прости меня за резкость, но тут особенно добавить нечего.

Ю. Л. Я тоже так думаю.

Часть вторая

ИЗБЕГАЯ ОБОБЩЕНИЙ

д.д. Я получил твою записку, Юра. Мне очень жаль, хотя в прошлый раз я тебя отговаривал...

ю.л. Да нет, Давид Романыч, вы здесь ни при чем. Тут другое дело...

д.д. А что случилось?

ю.л. Да ее родители... Оказалось, что они не так уж рады зятю-еврею... По крайней мере, она мне так объяснила. Вот, видимо, и передумала.

д.д. Да, сочувствую... Конечно, вряд ли что-то хорошее из этого бы вышло, но опыт весьма болезненный.

ю.л. Можно я перейду сразу к делу? Я вам написал, что мне показалась очень полезной наша последняя встреча. И помните, вы обещали мне рассказать побольше об иудаизме? Не думаю, что это займет много времени — мне нужны только самые общие сведения. Я же не ребенок, необязательно нам здесь устраивать еврейскую школу. Давайте говорить как взрослые люди.

д.д. С удовольствием, Юра. Попробуем... Но я не уверен, что смогу. А почему бы тебе просто не пойти к раввину? Или на какие-то курсы...

ю.л. Понимаете, все эти курсы уж очень безликие... И потом, там рассказывают о частных вопро-

сах. Мне же интересно узнать от вас, что такое вообще «быть верующим» — я имею в виду, верующим евреем. И почему вы считаете, что не сможете? Вы ведь меня давно знаете, и семью мою тоже...

д.д. Ну, прежде всего я не уверен, что из меня выйдет хороший учитель, а из тебя — идеальный ученик. У тебя есть большое преимущество — ты поэт, и одновременно большой недостаток — ты русский еврей.

ю.л. Давайте начнем с хорошей новости. Почему быть поэтом — это преимущество?

д.д. По двум причинам. Во-первых, поэт способен улавливать детали, нюансы, частности, а не ограничиваться общими местами и лобовыми вопросами. А в нашей стране, как и повсюду в Европе, все привыкли к обобщениям — так что поэт внутри тебя противостоит русскому.

ю.л. Но ведь обобщения бывают полезны.

д.д. Безусловно. Но попытайся понять меня правильно: я имею в виду только ту конкретную вещь, о которой ты меня спрашиваешь, — а именно: что значит глядеть на мир глазами еврея. Ведь ты знаешь: в итоге мы имеем дело с Б-гом, приходим к Б-гу. И вполне естественно, тебе хочется, чтобы я предложил тебе что-то вроде инструкции, дал какие-то прямые указания. Я бы не возражал, конечно, но боюсь, что из этого может ничего не выйти, во всяком случае со мной... Уверен, у раввина это получилось бы лучше... Я просто мыслю иначе. Если ты пойдешь на курсы или к раввину, он начнет тебе рассказывать: «Смысл мицвойс (заповедей) Торы состоит в том-то и том-то...», «Шабат дарован Израилю как день покоя и духовного созерцания» или еще хуже:

«Природу Б-га можно определить как X, Y или Z». Но я не могу учить тебя так, на всех этих обобщениях. Поэтому если ты предпочитаешь обучение такого рода, то лучше пойти к кому-нибудь другому. Со мной же тебе придется научиться уходить от любых обобщений и начинать с малых, но очень конкретных вещей: здесь вот ты произносишь слова «Шма Исроэл», здесь делаешь паузу, а здесь — нет, эти слова ты должен пропеть на такую-то мелодию... И так будет снова и снова: сначала ты учишь то, потом это, и ты никогда не должен уходить от специфических, конкретных деталей к обобщениям. Ты должен понять, что двигаться вперед можно, только лишь схватывая частности. Улавливаешь мою мысль?

Ю.Л. Более-менее.

Д.Д. Смотри, мы живем в мире, который привык мыслить соображениями самого общего плана. Кстати, вот тебе прекрасный пример подобного мышления: фраза «мы живем в мире». То есть полагаем себя населяющими некое общее место — «мир». А мир — это и деревня где-нибудь в Саратовской области, это часть какого-то аморфного, ничем не наполненного теоретического понятия. Но разве мы с тобой — жители деревни, а не Москвы?.. Однако мы продолжаем проживать нашу жизнь в этих общих категориях, фактически навязывая их друг другу. И вот представь себе: мы всё начинаем с чистого листа. Наше знание нулевое — и мы начинаем обретать новое знание о том, где мы живем, шаг за шагом продвигаясь по совершенно неизвестной территории. Разумеется, объехать всю Россию таким образом невозможно, даже ее малую часть; да и объезд территории не имеет ничего общего

с обретением знания. Надо просто оставаться на месте и наблюдать. Надо не себя навязывать этому месту — а ему позволять раскрываться с течением времени во всей его полноте: сначала это, потом то, потом еще что-то... Вот как следует подойти к нашей теме. Я говорю сейчас о самом главном. Согласен, так было не всегда, но сейчас так должно быть. Надо начинать с очень малых, конкретных предметов, и не нужно торопиться идти дальше. Вот почему я не уверен, что мы сможем это проделать вместе... По крайней мере, давай избегать общих соображений. Можно узнавать какие-то вещи, подобно тому как мы открываем для себя особенное место или особенное поблескивание листьев любимого дерева в свете солнца: весь год ты его не видишь — и только в мае или августе, в полуденное время или даже в какой-то конкретный полдень, в тот самый полдень. То есть для тебя всегда будет данность, отправная точка, от которой ты начинаешь свой путь исследователя. Я ясно говорю?

Ю.Л. Честно говоря, не очень.

Д.Д. Не понимаешь?

Ю.Л. Нет.

Д.Д. Ну хорошо, вот тебе аналогия — хотя то, что я скажу, верно и само по себе. Нужно молиться — и для этого надо выучить слова молитвы наизусть. Но ничего хорошего не выйдет, если ты произносишь слова и пытаешься мысленно увидеть Того, к Кому обращены твои слова, или пытаешься увидеть себя словно со стороны. Нужно, чтобы ты просто предстал перед Б-гом, — но не менее того. И для этого необходима абсолютная уверенность, неизменный и привычный «маршрут». Такой маршрут — текст

молитвы. Поэтому ты и должен выучить ее, чтобы она осела в твоей памяти. Тогда твои губы и язык будут уверенными шагами продвигаться в молитве — зная наперед даже не слова, а ощущение слов. Зная, что сейчас твои губы сомкнутся, а сейчас язык дернется назад... И эти ощущения определяют твой постоянный путь. Понимаешь теперь? Это всё мелочи, но они что-то значат.

Ю.Л. Теперь, кажется, понимаю... Еще что-нибудь?

Д.Д. Пока нет. Теперь давай поговорим о синагогах.

О ТРЕХ ТИПАХ ЕВРЕЕВ В СИНАГОГЕ

Д. Д. Хочешь узнать еще об одной проблеме русско-го еврея? Ведь еврейский образ жизни совершенно особый. В иудаизме познаешь Б-га через желание послужить Ему, через то, что наши мудрецы называют «авойда ше ба-лев» («служение, которое в сердце»), то есть через молитву. Невозможно представить себе что-то более сокровенное и личное, чем молитва; вместе с тем молитва — это действие общинное и никоим образом не спонтанное. Люди собираются вместе в точно назначенное время, в субботу и по будням, чтобы вместе молиться Б-гу. И даже если твоя цель — узнать Б-га, то начинать это делать надо вместе с другими, и не вдвоем-втроем, а с целой группой евреев. Только с ними ты научишься соблюдать Шабат и произносить молитвы. Конечно, я могу научить тебя словам. Но тебе нужно найти целую группу людей, а в России это не всегда легко.

Тебя не должны смущать некоторые из тех людей, которых ты встретишь в синагоге.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

Д. Д. Пойми меня правильно: у этих людей доброе сердце. Но у некоторых из них отсутствует — как бы это сказать? — понимание того, что такое синагога и что там происходит. Вообще говоря, в российской синагоге можно встретить три типа людей.

Ю. Л. Это какие же?

Д. Д. С первым сталкиваешься не слишком часто, поскольку к нему относятся евреи, которые ходят в синагогу один-два раза в год — на Рош а-Шана, Йом Кипур или по специальным случаям — на свадьбу, бар-мицву. Такой тип можно назвать «наблюдателем».

Ю. Л. «Наблюдатель»?.. Но разве не все, кто присутствует на свадьбе или бар-мицве, наблюдатели? Не считая, конечно, непосредственных участников — жениха, невесты...

Д. Д. Нет, я говорю о «наблюдении» не в физическом смысле, а об отношении человека. Он — «наблюдатель» в синагоге, поскольку сам реально не вовлечен в происходящее. Его отношение к службе мало чем отличается от поведения зрителей в театре. Даже самый святой и торжественный день года, День Покаяния, теряет для него свой смысл. Не знаю уж, как это получается, но «наблюдатель» не понимает главного — евреи собираются вместе в День Покаяния, чтобы предстать перед Б-гом и просить прощения, а потом начинать новый год, так сказать, с чистого листа. Проповедь раввина он слушает, словно заядлый театрал: радостно приветствует других «зрителей» после долгой разлуки,

обменивается любезностями и начинает подавать реплики в духе выдавшего виды знатока: «Сегодня он в ударе, не правда ли?», «Гораздо лучше, чем в прошлом году, не находите?» Ну и скандалы хочется обсудить последние...

Ю. Л. Все это мне отчасти знакомо. Конечно, с такими людьми говорить не о чем. Расскажите о двух других типах.

Д. Д. Второй тип совершенно отличен от первого. Если к первому относятся преимущественно люди среднего возраста и молодежь, то второй состоит из людей пожилых. Такой тип можно было бы определить как «скорбящий»: обычно это человек, недавно потерявший близкого родственника — одного из родителей, брата или сестру. Он регулярно ходит в синагогу, чтобы прочесть по покойному кадиш. Но он «скорбящий» и в более общем смысле. Синагога для него — потерянный мир, мир отцов и дедов, который не имеет отношения к его собственной жизни. Пойми меня правильно: я не хочу сказать ничего плохого об этом человеке. Он страдал во времена Сталина и Хрущева, да и позже, изо всех сил пытаюсь сохранить тот маленький огонек иудаизма, который чувствовал в себе. Он герой, настоящий герой! Но обстоятельства, в которых он жил, мешали ему получить нормальное еврейское образование и омрачали его жизнь. Синагога виделась ему не столько местом молитвы и предстояния перед Б-гом, сколько местом, где можно было погоревать с товарищами по несчастью, другими евреями. Поэтому он может представить тебе синагогу в ложном свете — этого я и опасаясь. Даже просто разговаривая с тобой, он может дать тебе неверное

представление об иудаизме: ведь ты, по его мнению, принадлежишь к другому миру.

Ю. Л. Понятно...

Д. Д. Еще раз оговорюсь: ты должен правильно меня понимать. А мне хочется просто подготовить тебя к тому, что ты увидишь.

Ю. Л. Я понимаю. Каков же третий тип?

Д. Д. Третий тип людей, которых ты встретишь, совершенно не похож на два предыдущих. Обычно они выглядят молодо и, в отличие от других, вполне знакомы с еврейскими традициями.

Ю. Л. Звучит неплохо. Ну а с ними какая проблема?

Д. Д. Проблема? Да нет никаких проблем. Просто для этого типа людей синагога в той же малой степени является местом молитвы, как и для двух других. Они рассматривают синагогу главным образом как «место вербовки» — набора потенциальных солдат в своего рода армию. Конечно же, этот человек будет заинтересован в тебе, ему захочется тебя «завербовать», поэтому я назвал его «вербовщиком».

Ю. Л. Я не вижу здесь ничего плохого. Разве это в некотором смысле не то, что я собираюсь сделать — «присоединиться» к иудаизму?

Д. Д. Да, конечно, и «вербовщик» может быть отчасти полезен тебе. Но в конечном-то счете иудаизм — это не армия, и я боюсь, что он тоже может исказить для тебя картину иудаизма. Например, будь на то его воля, в синагоге все бы одинаково одевались, носили что-то вроде униформы. А знаешь, что такое униформа? Она преследует две цели. Во-первых, делает тебя частью группы — и спустя какое-то время твое «я» в ней растворяется.

Ты будешь желать того, чего желает группа, думать так, как думает группа. Это необходимо для настоящей армии: только тогда она сможет действовать эффективно. Однако вряд ли это приемлемо для жизни обычных людей — и уж особенно не годится для иудаизма. Во-вторых, униформа делает всякого, кто ее не носит, одним из «них» (в противоположность «нам»), и это тоже препятствует свободной мысли. Ведь все, что «они» делают, говорят, думают, автоматически подпадает под подозрение, поскольку «они» не удостоены членства в группе. В общем, ты уже понял: «вербовщик» будет относиться к тебе как к потенциальному солдату — человеку, которого он может убедить присоединиться к его армии.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Мне не хотелось бы тебя разочаровывать. Наоборот, я рассказываю тебе все это, чтобы ты понял: где-то в других странах ты еще мог бы сразу разглядеть настоящую синагогу и такого сорта люди встречались бы тебе нечасто. В любом случае они не делали бы погоды. Но сегодняшняя ситуация в России очень уж специфическая...

Ю. Л. Однако я-то живу в сегодняшней России — куда же мне податься?

Д. Д. Ты походишь туда-сюда и обязательно найдешь что-то подходящее. Вообще-то ведь русские евреи — довольно необычная публика. После перестройки они достигли очень многого за короткое время — я имею в виду не каждого по отдельности, а всю общину. Проявили гениальные организационные способности! В России сейчас зарегистрировано около 600 еврейских организаций — вдумай-

ся в эту цифру! Смотри, как любавичские хасиды создают общины и синагоги по всей стране... С другой стороны, в этом процессе что-то теряется, по крайней мере, в некоторых общинах. Ты сам объяснишь это лучше меня. Иногда мне кажется, что простейших вещей, которые ты легко обнаружишь в самом невзрачном миньяне где-нибудь в восточных странах или в Израиле, здесь днем с огнем не сыщешь — ни в Европе, ни в России... Так что тебе нелегко будет найти свою группу.

Но все-таки сегодняшние российские синагоги могут тебе кое-что дать; просто надо взять в них все лучшее. Даже если ты не найдешь там группы для совместной молитвы, ты с кем-нибудь познакомишься — хотя бы с тем же раввином, — у кого сможешь чему-то научиться и продвинуться в своих поисках. Проблема в том, что тебе предстоит долгий путь, а время ограничено. Как говорят наши мудрецы, умный человек — это тот, кто учится у всех.

Ю. Л. Простите, но я не очень понимаю, почему вы говорите о других учителях. Я надеялся, что вы могли бы преподавать мне, так сказать, ускоренный курс — может быть, научить не всему, но, по крайней мере, задать направление.

Д. Д. Разумеется, я мог бы еще что-то рассказать тебе, чтобы потом ты уже самостоятельно изучал иудаизм. Но чтобы знать, что такое суббота — или Шабат, как мы говорим по-еврейски, — ты должен сам прочувствовать ее и увидеть глазами еврейской семьи, соблюдающей субботу. Что касается молитв — конечно, следует подучить иврит, чтобы произносить молитвы по-еврейски, но ведь надо также понять, как их читают и поют, их мелодику,

а подобные вещи можно узнать только в синагоге. И я уже говорил тебе, в любом случае надо время от времени молиться целой группой. То же самое относится и к еврейским текстам: учеба в нашем смысле отличается от обучения в университете — это ведь религиозная практика, которая не направлена на достижение какой-либо цели, а ценна сама по себе. И в идеальном случае это достигается только совместными усилиями. Поэтому так важно найти подходящую группу.

Ю. Л. Но вы нарисовали не самую радостную картину. Сначала рассказали, какая публика у нас в синагоге...

Д. Д. Некоторые из них — да, но только некоторые...

Ю. Л. Потом вы начали настаивать, что они-то как раз смогут существенно помочь в изучении иудаизма.

Д. Д. Я хотел, чтобы ты понял: такие общины — совсем не то, вернее, не совсем то, чем должна быть синагога. Но думаю, если ты захочешь поискать, то непременно найдешь людей, а потом и группу, которая тебе подойдет.

Ю. Л. Судя по всему, это непросто...

Д. Д. Уверен, что это непросто. И поверь мне, я не забыл, к чему ты стремишься в конечном счете — даже если тебе кажется, что я говорю об отвлеченных вещах. Но это еврейский путь, и ты должен пройти его, как это делали другие. И он не так долог, как может показаться. Через несколько месяцев ты войдешь в курс дела, а через год будешь чувствовать себя как дома. Но сейчас ты должен найти свою группу, свою первую группу.

ю. л. Если честно, я не уверен, что мне хочется подыскивать себе группу, как вы выразились. Может, я провел не так уж много времени в синагогах, но ваш рассказ только подтверждает мои впечатления. Я ведь пришел к вам вопреки всему тому, что видел. Вы единственный известный мне человек, который мне кажется — ненавижу это определение — «верующим» (в категориях иудаизма) и одновременно тем, кто желает обсуждать веру на рациональном уровне. Видите ли, мне совершенно не хочется стать объектом миссионерства со стороны местного раввина или даже членом учебной группы. Главное для меня — понять, что такое «видеть мир глазами еврея», как вы выразились, — то есть видеть вещи такими, какими видите их вы. Мне просто нужно понять, что значит верить в Б-га. По большому счету я этого не понимаю.

д. д. Разумеется. Но я уже сказал тебе, что я не лучший учитель. Хотелось бы объяснить тебе все в твоей системе понятий, но я не знаю как. Твоя нынешняя ситуация очень точно описана в книге Теилим: «Предпочитаю я стоять у порога дома Б-га моего, чем жить в шатрах беззакония». Поначалу фраза кажется бессмысленной: если есть выбор между «домом Б-га» и «шатрами беззакония», кто же не предпочтет первое? Но суть в том, что «стояние у порога» — это далеко не то же, что «жизнь в шатрах», размеренный образ жизни. Псалмопевец подчеркивает: несмотря ни на что, я предпочитаю полукочевое существование, обивание порога — если это порог дома Б-жьего, — чем жизнь, пусть даже роскошную, в «шатрах беззакония». Стояние у порога Б-жьего дома — это и есть то, о чем ты меня

просишь. Человек не находится ни внутри, ни вне дома, но способен заглянуть внутрь и рассказать об увиденном тому, кто пребывает вовне, рассказать на его собственном языке о том, чего он не может увидеть. Наверное, кто-то на это способен, но не я. Думаю, единственное возможное решение — это вместе войти в двери дома и, шаг за шагом, разобратся, что там внутри.

Ю. Л. Но что означает «войти в двери дома»?

МИШКАН

Д. Д. Всегда считалось, что иудаизм — это не столько религия, сколько образ жизни. И это действительно так. «Войти в двери дома» — значит привыкнуть к новому образу жизни, соблюдать Шабат и наши праздники, каждый день читать предписанные молитвы, соблюдать законы чистоты в еде, вести себя надлежащим образом. В общем, стараться жить как еврей.

Ю. Л. Но как можно все это делать, не зная основ? Как можно молиться Б-гу, о Котором толком еще ничего не знаешь?

Д. Д. А разве не так растут дети в еврейском доме? Задолго до того, как они начинают что-то понимать, еще не умея говорить, они уже чувствуют разницу между обычными днями недели и Шабатом, знают, когда и что можно делать. Едва начав произносить первые слова, они уже учат слова специальных благословений перед тем, как съесть что-то, перед омовением рук. Конечно, у них свое, совершенно детское восприятие Б-га —

но что из этого? Когда дети ведут подобный образ жизни, у них открывается пространство для понимания, и это пространство будет наполняться все более и более глубоким пониманием по мере их развития.

ю. л. Но если речь идет о взрослом человеке?

д. д. Он все равно проделывает тот же путь. В Торе неоднократно повторяется, что, когда Б-г предложил Израилю стать его Б-гом — что означало принятие Торы и Его законов, — народ в один голос ответил: «Наасе ве нишма». Эти слова на иврите означают что-то вроде «давайте исполним и будем слушаться». Однако второе слово, которое буквально можно перевести как «слушать», «учитывать», имеет и другое значение: «понимать». Поэтому наши мудрецы истолковывают ответ народа в том смысле, что исполнение мицвоис более важно, нежели их понимание. Некоторые же мудрецы считают, что порядок глаголов означает: делание предшествует пониманию не по степени важности, а во времени; считается за добродетель, если человек начинает служить Б-гу прежде, чем поймет смысл служения. И это справедливо как для ребенка, так и для взрослого — ведь когда израильтяне произнесли эти слова, среди них были мужчины и женщины всех возрастов и дети тоже. Начинать надо с действия.

ю. л. Это звучит немного странно.

д. д. Не сомневаюсь, но такая странность отчасти связана и со специфическими проблемами русских евреев, о которых я уже говорил тебе. Ты хочешь все понять прежде, чем начнешь учиться. При таком подходе никакой прогресс невозможен.

Но если я говорю об определенной последовательности действий, которой надо придерживаться, то только потому, что иначе ты не оценишь даже величайшее знание — сочтешь его за тривиальное или пройдешь мимо, не заметив.

Ю. Л. Но почему так?

Д. Д. Воспользуюсь аналогией. Скажем, некоторое время ты пребывал в очень темном месте, например запертым в чулане, и глаза твои уже привыкли к темноте. И вот ты выходишь оттуда и оказываешься в ярко освещенной комнате. Конечно, ты ощущаешь разницу в освещении, но саму комнату и все, что находится внутри нее, ты не видишь, поскольку свет на время ослепил тебя. Это не слишком удачная аналогия, но смысл ее можно понять: чтобы постепенно перейти от тьмы к свету, надо подготовить глаза — только тогда ты сможешь различить, что находится в комнате.

Ю. Л. Почему же эта аналогия не слишком удачна?

Д. Д. Я привел ее, поскольку свет — это то, что позволяет видеть (а видение есть способ постижения); обычно метафорически он отождествляется со знанием, «просвещением», в то время как темнота в нашем сознании отождествляется со всем неясным, неотчетливым. Но признаюсь, когда я подумал о реальности, которую пытаюсь описать, мне пришла в голову мысль, что лучше было бы представить этот переход прямо противоположным образом — как если бы человек перешел из ярко освещенной комнаты в более темную, которая освещена обычным, естественным светом.

Ю. Л. А в чем разница?

Д. Д. Ярко освещенная комната означает кричащую повседневную реальность, в которой обычно пребывают люди, — яркую пантомиму их жизни. Она состоит из немногих основных тонов и сопровождается трубными звуками повседневности. В этом состоянии люди нередко забывают, что освещение комнаты — искусственное и то, что они видят, не более чем игра флюоресцентного света на поверхности, оптическая иллюзия. Выключите свет — и то же пространство будет выглядеть совершенно иначе. Если комната освещена дневным светом, ослепления не последует, как в первом случае. Зато глаза увидят иное измерение комнаты, она откроется по-новому: кричащая яркость сменится мягкой и бесконечно разнообразной игрой обычного света на предметах этого мира. Такое изменение света — от кричащего флюоресцентного до вполне естественного, натурального — больше соответствует изменениям, которые я тебе описал. И, если продолжить аналогию, люди поначалу не принимают этих изменений — их смущает внезапный полумрак (в котором, как им кажется, они оказались). Пока они не привыкнут к естественному освещению, они кричат: «Где свет?! Что с электричеством?»

Ю. Л. Кажется, я понимаю. Но мне все же трудно представить себе, что соблюдение Шабата и прочие действия могут привести к тому результату, о котором вы говорите.

Д. Д. Я уже сказал, делание открывает пространство — возможности нашего сердца и нашей жизни, которые в противном случае останутся скрытыми. Не имея этих возможностей, мы просто будем заслонять сами себя и отправимся в никуда.

Ю. Л. ...заслонять сами себя?

Д. Д. Да, потому что мы большие. Поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас ты должен понять, что начинать свой путь надо с делания: таким всегда был и остается путь еврея.

Ю. Л. Делания чего? Помимо регулярных посещений синагоги...

Д. Д. Синагога к этому имеет весьма небольшое отношение, хотя на этот счет существуют распространенные заблуждения. «Делание» в иудаизме — в Шабат либо в остальные дни недели — в гораздо большей степени относится к дому и работе, чем к синагоге. Ведь наш образ жизни заключается в том, чтобы даже самый незначительный элемент быта соответствовал заповедям Торы, — этим мы занимаемся с момента пробуждения до отхода ко сну. Даже самые обычные вещи — открыть утром глаза, завязать шнурки, выйти за дверь — мы делаем особым образом. Еврей не начнет пить и есть без того, чтобы не произнести соответствующие слова. И так в течение всего дня: что бы мы ни делали, наши мысли и наши действия постоянно обращены к небесам. Мало того, все, что мы делаем в каждый конкретный день, в известной мере регулируется еврейскими законами и традициями. Так, ежедневно мы читаем небольшой отрывок из наших книг, помогаем нуждающимся, занимаемся благотворительностью. Точно так же мы стремимся избегать некоторых вещей в повседневной жизни — стараемся поменьше сплетничать, злиться, лицемерить. Мы не едим определенные виды пищи, избегаем других вещей, запрещенных Торой. Таким образом, даже в повседневной реальности мы стараем-

ся исполнять заповеди Торы и поступать надлежащим образом. Помимо всего этого, часть времени мы посвящаем религии — это касается не только Шабата и священных дней, таких, как Рош а-Шона, Йом Кипур и Пейсах, но и обычных дней недели. Трижды в день — утром, днем и вечером — мы откладываем все свои дела и молча произносим слова молитвы, о которой я тебе говорил. Лучше всего молиться в группе, поэтому многие евреи каждый день ходят в синагогу. Но можно молиться и одному: полчаса отводить на утреннюю молитву, перед уходом на работу, а потом еще по нескольку минут на дневную и вечернюю молитвы.

ю. л. А вы? Я имею в виду, вы сами все это делаете?

д. д. Конечно. Это наш образ жизни, наша Алаха.

ю. л. Удивительно, как у вас находится время....

д. д. Дело даже не столько во времени — его ведь всегда можно найти. Жизнь состоит отнюдь не только из тех минут, которые ежедневно и еженедельно мы посвящаем религии и отводим на те или иные обязанности, но в том числе из всего остального времени, которое в результате само меняется!

ю. л. Не очень понимаю...

д. д. Я уже говорил тебе, нашей целью является открытие пространства в своем сердце — открытие новой возможности. А когда пространство открыто, его можно наполнить. Позволь, я объясню тебе это в категориях самой Торы. После того как народ Израиля вышел из египетского плена, Б-г велел израильтянам построить Ему специальное сооружение, которое на иврите называется «мишкан»: обычно

это слово переводится как «скиния», «шатер», но его основное значение — «жилище», «место обитания». Сейчас подобное требование может показаться странным: в конце концов, в Торе сказано, что небеса не вмещают Б-га и что вся земля (кажется, это сказано не без юмора) подобна крошечному подножию, на которое Он мог бы водрузить Свою ногу, — зачем же тогда требовать от израильтян строить маленький шатер? Более того, зачем им надо было строить его — разве не мог Творец Вселенной выбрать для Себя какое-нибудь восхитительное место в созданном Им земном мире и поселиться там, не рассчитывая на мастеров-людей? Но опять же смысл Его повеления в том, чтобы открыть пространство, которое Он мог бы заполнить. И это главный принцип нашего пути — открывать такое пространство в нашей жизни и в наших сердцах. Потом это пространство обретает способность распространяться вовне. Таким же образом святость мишкана наполнила лагерь израильтян в период их странствий, и сам лагерь в итоге изменился. Именно людям следовало соорудить жилище для Б-га, поскольку так и должно быть: люди создают пространство и Б-г наполняет его.

ю. л. Прямо какой-то психологический опыт...

д. д. Ну, не более чем сооружение мишкана, сделанного (как детально и с любовью описывает Тора) из реальных досок, бронзовых крюков и льняных полотен.

ю. л. Именно! А вы говорите о чтении молитв и об отказе от какой-то еды...

д. д. Это одно и то же. Такая же схема, такой же план действий, посредством которого раскрывает-

ся наше сердце. Может быть, для тебя это ничего не значащая метафора, но для меня — зримая реальность. Пока не прорвешься к своему сердцу, даже находясь на пороге святая святых мишкана, ты все еще будешь слеп к Б-жественному Присутствию — в тебе еще нет того просвета, сквозь который святость может проникнуть в тебя. Но как только гладкая поверхность сердца чуть приоткроется и образует крошечное отверстие, которое остается постоянно открытым, сияние Б-жье проникает внутрь и освещает тебя изнутри — это сияние столь велико, что ты уже не можешь выносить его, стоя на том же месте в мишкане, — и ты выбегаешь наружу.

Так же рассуждали наши мудрецы. Ведь мишкан, который просуществовал некоторое время в еврейской истории, в конечном счете был заменен Иерусалимским храмом. Многие века Храм оставался жилищем Б-жьем в Израиле. Когда в 70 году новой эры он был разрушен, люди понесли страшную потерю: огромное физическое пространство, открытое в сердцевине народа, оказалось осквернено; иноземные захватчики положили конец храмовым обрядам и богослужениям. Разрушение Храма было и остается огромной потерей. Но один из мудрецов того далекого времени — законоучитель Улла высказал замечательную мысль: «С того дня, когда был разрушен Храм, нет у Всевышнего в мире ничего, кроме четырех локтей Алахи». Выражение «четыре локтя» на иврите означает минимальное расстояние, площадь не больше нескольких квадратных метров. Но что имел в виду мудрец, сравнивая Алаху, то есть наш образ жизни — практику Шабата и будничных дней, молитвы, разрешен-

ную еду и так далее, — с физическим объектом, с Храмом? Ты сам заметил, насколько это разные вещи. И все же в определенном смысле это одно и то же, считает Улла. Храм формирует пространство, возможность — также и наша Алаха формирует пространство. Если сравнивать ее с Храмом, наверное, Алаха покажется скромной: всего-то четыре локтя против грандиозного здания! Но суть в том, говорит Улла, что обе эти структуры предназначены для того, чтобы открывать пространство. Поэтому даже такая потеря, как утрата физического пространства Храма, не лишила Израиль Б-жьего присутствия: каждый еврей имеет возможность открыть пространство в собственной жизни и своем сердце. Так происходит и сегодня. Весь фокус в том, чтобы начать воздвигать и далее открывать.

Ю. Л. А открывать пространство нужно постепенно?

Д. Д. Пространство всегда строится людьми — и это можно делать быстро или медленно. Но когда Б-г наполняет пространство, это всегда происходит мгновенно.

Ю. Л. Может ли Б-г открыть сердце, если пространство для этого не подготовлено?

Д. Д. Разумеется. Но пространство само по себе создает постоянную возможность, неизменный потенциал, а не что-то сиюминутное. Поэтому Тора говорит об «обрезании» сердца именно в смысле постоянного и безвозвратного изменения.

Ю. Л. А как можно начать создавать пространство? Просто делать все то, о чем вы говорили?

Д. Д. Можно делать все, а можно начать с чего-то одного. Лучше, наверное, с одного.

Ю. Л. И с чего же именно?

Д. Д. Первое — это Шабат. Нельзя, конечно, точно определить, что первое, а что второе, но начинать можно с Шабата: ведь Тора говорит о Шабате в самом начале, при описании Сотворения мира.

ШАБАТ

Ю. Л. А что значит соблюдать Шабат?

Д. Д. У Шабата есть две особенности, которые поначалу могут показаться исключаящими друг друга. С одной стороны — это святой день. Мы называем его «Шабат койдеш» («святой Шабат»). День этот посвящается Б-гу: именно такое значение несет в себе слово «святой» в иудаизме — «отделенный, чтобы принадлежать Б-гу». Один из общих принципов Торы заключается в следующем. Все, что у нас есть, досталось нам от Б-га, и, возвращая Ему некую часть, мы тем самым признаем этот факт. Так, часть нового урожая приносилась в Иерусалимский храм, Б-гу посвящались первенцы овец и крупного рогатого скота. То же самое можно сказать о Шабате: нам подарены семь дней недели, но один из них мы отдаем обратно Б-гу. Каким образом? В этот день мы не делаем ничего, чем заняты обычно, в остальные шесть дней недели, — мы не исполняем наших привычных обязанностей, мы вообще не делаем никакой работы.

Ю. Л. А в чем другая особенность?

Д. Д. Из того, что я сказал, ты можешь сделать вывод, что этот день отличается какой-то особой суровостью: например, мы постимся или испол-

няем многочисленные религиозные обряды. На деле все наоборот: это самое радостное время, торжественное завершение недели. Евреи всего мира с нетерпением ждут Шабат как передышку от повседневной суеты. Соблюдать Шабат — значит в течение недели иметь один особый день. Он настолько выше всех остальных дней недели, что они, кажется, и существуют только ради Шабата. В этот день человек отказывается от своего повседневного бытия и, по сути, становится другим человеком. Можно сказать, он в большей степени становится самим собой. Что же касается еды, то в Шабат не соблюдают никаких постов; более того, это узаконенный праздник, когда в течение дня требуется трижды плотно поесть, причем лучшую еду за всю неделю — и обязательно пить вино! Поскольку же приготовление пищи считается одной из форм работы, которая в Шабат запрещена, то все блюда должны быть приготовлены заранее (правда, их можно подогреть, соблюдая специальные правила). Вообще, в отношении еды единственной «обязанностью» в Шабат является необходимость есть и пить приготовленное заранее. То же и с другими обыденными делами: в этот день они запрещены, чтобы как можно полнее ощутить покой и отдых.

Но я обрисовал тебе только главную идею Шабата. Невозможно передать на словах, что значит соблюдать Шабат и жить среди людей, соблюдающих Шабат. И песни за столом, и праздничная еда — все в этот день делается особым образом. Главное, что Шабат служит выражением любви к Б-гу и демонстрирует желание жить согласно

Торе. Тот, кто не понимает смысл Шабата, не знает, что такое быть евреем. Точно так же невозможно понять наши праздники, самому не прочувствовав их: как мы готовимся к Пейсаху и поем особые песни или в осенний день сидим в сделанной нашими руками сукко... Главное, ты не можешь пока понять, как Шабат меняет нашу жизнь во все остальные дни недели — равно как и весь годовой ритм нашей жизни определяется праздниками. А когда ты узнаешь, то поймешь, как пуста и убога жизнь, лишенная всего этого.

ю. л. А что нельзя делать в Шабат?

д. д. Ну, если только схематически... «Не работать» — действительно главное содержание субботнего дня. Это не просто «не ходить на работу». Здесь уместно сравнение с мишканом: в Шабат мы создаем открытое пространство в самом прямом смысле, освобождая собственную жизнь от повседневной суеты. То есть мы не только не ходим на работу, не только не работаем дома, но и не водим машину, не ходим за покупками, не смотрим телевизор, не делаем всего того, что — осознаем мы это или нет — составляет добрую часть нашего повседневного существования. Мы даже не включаем электрический свет и не отвечаем на телефонные звонки.

ю. л. Но позвольте поинтересоваться, кто решает эти вопросы? Я знаю, что еврей-ортодоксы не пользуются в субботу телефоном, но ведь подобного запрета не может быть в Торе — откуда ему взяться до изобретения телефона?

д. д. Конечно, телефона тогда не было. В Торе описаны основные принципы Шабата, но уже в

библейские времена возникла необходимость их разъяснить. Например, в Торе есть запрет «не делай никакого рукомерсла»: библейская фраза буквально может быть переведена как запрет на «профессиональную деятельность». Но что это значит на практике? Если человек воздерживается от исполнения своих профессиональных обязанностей, может ли их исполнить за него кто-то другой? Например, чтобы садовник починил крышу, а плотник, наоборот, поухаживал за садом?.. В другом месте Тора говорит, что нельзя «зажигать огонь» в Шабат. Но можно ли зажечь огонь заранее, чтобы он горел на протяжении всего субботнего дня?

Ю. Л. Ну, это каждый может истолковать по-своему. Однозначного ответа тут быть не может.

Д. Д. Но он должен быть!

Ю. Л. Почему? Если суть в том, чтобы Шабат был днем отдыха, то почему каждый не может поступать так, как ему удобнее?

Д. Д. Тому есть две причины. Во-первых, Шабат налагает обязательства на общину в целом. Тора предписывает членам общины выполнять правила Шабата и наказывать за их нарушение. Ты прав, что многие из подобных правил являются результатом толкования Торы еще в библейскую эпоху. Всем этим толкованиям и комментариям учили с древнейших времен, наряду с письменным текстом Торы. Но главное вот в чем: от всей общины требовалось следовать Закону — поэтому библейские установления, в том числе связанные с Шабатом, должны были иметь ясный смысл и четко исполняться, быть обязательными для каждого. Самой собой, все члены общины должны были исполнять

правила Шабата единым образом — современным людям это уже трудно понять.

ю. л. В чем же другая причина?

д. д. Если бы к Шабату предъявлялись только общие требования, а детали оставлялись на усмотрение каждого отдельного человека, то вся конструкция оказалась бы слабой, вернее, ее вообще не существовало бы. Так и с любой вещью: устойчивость обеспечивается конкретностью. Поначалу может показаться иначе: слова о дне отдыха столь возвышенны, а стоит перейти к практическим вопросам — можно ли звонить по телефону? включать электричество или пользоваться таймерами для автоматического включения света? открывать ли холодильник? — и все звучит как-то слишком приземленно. Но на самом деле каждая деталь здесь несет в себе святость. И то, что сказано в Торе, имеет очень много общего с темой мишкана. Мы уже говорили: Б-г мог просто повелеть: «Построй Мне чудесный дом, и Я поселюсь в нем». Однако Он точно определил размер досок и их точное количество, определил, какой сорт дерева использовать, какие соединительные крючки, что надо делать из золота, а что из серебра, пурпура. И так глава за главой, с перечислением мелких деталей. Суть в том, что все эти детали являются источником силы и святости. И уже после того, как детали тщательно перечислены (как я сказал, на многих страницах), Тора еще раз детально перечисляет, как все эти указания были исполнены. Это очень важный момент. Если бы цель Торы при перечислении всех этих деталей (не только относящихся к мишкану и его принадлежностям, но и к облачениям священников)

заклучалась только в том, чтобы дать нам полную картину, то достаточно было бы единственного описания. Повтор указывает на еще одну цель Б-га: не только показать, что вся сила мишкана в деталях, но и подчеркнуть необходимость правильного соблюдения Б-жьих указаний относительно этих деталей. Повеление типа «постройте Мне жилище, а детали не имеют значения» не сотворило бы (в нашем понимании) защищенного пространства — давление извне сокрушило бы его стены. Однако каждый брус, каждое покрывало, будучи точно определены Б-гом, делают конструкцию устойчивой. И именно потому, что народ в точности исполнил все предписания, он смог добиться успеха. Так и Шабат зависит от мелких деталей; требование, согласно которому они должны исполняться именно таким и никаким иным образом, позволяет стенам быть прочнее, обеспечивает целостность пространства.

ЭТО МОЙ Б-Г

Ю.Л. Я уверен, что пойму эти предписания. Но по-прежнему сомневаюсь, ведут ли все эти знания... ну действительно ли они необходимы?

Д.Д. А что необходимо?

Ю.Л. Скажем, если кто-то двигается по определенному пути, как вы говорите, прежде всего он рассчитывает на то, что изменится его восприятие мира — он обретет нечто новое, испытает какое-то просветление. Например, дзен-буддийские монахи, которые медитируют по четырнадцать часов в день и заканчивают созерцанием какой-нибудь горной

вершины в течение двадцати лет подряд, или мистики-суфии... То же самое и в других созерцательных и мистических традициях. В сравнении с этим любые «торги» — что разрешено, а что запрещено в Шабат — выглядят, простите меня, довольно мелко. Если Шабат, говоря вашими словами, это день, отданный Б-гу, то зачем тогда упоминать о каких-то мелочах и что там могло быть разрешено? Не лучше ли забыть про электротаймеры, холодильники и посвятить день медитации, молитве? Я знаю, что в иудаизме есть мистическая сторона — разве каббала не об этом, не о еврейском мистицизме? Вот это мне по-настоящему интересно — и в гораздо большей степени, чем то, что там разрешено или запрещено в Шабат... Я думал, мы об этом-то и поговорим. Да, я был бы счастлив провести весь Шабат дома, в темноте, и есть на обед один хлеб, если это действительно привело бы к чему-то важному!

д.д. Ты прав, в иудаизме есть элементы — особенно то, что ты называешь каббалой, — похожие на другие мистические традиции. Но ты напрасно думаешь, что мельчайшие детали законов Шабата не имеют значения или не очень важны — кстати, им отводится решающая роль теми же каббалистами. Подобные предписания, четко зафиксированные и повседневно исполняемые, не менее важны, чем брусья и шесты мишкана. Это святы детали. Не знаю, что такое быть буддистом, но могу сказать тебе, что иудаизм — это служение Б-гу, и служение это состоит именно из связанных элементов. Ведь любая идея, будь то «созерцать запредельное» или «Б-г есть любовь», сама по себе никуда не подвинет. Идеям нужны «ноги», так сказать, нужна Алаха. Вот

почему, когда Тора говорит о «любви» или «страхе» Б-жем, она добавляет насчет необходимости соблюдать «Его заповеди», а иногда «и законы Его, и правопорядки Его, и Его заповеди». Это и есть «ноги» — то, что превращает идею в образ жизни. И в этом, мне кажется, заключена огромная сила иудаизма. Ведь если человек хочет прийти к Б-гу, то это не просто некое мимолетное желание, приходящее и уходящее. Надо так структурировать свою повседневную жизнь, чтобы это желание обрело форму, много разных форм, и только тогда желание можно будет удержать и даже укрепить; оно будет возвращаться к тебе снова и снова, пока жизнь твоя сама не превратится в предстояние перед Б-гом.

Ю.Л. Да, конечно. Но разве нет подобной структуры — фиксированных положений — и в других системах? В конце концов, люди, которые практикуют медитацию, делают это каждый день, определенное количество минут или часов, а то и непрерывно. В этом ведь есть своя система — она вполне основательная и приносит результаты. Медитирующие свидетельствуют: эта практика создает в их душе мир и меняет восприятие действительности. Мне кажется, в конечном счете это присуще всем религиям. Разве иудаизм — или, по крайней мере, каббала — не дает того же самого, нового восприятия? Я имею в виду конкретно вас.

Д.Д. Я уже говорил тебе, иудаизм — это служение Б-гу, посвящение наших повседневных мыслей и поступков Б-гу. Поэтому ты не прав с самого начала, когда рассуждаешь о том, что иудаизм дает нам. Иудаизм нас дает Б-гу. И в этом также глубокая разница между Алахой и теми практика-

ми, о которых ты упоминал. Разумеется, я только сторонний наблюдатель и могу неверно судить, но мне кажется, заклинания про значение медитации и всего такого прочего призваны разве что воздать должное, наградить за постоянные усилия — миром в душе, измененным сознанием и т. д. Ничего не может быть более чуждого иудаизму. Подобная практика видится мне столь далекой человеческой душе и реальности, что трудно признать за ней хоть какой-то смысл. Это что-то вроде духовного джоггинга, когда вам предлагается улучшение кровообращения и всеобъемлющая радость бытия.

ю.л. Не знаю, может, вы и правы... Но я не уверен, что способен что-то увидеть под углом «служения Б-гу». Мне хотелось бы быть похожим на еврея, говорящего: «Давайте сначала сделаем, а потом поймем», — но, честно говоря, как-то странно делать все эти вещи в Шабат, не решив прежде главных вопросов. Начать хотя бы с того, что в некоторых восточных философских системах и практиках вообще отсутствует понятие Б-га — в них больше говорится об «энергиях» и «изменениях». И у меня создалось впечатление, что современная физика, странным образом, пришла к тем же заключениям. Все-таки современному человеку трудно представить себе бородатого старика на небесах, вершащего судьбы человечества...

д.д. Да ладно тебе!..

ю.л. Простите.

д.д. Дети и даже взрослые, которые в стороне от всего этого, еще могут рассуждать подобным образом, но только потому, что ничего пока не поняли. Надо просто добраться до истины! В иуда-

изме понимание вырастает из некоей сознательно зафиксированной структуры, и это вполне резонно — по причинам, о которых я уже говорил. Так, в Торе несколько раз сказано о том, что надо «учиться бояться Б-га». На первый взгляд чрезвычайно странное положение, но оно повторяется четыре или пять раз. И каждый раз смысл один и тот же: надо учиться, а учеба заключается в исполнении предписаний Торы. Это и есть структура, о которой я говорил.

Ю.Л. Хорошо, но чтобы принять это за основу, надо поверить — или, по крайней мере, попытаться поверить в Б-га. Без этого ведь нельзя, не так ли?

Д.Д. Конечно.

Ю.Л. Но в этом-то и состоит проблема! Как человек заставит себя поверить, если у него отсутствует личный базис для веры?

Д.Д. Есть разные ответы на этот вопрос. Думаю, лучше и точнее всего будет ответить так: очень многое в человеческом сердце от нас сокрыто... Тебя заботит вера в Б-га? Так ты уже веришь в Б-га. Твоему сердцу это известно — поэтому ты ко мне и пришел. Но сейчас ты пытаешься выпутаться из сетей, борешься с тем миром, в котором нет Б-га, — так тебе внушали. Не надо ни с чем бороться. Оставь все как есть, про запас. Однажды тебе вновь предстоит со всем этим столкнуться. Но сейчас тебе просто надо войти внутрь, в маленький мир реальных вещей, и дать свободу своей душе. Только так ты поймешь, во что ты веришь и как именно тебе нужно поступать.

Ю.Л. И что же мне надо для этого сделать?

Д.Д. Я уже сказал: дай свободу своему сердцу и следуй за ним. Тогда тебя позовет путь нашей Алахи.

Мудрецы очень хорошо это сформулировали: «Все в руках Б-жьих, кроме страха Б-жьего». Имеется в виду, что «страх Б-жий» — то есть вера в Б-га, желание служить Ему — в руках человека, который должен всего лишь освободить свое сердце, чтобы оно следовало этому желанию. Конечно, шаг этот нелегкий, он страшит тебя — тем более что ты не знаешь, куда пойдешь.

Ю.Л. Что вы имеете в виду?

Д.Д. То, что наши мудрецы называли «бременем царства Б-жьего» и обязанностью исполнять заповеди, невозможно понять заранее, до того, как сделаешь этот шаг. Ты ступаешь во тьме. Интересно, что Тора неоднократно повторяет: не важно, как человек был воспитан или подготовлен; реальность Б-жья всегда удивит его, даже ошеломит, когда он предстанет перед Б-гом.

Ю.Л. Как так?

Д.Д. В Торе, например, рассказывается: когда народ Израиля обратился к Б-гу и освободился от египетского рабства, египтяне преследовали их до самых берегов Красного моря. Море расступилось, и евреи чудесным образом спаслись. Так вот, комментируя этот рассказ, наши мудрецы заметили: самый меньший из нашего народа вознесся тогда на уровень общения с Б-гом, выше любого из пророков. На чем строится такое наблюдение? На том, что, оборачиваясь назад, на море, и вспоминая о спасении, люди говорят: «Это мой Б-г, и я восславлю Его». Или, по словам мудрецов, как если бы каждый еврей мог вдруг ощутить присутствие Б-га настолько близко, чтобы сказать: «Вот Он!»

Ю.Л. Это мне понятно.

д.д. Еще нет. Потому что полностью стих звучит так: «Это мой Б-г, и я восславлю Его, Б-г моего отца, и я буду превозносить Его». Этот момент был не только моментом близости к Б-гу, но и моментом признания. Конечно, евреи знали уже о «Б-ге моего отца», о своих предках и о том, как молились Б-гу Авраам, Ицхак и Яаков. Но все это оставалось — как и должно было быть — историей, рассказом. И только на Красном море они могли сказать, исходя из собственного жизненного опыта: «Это мой Б-г», а потом добавить, с изумлением узнав Его: «Б-г моего отца».

Ю.Л. Вы хотите сказать, что каждому из нас в тот или иной момент предстоит оказаться на берегу его собственного «Красного моря»?

д.д. Да полно тебе! Я хочу сказать только то, что никакие разговоры о предстоянии перед Б-гом ничего не дадут. Не знаю, смогу ли я объяснить тебе по-другому, — конечно, было бы лучше, если бы ты знал иврит и Тору. Попробую... Все, что я тебе говорил, касается и самого Моше. В начале книги Шмойс рассказывается, как он бежал из Египта и поселился в земле Мидьян. Когда Б-г призвал его из горящего куста, Моше поначалу почувствовал страх, смешанный с любопытством, — но при этом он явно не понимал, что происходит (точно так же другого пророка, Шмуэла, Б-гу пришлось призывать четыре раза, пока бедняга понял, что голос этот не человеческий, а Б-жий, — впрочем, это совсем другая история). Б-г долго и сурово говорит с Моше, требуя, чтобы тот вернулся в Египет спасти израильтян. Моше отказывается, утверждает, что не может. Причина его колебаний ясна: «Кто я, чтобы мне

идти к Паро и чтобы мне вывести сынов Израиля из Мицраима?» Кто я — поскольку голос звучит в его сердце, он не совсем понимает сказанное и переводит разговор на себя... Но Б-г отвечает ему: «Ведь Я буду с тобой». Моше все еще не понимает, но продолжает: «Допустим, я приду к сынам Израиля и скажу им: Б-г ваших отцов послал меня к вам. И скажут они мне: “Как Имя Его?” — Что скажу им?» Моше ведет разговор в той манере, которую коммерсанты называют «волокитой»: клиент вроде бы проявляет заинтересованность в покупке товара, но до конца не уверен: «Если бы было так и так, то я бы рассмотрел ваше предложение, но при данных условиях не могу». Похожий ответ дает Моше: «Я не утверждаю, что поступил бы таким образом, даже зная Твое Имя, но ведь я его не знаю, так что вообще говорить не о чем». Это способ поторговаться, иногда просто ради того, чтобы потянуть время, и аргументы покупателя берутся с потолка. В самом деле, неужели людям придет в голову спрашивать об Имени Б-жьем после таких заявлений? Нет, Моше таки хочет узнать Имя Б-жье, поскольку он находится на распутье и озабочен тем, кто же таков на самом деле его собеседник. Ответ Б-га не менее красноречив. Внешне Он вежливо отводит вопрос: «Занимайся своим делом». Но на иврите фраза звучит так: «Я есть тот, кто Я есть». (Замечательный ответ тому, кто спросил первым: «Кто я, чтобы мне идти к Паро?») Далее Он дает еще более прямой ответ: «Так скажи сынам Израилевым: “Я есть” послал меня к вам». Хочешь узнать, кто ты такой, чтобы пойти к фараону? Вот тебе ответ, и с ним ты вернешься к своему народу. А чтобы избежать малейшего недопонимания, Б-г повторяет то

же наставление в иной форме: «Так скажи сынам Израилевым: Г-сподь, Б-г отцов ваших, Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Яакова послал меня к вам. Вот имя Мое навеки, и так Меня зовут из рода в род». Улавливаешь мою мысль?

Ю.Л. Не совсем.

Д.Д. «Вот имя Мое» и «так Меня зовут» в устах Моше — все равно что «это мой Б-г» и «Б-г моего отца» для израильтян на берегу Красного моря. И так, ты хочешь прийти к Б-гу — так сделай это! И ты отчасти уже в пути, поскольку само желание исходит из твоего сердца. Но ты должен открыть свое сердце, «строить его» открыто, с мишканом, забыть всякие концепции и конструкции, поскольку все это обобщения — не то чтобы они были неверны, но просто принадлежат «Б-гу моего отца». Ты же должен двигаться дальше — за точными малыми частностями.

ЭТО ШМА

Д. Д. Помимо соблюдения Шабата есть еще одна мицва, которую тебе надлежит исполнять. Утром и вечером ты должен произносить Шма, три абзаца из Торы.

Ю. Л. Это делают каждый день?

Д. Д. Ты что, никогда не слышал о Шма Исроэл?

Ю. Л. Нет, я слышал, даже сразу запомнил ее, но как-то не уловил в ней смысла. «Слушай, Израиль: Г-сподь, Б-г наш, Г-сподь един есть» — эта, что ли?

Д. Д. Можно перевести и так, но тогда смысл Шма и в самом деле не очень ясен...

Ю. Л. А как ее надо перевести?

Д. Д. Да ведь тут речь идет все о том же, о чем мы говорили раньше. Б-га в Торе называют разными именами. Иногда это общее «Эло-им» («Б-г»). В других местах употребляется особое имя Б-жье, которое мы не произносим в силу его святости. Это имя Сам Б-г открыл Моше: оно звучит примерно как «Я есть» — так Б-г обратился к Моше. На русский его обычно переводят как «Г-сподь», потому что на иврите мы произносим вместо него «Ад-наи» («Мой Г-сподь»).

Ю. Л. А зачем использовать два имени?

Д. Д. Тому есть много объяснений. Но сейчас нам нужно разобраться в смысле Шма. Конечно, ты не сразу поймешь все, о чем я говорю, но потом, надеюсь, вспомнишь мои слова, и они станут тебе яснее. Эло-им — это самое общее именование Б-га. В те времена, когда нам была дарована Тора, многие народы, соседствовавшие с Израилем, так же называли своих богов; да и в самой Торе говорится о «богах», «элоим» — деревянных и каменных идолах. Это было действительно общее для всех слово, выражавшее некие отношения. Возьмем пример из повседневной жизни. Маленький ребенок называет своего отца «папой», тем самым фиксируя взаимоотношения с отцом. Но ведь существует и много других пап, помимо его папы. Когда ребенок становится старше, он начинает понимать: у папы есть имя и оно принадлежит только ему. Это имя уже не отражает те или иные отношения, а является неповторимой формой обращения. Вот эти два имени и сосуществуют в иврите.

Ю. Л. И что же?

Д. Д. Что такое «имя-отношение», поймет любой: если ребенок называет какого-то человека «папой», ясно, какими отношениями они связаны. То же самое верно и для имени, указывающего на отношения с Б-гом. Но это имя ничего не говорит нам о природе Того, к Кому оно обращено. Поэтому, когда мы что-то узнаем о Б-ге или слышим о Б-ге, речь идет о наших с Ним отношениях. Это «Б-г моего отца», Б-г, о Котором мне говорили. Но наступает момент, когда мы хотим знать больше, хотим знать Б-га по Имени — вовсе не для того, чтобы произносить это Имя или даже размышлять о нем, но чтобы обратиться к Б-гу — Такому, Каков Он есть, узнать именно Его. Только лишь когда это произойдет, можно в полной мере понять смысл Шма. Постарайся запомнить это. Шма следует понимать как нечто вроде «Пойми, народ Израиля: Г-сподь — то есть именно Б-г, Какой Он есть, — это наш Б-г; Он один».

Ю. Л. Ясно.

Д. Д. Не думаю, что тебе так уж ясно, но, надеюсь, со временем поймешь. А пока что тебе надо сделать следующее: приобрести молитвенник (он называется «сидур») и приучиться читать Шма утром и вечером. Шма состоит не из одного предложения, а из трех абзацев, взятых из разных мест Торы. Чтобы прочитать их, нужно несколько минут, даже если ты знаешь Шма наизусть... Потом ты выучишь и другие молитвы, которые читают до и после Шма, но пока начни ежедневно читать Шма.

Ю. Л. С какой целью?

Д. Д. Это Шма — ее читают утром и вечером.

ю. л. Да, но с какой целью?

д. д. Это мицва, предписанная Торой. Мы делаем это, потому что нам это предписано. Многие мицвойс мы соблюдаем только лишь потому, что они заповеданы нам Торой. Я могу ответить на твой вопрос. Однако я должен быть уверен, что ты понял все, о чем я говорил раньше: иудаизм — это служение Б-гу, ты ничего не делаешь для себя, не занимаешься никаким самосовершенствованием. Это надо понять с самого начала.

ю. л. Я понял.

д. д. Можно ответить на твой вопрос иначе: наши мудрецы видели в каждом из трех отрывков отдельную важную тему. Первый отрывок они называли «принятием владычества Б-жьего»: произнося слова «Шма, Исроэл...», мы обновляем наши сердца, признаем владычество Б-жье над миром. Во втором отрывке специально говорится о мицвойс — тем самым мы открываем свои сердца к исполнению мицвойс и на практике демонстрируем признание владычества Б-жьего. Таким образом, порядок, о котором мы говорили раньше (сначала делание, а потом понимание), здесь изменен. И мне это кажется правильным: да, практическое делание открывает пространство для понимания, но все же владычество Б-жье и признание его нами должно логически предшествовать и не зависеть ни от чего, что мы на самом деле могли бы сделать.

ю. л. А третья часть?

д. д. Третья часть завершается словами о нашем исходе из Египта, который мы совершили много лет назад. Ее иногда называют «Исходом из

Египта» (хотя большая часть отрывка связана с другими темами): произнося эти слова, мы пробуждаем в памяти события Исхода.

Ю. Л. Потому ли, что Исход имеет для нас какое-то символическое значение?

Д. Д. Юра, не забирайся пока так глубоко...

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

Д. Д. Это мицва. Все, что от тебя требуется, — исполнять ее. Не пытайся сразу все понять и, уж конечно, не таким образом. Просто прочитай ее. Разумеется, на иврите — я должен был сказать тебе это сразу. Ведь на самом деле ключ ко всему — иврит.

ИВРИТ

Ю. Л. Почему так важен иврит? Боюсь, что «ускоренный курс» растянется у меня на всю жизнь... Конечно, я понимаю, что переводы не всегда точны: это известно всякому, кто занимается литературой. Но учить новый язык — это для меня чересчур, тем более иврит. Неужели невозможно молиться Б-гу и понимать Тору на русском?

Д. Д. Я говорил о другом. Давно принято, что Шма, молитвы, да и все остальное можно читать на любом языке. Однако лучше все-таки выучить иврит и читать молитву на языке оригинала. А в чем, собственно, сложность? Человек, который учится в аспирантуре, не должен бояться нового языка, и уж тем более иврита!

Ю. Л. Да почему «тем более»? Начать хотя бы с того, что придется выучить новый алфавит.

д. д. Выучить алфавит у взрослого человека отнимет один вечер. И при небольшой практике ты скоро его освоишь. Что же касается самого языка, то все зависит от того, насколько ты решил в нем продвигаться. Если ты желаешь понять слова молитв и Торы, то тебе хватит месяца-двух регулярных занятий, чтобы изучить основы грамматики и иметь соответствующий словарный запас. Я не хочу сказать, что тебе никогда не придется лезть в словарь, но даже с начальным словарным запасом ты очень многое сумеешь понять в тексте. А возможностей выучить иврит сейчас сколько угодно. Курсы иврита читают в университетах, в синагогах — ах да, ты ненавидишь все эти групповые занятия. Ну так полно самоучителей, обучающих компакт-дисков (впрочем, с ними ты скорее научишься заказывать пирожные в тель-авивских кафе...). Если на то пошло, можно съездить в Израиль на несколько месяцев и там пройти ускоренный курс — это, наверное, будет самым разумным.

ю. л. Может быть. Но меня все-таки по-прежнему интересует теоретический вопрос. Почему иврит? Ведь существуют десятки, даже сотни переводов и комментариев к Торе — на русском, на английском. Как бы хорошо средний человек ни знал иврит, трудно представить себе, что он сможет понять текст лучше, чем все эти переводчики и комментаторы. С переводами молитвенников то же самое. Если только вы не скажете, вопреки собственным же словам, что человек должен молиться только на иврите...

д. д. Вовсе нет. Человек может молиться на любом языке. Ведь и в самом молитвеннике неко-

торые тексты написаны на арамейском, который постепенно вытеснил иврит из устной речи евреев древнего Израиля и других стран. Однако мне кажется, что даже начальное знание иврита дает большие преимущества — и в молитвах, и когда читаешь Тору.

Ю. Л. Какие преимущества?

Д. Д. Во-первых, знание иврита совершенно новому позволяет участвовать тебе в синагогальных службах. Я не сомневаюсь, что до сих пор ты чувствовал себя в синагоге неловко, скованно, безуспешно пытаюсь найти «нужный кусок» в молитвеннике. В этой ситуации теряется смысл синагогального служения. Когда ты был ребенком, мало ли где ты чувствовал себя не в своей тарелке? Синагога здесь — не исключение. Теперь ты взрослый человек и сам выбираешь, как поступать. Так почему ты относишься к себе, как к ребенку?.. Чуть больше серьезности и сосредоточенности — и ты существенно изменишь эту часть своей еврейской жизни. Кстати, есть проблема с переводами, о которой ты упомянул: если ты совсем не знаешь иврит, все эти переводы будешь читать вслепую. А представляя себе — хотя бы в самых общих чертах, — как устроен иврит, ты сможешь понять замысел переводчика и сравнить один перевод с другим — даже если в основном придется пользоваться переводами, а не оригиналом. Наконец, поскольку большая часть позднейших еврейских писаний (Талмуд и другие книги) посвящена толкованию Танаха, то есть Библии, — выявлению точного значения той или иной фразы, то ты не сможешь понять аргументацию этих писаний в переводе: опять-таки нужно

хотя бы немного знать библейский иврит. Не обязательно быть знатоком языка: даже скромные знания станут залогом успешного пути.

Но есть еще более важный, решающий аргумент в пользу иврита — он-то и определяет преимущества знания языка. По сути дела, иврит — это гораздо больше, чем просто способ выражения мыслей. Он формирует мысли. Всякий, кто знает несколько языков, это подтвердит. Мне пришлось совершенствовать свой русский, пока я не научился вполне непринужденно рассуждать о сложных понятиях, не тратя время на поиски нужных слов. И все равно русский не сразу стал моим родным языком (я не говорю об акценте или произношении — это как раз не важно). Хотя я и думал уже «по-русски», то есть не переводил с грузинского то, что собирался сказать, все равно мысли были грузинские! Просто они транслировались по-русски набором словесных эквивалентов. Да, я делал это автоматически, но мысли и, главное, идеи, которые в них воплощены, еще долго оставались нерусскими. И лишь по мере жизни в России мое мышление начало меняться. Этот процесс занял у меня лет пять, у кого-то — десять и даже больше. Со временем я заметил: размышляя о том или ином предмете, я стал подходить к нему иначе — не по-грузински, а по-русски. Не знаю, есть ли у университетских лингвистов название для такого феномена, но мне он хорошо известен. Это очень важный, по-настоящему переломный момент — теперь, когда я дома говорю по-грузински, русские мысли уже вторгаются в мой родной язык и ищут подходящий словесный аналог на грузинском.

Ю. Л. Я не очень вижу здесь связь с ивритом.

Д. Д. Не секрет, что иврит — это язык, на котором формируются еврейские мысли. Молиться по-еврейски, читать Тору по-еврейски — значит даровать себе язык, на котором определенные мысли и идеи обретаются в естественной атмосфере.

Ю. Л. Но почему это так важно?

Д. Д. Потому что эти идеи и мысли — по существу, ткань иудаизма, его исходный материал. Ведь иврит — язык Торы и других наших писаний, язык, на котором записаны имена Б-жьи (а не «Г-сподь»)! На этом языке Б-г говорил с Моше и другими людьми, на нем Он являет Свое милосердие, прощает, помнит. Языком определяется мир, пространство действия. И оно открыто тебе: нужно только войти, выучив язык, читая и запоминая тексты. А тогда уже, владея языком... Это как с мицвойс, «деятельной» частью иудаизма: они открывают в тебе пространство. Так и иврит открывает в тебе пространство и позволяет твоим собственным словам вернуться к тебе. Русская мысль проникает в мой родной грузинский — так же еврейская мысль проникнет в твой русский, и ты сможешь разглядеть то, к чему прежде был слеп. Кстати, это одна из причин того, почему иврит называют «лошон а-койдеш», «святой язык». Дело ведь не в том, что тот или иной язык сам по себе, по структуре или происхождению, «святее» другого. А в том, что иврит, как язык Торы, в конечном счете становится миром особого видения.

ПРЕИМУЩЕСТВО ПОЭТА

д. д. Ну что ж, мы могли бы двинуться дальше. Какие-то исходные установки ты уже получил, теперь тебе предстоит действовать самому. Если хочешь, можем как-нибудь продолжить разговор, но сейчас ты должен сосредоточиться на том, что мы уже обсудили.

ю. л. Вы еще не сказали об одной вещи, которая очень мне интересна. Почему поэтические способности помогают понять иудаизм? Ведь вы именно это имели в виду, когда рассуждали о частностях, противопоставляя их общему?

д. д. Не только это. Я отвечаю на твой вопрос, но сначала мне хотелось бы, чтобы ты сам рассказал мне о ремесле поэта. Признаюсь, в юности я тоже писал стихи. Да и до сих пор... признаться, пишу. Но я всего лишь любитель. А ты, я вижу, профессионал — твой отец показал мне несколько твоих публикаций в толстых журналах, в еженедельниках. Вот и скажи мне: на что это похоже, писать стихи? Ты пишешь стихотворение мгновенно или постепенно, сочиняя строку за строкой? И существует ли такая вещь, как вдохновение?

ю. л. Многие спрашивают об этом, и каждый писатель дает свой ответ. Для меня труд поэта состоит в том, чтобы предаться поэзии. Я говорю себе: «Я запасаясь временем, своим лучшим временем, чтобы быть готовым».

д. д. Готовым к чему?

ю. л. В какой-то день садишься, чтобы писать, и ничего не идет в голову. Полная пустота. А иногда вдруг на тебя нахлынет неизвестно откуда... Я не

утверждаю, что это то самое вдохновение, о котором вы говорили, — может, дело в витаминах или в полнолунии. Но факт остается фактом — что-то на меня находит. И никогда не знаешь заранее, когда это случится, поэтому просто надо быть готовым.

Д. Д. Скажи мне, а как ты принимаешь решение, о чем писать?

Ю. Л. Опять же у каждого это по-своему. Я крайне редко говорю себе: «Давай-ка напишу о том-то и том-то». Обычно я начинаю с какой-то фразы или образа и смотрю, куда слова меня ведут. Конечно, в результате я всегда пишу о том, что меня волнует или что со мной произошло, но изначально не ставлю перед собой такой цели. На самом деле я, наверное, несколько старомоден — некоторые поэты в России пишут заранее спланированные стихи, даже манипулируют читателем, я же по старинке все еще считаю, что настоящая поэзия не рождается из сознательных установок поэта, его концепций. Поэт разве что создает условия. Как раз это, мне кажется, делает поэзию такой трудной и в своем роде такой духовной. Ведь в конце концов стихи ни из чего не сделаны, ни из какого материала — только из привычных, знакомых каждому слов. О чем ни шла бы речь в стихотворении, слова сами борются за свое существование, преодолевая великую немоту и нетронутую белизну листа. Мне все это видится настоящей стихией: поэт пытается извлечь нечто из немоты и придать этому «нечто» форму, потому что в любой момент немота грозит остаться непроницаемой и неподдающейся. Что особенно трудно — от поэта требуется больше, чем просто подобрать звучные рифмы. Конечно, мы ценим в поэзии

то, что она максимально использует возможности языка, что она красива, — но это только половина дела. Другая половина, которая нередко вступает в конфликт с первой, заключается в стремлении быть истинной, коснуться самого важного, сказать правду, а не просто продемонстрировать нечто впечатляющее, умное, музыкальное. Иногда правда не так умна и элегантна, как ее может представить поэт. Порой правда звучит не слишком поэтично. Поэт всегда погружен в эту борьбу; он не обладает никаким оружием, за исключением своей искренности, стремления в нужный момент оказаться на месте и попытаться что-то извлечь, употребляя слова, которые произносят все, но при этом пытаюсь сотворить что-то доброе и истинное.

Д. Д. Ты очень хорошо все сформулировал. Но разве твой собственный ответ не подсказывает тебе, зачем я задал этот вопрос?

Ю. Л. Возможно...

Д. Д. Видишь ли, между твоим ответом и тем, что я пытался тебе сказать, много общего. Конечно, поэзия — вещь особая. И все же борьба без оружия, о которой ты говоришь, знакома каждому настоящему еврею. Потому что в конечном счете человек, который предстает перед Б-гом, оказывается именно в таком положении: все лишнее отбрасывается прочь, остается лишь его крошечное «я» — здесь, на земле, в поисках Б-га — в данном конкретном состоянии, в данный конкретный момент времени.

Ю. Л. Я понимаю, что вы хотите сказать.

Д. Д. Да, но ты говоришь это без энтузиазма.

Ю. Л. Я надеялся, что все будет как-то по-другому. Я не хочу того же самого.

Преимущество поэта

Д. Д. А это и есть совсем по-другому — не так, как ты себе представляешь. Сравнение с поэзией вполне уместно, но вводит в заблуждение. Потому что в конце концов весь иудаизм состоит в служении Б-гу — а это бесконечно далеко от сочинения стихов. Здесь и там одинаковы только стартовые позиции, ничего более, — хотя и это кое-что значит. Что касается всего остального, то иудаизм должен строиться спокойно и честно, когда исключается все наносное, когда ты безоружен. И преимущество поэта в том, что такое состояние он уже испытывал.

Часть третья

КНИГИ

Несколько месяцев спустя...

Ю. Л. Давид Романыч, я попытался сделать все то, что вы мне посоветовали. И на курс «Введение в иудаизм» в МЕОЦе записался, и на пару служб в синагогу ходил... Но все идет как-то не слишком удачно.

Д. Д. А что такое?

Ю. Л. Это не то, чего я ожидал, и не совсем то, о чем вы говорили.

Д. Д. Не совсем то?..

Ю. Л. Ну да. У меня такое чувство, что все ходят вокруг да около, не затрагивая самой сути. Мне показалось, в прошлый раз мы настроились на одну волну, говорили об одной общей цели. Правда, насчет синагоги вы меня предупредили, поэтому многого от нее я не ожидал. Но вот и «Введение в иудаизм» рассказывает о разных праздниках, о еврейской истории, о еврейских книгах — Торе, Мишне, Талмуде, мидрашах...

Д. Д. Так что же в этом плохого?

Ю. Л. Да ничего плохого. Просто мне кажется, что все это не столь существенно... Хочется сказать себе: ну признайся, наконец, ведь все это не о том... Я не против изучения фактов, имен и названий, в любом

случае я это делаю. Но мне кажется, по сути, это не имеет отношения к тому, о чем мы говорили.

Д. Д. Юра, но ведь ты только начинаешь. Ты что-нибудь довел до конца? Я же говорил тебе: иудаизм — это целый мир и ты только начинаешь в него вглядываться. Я помню, о чем мы с тобой беседовали, но это всего лишь начало. Ты должен основательно изучить каждый аспект иудаизма — повторяю, каждый. Я объяснял тебе: с учетом ситуации в России нужно использовать любую помощь, откуда бы она ни шла — от синагоги, от книг, от чего угодно. Ты учился быть русским больше двадцати лет и только сейчас начинаешь учиться быть евреем. Это не так легко.

Ю. Л. Да, но я не вижу особого смысла в этих занятиях. Еще можно понять, какова польза от изучения иврита: чтобы запомнить наизусть молитвы, — но все остальное — кто кого комментировал, когда что было написано — я не понимаю, это-то зачем?

Д. Д. Просто ты ничего еще не знаешь. И любому человеку в этом неприятно признаваться, особенно человеку в твоём положении. Ты хочешь сосредоточиться на том, что считаешь важным, а остальное все отбросить. Так не получится. Или вернее, получится по-русски, когда иудаизм превратится у тебя во что-то вроде хобби, как у многих наших сограждан, — выучить пару песен, походить на курс еврейской мистики... Повторяю, иудаизм — не хобби, а жизненный путь. И путь этот состоит из деталей: все рождается из благословенных деталей. Так что нужно начать сначала, а затем учиться, учиться и учиться — впитывать все, что можно. Не важно, в

каком порядке учить, — ты в любом случае снова и снова будешь возвращаться к одним и тем же вещам, только в новом контексте, пока действительно не узнаешь их. Понятно?

Ю. Л. Да, но не могу сказать, что все это меня вдохновляет... Вы хотите сказать, что через 20 лет я наконец обрету те знания, которые мог бы иметь уже сейчас?

Д. Д. Я этого не говорил. Насколько быстро ты будешь учиться, зависит только от тебя. Но не надо себя жалеть. Если ты будешь работать напряженно, то через полгода-год основательно продвинешься. Главное, чтобы ты не поддавался лени, не боялся трудиться много и напряженно. Потому что быть евреем — это не хобби, припасенное на выходные дни или на часок-другой вечернего отдыха. Понимаешь?

Ю. Л. Да, понимаю.

Д. Д. Юра, мы можем остановиться прямо сейчас.

Ю. Л. Нет.

Д. Д. Хорошо. Тогда давай посмотрим, чему ты уже научился. Тебе рассказывали о книгах?

Ю. Л. Да, с книгами как таковыми нет проблем. Но не совсем понятно, какая связь между ними — Торой, Мишной и так далее. Ведь они находятся в определенной иерархии?

Д. Д. В каком-то смысле да. Все довольно просто. У нас прежде всего есть Тора — пять первых книг Библии, которые по-русски называются Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. На иврите их называют по первому слову или ключевому слову первого предложения в книге: Брейшит, Шмот,

Ваикра, Бемидбар, Дварим (в ашкеназской традиции они звучат как Брейшис, Шмойс, Ваикро, Бемидбар, Дворим). Иногда эти книги называют Пятикнижием Моше — потому что они восходят к Моше и последние четыре книги повествуют о его жизни. (Первая, Брейшис, рассказывает о древнейшей истории нашего народа, когда еще не родился праотец Авраам, потом об Аврааме, его сыне Исааке и внуке Якове, о двенадцати сыновьях Якова, которые основали двенадцать колен Израиля.) К этим пяти книгам добавляются остальные книги Библии. Часть из них (Иеошуа, Шойфтим, Шмуэл и Млохим) — исторические. В них рассказывает о событиях после смерти Моше — заселении земли Израиля, возвышении Давида и основании царской династии, о царстве, которое он воздвиг, о том, как со временем оно расколосось на два царства, и так далее — вплоть до VI века до новой эры, когда вавилоняне захватили Иерусалим, разрушили Храм и отправили евреев в изгнание в Вавилон. Дальнейшая история описана в Книгах Эзры и Нехемии: через семьдесят лет после поражения вавилонян евреи вернулись на свою землю и отстроили Храм. Есть также книги пророков — среди них Ишаяу, Ирмияу, Ошеа, Амос. Наконец, есть Книги псалмов Давида, притч Шломо, Книга Иова и еще несколько. Все эти книги с величайшей заботой сохранились с древнейших времен; их почитали за священные.

ю. л. Но что такого особенного в эпохе Моше? Я имею в виду, почему именно пять книг, составляющих Тору, — главные, а все остальные служат дополнением к ним?

Д. Д. Хотя мы относим слово «Тора» к первым пяти книгам Библии, древние мудрецы иногда называли Торой всю Библию. Да и сегодня традиционное еврейское учение называют Торой, то есть «священным учением». В любом случае не изложенная в пяти книгах история делает эти книги самыми важными, а мицвойс, Б-жественные заповеди, которые составляют основу нашего еврейского образа жизни: как поклоняться Б-гу, как соблюдать Шабат и праздники, как вести себя в повседневной жизни. Рассказывая о жизни людей эпохи Моше, библейский текст включает и различные установления, которые Б-г дал тогда народу Израиля, в том числе главное — великое Откровение на горе Синай. Эти заповеди — основа иудаизма. Они дают нам план действий, позволяющий как можно точнее соблюдать волю Б-жьё. В этом смысле мицвойс — сердце Торы; поэтому Тора больше, чем какая-либо другая часть Библии, составляет средоточие еврейской жизни. Согласно традиции, в Торе содержится 613 заповедей, которые положены в основу нашей Алахи.

Ю. Л. А в других книгах Библии, помимо Торы, есть заповеди?

Д. Д. Нет. Говоря точнее, остальные книги имеют иной статус в отношении заповедей. Все книги, которые я упомянул, были записаны и почитались как священные, поэтому мы их изучаем и следуем их наставлениям. Но по отношению к 613 мицвойс эти книги важны преимущественно тем, что раскрывают нам содержание Торы. И в этом смысле их значение невозможно переоценить — наши мудрецы недаром говорили, что весь народ Израиля,

включая неродившиеся поколения, духовно присутствовал на горе Синай, когда была дана Тора. И какие бы слова ни произносили поздние пророки, они произносили их потому, что тоже присутствовали на Синае. Они подчеркивали: есть только одно Б-жественное учение, Тора, которое отражается в остальных книгах Библии, в словах позднейших мудрецов и раввинов. Что касается самих мицвоис, то все они содержатся в Торе.

ю. л. Тогда остальная часть Библии подчинена первым пяти книгам? Или это не так?

д. д. С точки зрения мицвоис — да. Но можно сказать проще: Тора появилась раньше. Она была дана нам через Моше на горе Синай и с тех пор стала нашим священным путеводителем. Но на этом не закончились ни история, ни наставления — я уже говорил, потом были пророки и наставники, которые продолжали учить и объяснять, и их слова мы тоже свято храним.

ю. л. А кстати, разве «Библия» — это не христианское слово? И что насчет «Ветхого Завета»?

д. д. Это непростой терминологический вопрос. Понятно, что русское слово «Библия» вошло в язык посредством христианства. Но само слово восходит к греческому *ta biblia*, «книги». Очевидно, грекоговорящие евреи, а потом и христиане называли Библию просто «книгами», или «священными книгами». Поэтому слово «Библия» абсолютно приемлемо для употребления евреями. Что же касается «Ветхого Завета», то это, несомненно, христианский термин, и его следует избегать. Наши священные тексты христиане стали называть «Ветхим (то есть «старым») Заветом» в рамках концепции «Нового Завета».

Ю. Л. А как будет «Библия» по-еврейски?

Д. Д. Специального термина не существует. В наших классических текстах обычно употребляется слово «а-катув» («то, что написано»), «Писание», а также «микра» («то, что читается»). Часто используется выражение «китвей а-койдеш», «священные Писания». А слово «Тора», хотя под ним, как правило, понимают пять первых книг Библии, иногда употребляется в более узком смысле. В раввинистических текстах есть и другие названия Библии. Сегодня в Израиле Библию обычно называют «Микра» или «Танах». Танах — это акроним слов «Тора», «Невиим» и «Ктувим» — трех основных частей, на которые делится текст Библии: Тора, Пророки и Писания.

Ю. Л. А Мишна и другие книги — как они связаны с Библией?

Д. Д. Сама по себе Тора с самого начала не могла служить полным руководством по соблюдению мицвойс. Ты увидишь: это касается и соблюдения Шабата, и самых разных вещей, составляющих нашу повседневную жизнь. Тора — это каркас, основа, но необходимо еще знать, как в точности исполнять то или иное предписание или что нам не следует делать. Кроме того, в нашей жизни есть такие аспекты, которых Тора практически не касается: например, брак и развод, законы аренды, деловые отношения. Эти и десятки других тем в Торе только обозначены — требовалось их раскрытие, детализация. На протяжении многих веков, со времен Моше, такая детализация носила устный характер и со временем получила название «Тора ше-беал пе», «устная Тора», в противоположность «писаной Торе», Тора ше-бихтав.

ю. л. А почему она не была записана? И вообще, почему она сразу не стала частью Письменной Торы?

д. д. На этот вопрос существуют разные ответы. Возможно, Тора, если бы она включала все детали, оказалась бы слишком громоздкой. Есть и другое объяснение: поскольку Устная Тора осталась незаписанной, стало возможным ее расширение за счет более поздних событий, неизвестных во времена Моше, — например, праздника Пурим. Не исключено также, что устная передача части Торы гарантировала особый характер ее изучения, для которого записанного документа могло быть недостаточно: ведь Устная Тора требует наличия двух человек, учителя и студента, и устанавливает определенные взаимоотношения между ними. Согласно другому нашему преданию, Устная Тора служит гарантией того, что только Израиль обладает всей Торой — ведь незаписанные тексты не могут переводиться и распространяться среди других народов (что, по сути дела, произошло с Библией). Как бы то ни было, в результате появилась еще одна часть наших священных Писаний — то, что записано в Мишне, Талмуде и других книгах, о которых ты упоминал.

ю. л. То есть в конце концов Устная Тора все равно была записана.

д. д. Да, верно. Начиная с конца второго века новой эры Израиль оказался в таких условиях, что учения эти надо было оформить, придать им официально закрепленный вид. Так была составлена Мишна. Она вряд ли походила на современное книжное издание, но все равно имела четко зафиксированную форму. Со временем стали делать ее

письменные копии, хотя и в дальнейшем она передавалась в основном в устной форме, от учителя к ученику.

Ю. Л. Здесь я не совсем понимаю. Сначала нам нужна Библия, затем нам нужна Мишна, а там еще, видимо, и Талмуд. С одной стороны, эти книги не являются частью Библии; с другой — считается, что они подобны Библии или даже все-таки являются ее частью — по крайней мере, так они авторитетны и играют такую важную роль.

Д. Д. Полагаю, твоя проблема — следствие особенностей твоей биографии. Ведь у христиан не было своей Устной Торы, только Библия — и это считается естественным в христианской стране, в которой ты вырос. Но ведь подобное вовсе не обязательно. У нас два корпуса книг — один первоначально устный, другой письменный, которые дополняют друг друга и представляют собой собрание основных текстов иудаизма. Если такие слова, как «мишна» и «мидраш», тебе еще незнакомы, думаю, скоро все изменится.

Ю. Л. А кто написал эти другие книги?

Д. Д. Я уже говорил: считается, что передавать Устную Тору начал сам Моше. Но своей окончательной формой она обязана группе законоучителей, которые жили в первых веках новой эры. Тогда наступил решающий период для иудаизма — появление разнообразных сект заставило законоучителей занять твердую позицию и выработать четкие определения. Их деятельность сыграла очень важную роль. Они были первыми, кто стал носить титул рабби, что означает «мой учитель», «мой наставник». Сегодня мы называем их «хазал» — акроним фразы

«хахамену зихронам ливраха», то есть «благословенной памяти наши мудрецы». Но для краткости мы называем их также мудрецами или рабби. Можешь запомнить несколько имен, если они тебе еще не знакомы: Гилел и Шамай, Йоханан бен Закай, раббан Гамлиэл, рабби Акива...

ю. л. Значит, можно сказать, что иудаизм — религия мудрецов? Точно так же, как религия Моше?

д. д. Иудаизм — религия еврейского народа. В некотором смысле она появилась еще до Синая, в среде наших древних предков, и с тех пор передавалась от поколения к поколению. Но мудрецы (то есть хазал) уточнили многие положения и сформулировали их для будущих поколений.

ю. л. Так что же эти книги — я имею в виду, не библейские...

д. д. Мы уже упомянули Мишну, которая передавалась из поколения в поколение и окончательную свою форму обрела около 200 года новой эры. Она не очень велика и сегодня вполне может быть напечатана в одном томе средних размеров. Мишна состоит из шести разделов, в соответствии с шестью основными сферами человеческой деятельности: например, первый раздел называется «Посевы» и разбирает различные аграрные законы; второй, «Святые дни», рассказывает о Шабате, праздниках и так далее. Каждый раздел состоит из нескольких глав, посвященных тем или иным темам и связанным с ними установлениям. Нередко эти темы привязаны к отдельным мицвойс: я говорил, что Устная Тора разъясняет многие практические детали надлежащего их исполнения, то есть основы нашей Алахи, — в них редки отсылки непосредственно к

стихам Торы. В некоторых случаях просто не на что особенно сослаться: как сказано в Талмуде, если некоторые части Алахи глубоко укоренены в письменном тексте Торы, то другие подобны «горам, подвешенным на волосе» — то есть к самым незначительным, проходным замечаниям Письменной Торы существуют невероятно подробные разъяснения Торы Устной, — а третьи вообще «витают в воздухе». Поэтому Мишна не может последовательно и систематически отсылать нас к тексту Торы. Впрочем, есть и другие, более практические соображения.

Ю. Л. Какие же?

Д. Д. Они связаны с тем, как изучается Мишна. Из самого названия (а слово «мишна» является производным от еврейского корня, означающего «говорить дважды», «повторять») следует, что Мишну нужно было учить наизусть. В древности талантливый ученый мог запросто выпалить весь текст от начала до конца. Такой метод изучения требовал, чтобы Мишна была сравнительно краткой, чтобы структура ее подчинялась тематическому принципу, без ссылок на Тору. Конечно, это был не единственный способ учения. Люди изучали Тору, стих за стихом, и при такой форме изучения появлялись стиховые толкования, включая материал, который содержится в Мишне. Этот способ изучения назывался уже не «мишна», а «мидраш», «толкование» — поскольку материал располагался в соответствии с толкованиями отдельных стихов. Если один способ изучения породил книгу, получившую название Мишны, то другой — целую серию книг, названных мидрашами. Существуют мидраши, то

есть стиховые толкования, не только ко всем книгам Торы, но и почти ко всем библейским книгам. На одну библейскую книгу часто существует несколько мидрашей, да и сами мидраши организованы по иному принципу. Может быть, отчасти из-за объема и количества этих книг, несмотря на их огромную популярность, они так никогда и не получили столь же высокого статуса, как Мишна.

ю. л. А Талмуд?

д. д. Итак, Мишну учили наизусть, учитель передавал ее ученику. Этот процесс предполагал не только механическое запоминание слов, но и понимание их смысла, их практическое воплощение: ведь лаконизм языковых средств порой делал текст непонятным. Со временем, особенно у «продвинутых» студентов, появилась традиция не только разбирать значение заучиваемых слов из Мишны, но и обсуждать попутно возникающие теоретические вопросы, изучать (как если бы дело происходило на сегодняшнем семинаре по вопросам юриспруденции) все аспекты проблемы и даже проходиться по тщательно подготовленному списку вопросов. Подобные дискуссии, организованные вокруг небольшого параграфа из Мишны, в конечном счете были записаны и получили название «Талмуд». На самом деле существуют два Талмуда, появившиеся в двух великих центрах еврейской учености эпохи поздней античности — в Израиле и Вавилоне.

ю. л. И какой из них настоящий?

д. д. Изучают оба Талмуда, но с исторической точки зрения Вавилонский Талмуд имел гораздо больше влияния. В итоге центр в Вавилоне стал доминировать: все наши нынешние традиции, уче-

ность (кстати, и молитвы) пришли именно отсюда. По сути, Вавилонский Талмуд можно назвать величайшим корпусом еврейской учености, помимо Библии. В нем есть все — он воспроизводит Мишну, последовательно истолковывает ее и тем самым создает основу для нашей Алахи; при этом Талмуд бесконечно обращается к Торе (чего нет в Мишне) и часто — к стихам других книг Библии. В результате практически вся Библия оказывается истолкованной. Кроме того, в Талмуде встречаются эпизоды из жизни мудрецов, юмористические зарисовки и много чего еще. Сегодня Вавилонский Талмуд издается в двадцати больших томах. Правда, большая часть текста не сам Талмуд, а позднейшие комментарии на него. Так что, сам понимаешь, можно потратить всю жизнь на его внимательное изучение.

Ю. Л. Вот уж великая радость...

Д. Д. Успокойся: еврейская библиотека поражает почти каждого, видящего ее в первый раз. Есть даже специальное выражение на иврите — «ям шел талмуд», «море учености»: тебя охватывает чувство беспомощности, когда впервые сталкиваешься с таким огромным собранием книг. Я ведь еще далеко не все перечислил. Но тебе приятно будет узнать о том, что, хотя такое море существует, вовсе не обязательно пытаться переплыть его сразу или даже исследовать его объем.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

Д. Д. Я имею в виду, прежде всего, следующее: жить как еврей, следовать Алахе и в полной мере быть внутри иудаизма научиться совсем несложно. Наверное, необязательно даже напрямую обращать-

ся к тем или иным книгам. Ты узнаешь все необходимое от окружающих людей, приходя в синагогу или к кому-то в гости — например, к евреям, которых знаешь по университету. Можно также воспользоваться разными руководствами по практическому соблюдению Алахи — их много напечатали на русском. Но «море» книг, о котором я говорил, особенно изучение Талмуда или Библии с традиционными комментариями, имеет в иудаизме самостоятельное значение. Погружение в наши священные тексты, стремление их понять необходимы сами по себе, эта деятельность является мицвой, центральной частью еврейского пути. Иногда, конечно, изучаемый материал имеет практические следствия для нашей жизни, но ведь очень часто мы изучаем, например, обряды, некогда имевшие место в Иерусалимском храме, законы, касающиеся жертвоприношений и ритуального очищения, и тому подобное. Отсюда становится понятной та роль, которая придается процессу учения в иудаизме. Для нас такое учение самоценно; оно необязательно имеет практическое применение и, уж конечно, не выражается в количественных показателях.

Пойми меня правильно: наша цель — много учиться, пропитаться Торой. То есть сущность учебы в иудаизме — погружение в священные тексты, ежедневно, на несколько минут или несколько часов. Если бы ставилась иная задача, то и мицвойс формулировались бы по-другому: для их исполнения человеку, например, необходимо было бы изучить такие-то книги или ежедневно посвятить учебе столько-то времени. Но нет, учеба — это одна из тех немногих мицвойс, которые, по словам наших

мудрецов, «эйн лаэм шиур»: они беспредельны, в них не оговаривается объем того, что ты должен сделать. Это означает, что если даже ты всю оставшуюся жизнь посвятишь исключительно изучению Талмуда и успеешь до смерти изучить его целиком (что удавалось очень немногим), то тебе все равно придется изучать какой-нибудь другой текст, комментарий или возвращаться к началу Талмуда — и все повторять. Важно обратиться к текстам, посвятив им как можно больше времени.

Ю. Л. Но почему делается такой упор на учение?

Д. Д. Опять же на этот вопрос отвечают по-разному. Очевидно, между учением и передачей Алахи существует тесная связь. Сила нашего пути — в «благословенных деталях». А они требуют постоянного внимания: наши самые незначительные поступки перед Б-гом должны быть точно выверенными и осознанными. Поэтому человек учится, чтобы как можно лучше следовать в своей жизни Торе, надлежащим образом исполнять мицвойс. Изучение текстов неизбежно заставляет серьезнее относиться к мицвойс и следовать примеру мудрецов — ведь они так пунктуально и ревностно исполняли мицвойс во всем их объеме.

Во-вторых, учение — это мицва, которая, так сказать, всегда под рукой. Поскольку ей не отводится фиксированное время, то мы всегда можем исполнить ее в свободную минуту — или посвятить ей всю жизнь. И, как ты еще увидишь, она приносит много радости — это не только обращение души к Торе, но и интеллектуальное удовлетворение от постижения вещей, когда следишь за логической цепочкой и угадываешь очередной вопрос. А ведь

есть еще и удовольствие общения и сотрудничества — ведь учение приносит наибольшие плоды, когда учишься вместе с другом или в группе.

Впрочем, существует и другая причина, почему иудаизм такое важное значение придает учению. Ты знаешь, что мир, в котором человек живет, небезразличен к тому, как человек мыслит и как этот мир понимает. Язык, на котором человек говорит, разговоры, которые ведет с друзьями и соседями на работе, в магазине и дома, мелкие повседневные заботы — в конечном счете все это значит гораздо больше, чем просто заполнить время. Таким образом формируется наш мир, наше понимание реальности — никак не меньше. Нам постоянно что-то разъясняют, перед нами расставляют приоритеты, нам адресуют новые идеи, в наше сознание закладывают новые понятия. Каждый миг в нас формируется и закрепляется общий взгляд на мир. И все это мы принимаем — хотим мы того или нет. И может быть, начинаем чувствовать, какая огромная пропасть между современным мировоззрением и иными взглядами на мир — теми, которые самым детальным образом представлены в иудаизме. Для нас изучение текстов — это вхождение в иной мир, мир Торы. Войти в этот мир — значит по-иному осознать, понять наш собственный мир. Я бы сказал, что учение — это «подрывная» деятельность, в хорошем смысле слова. Оно помогает нам ослабить мертвую хватку повседневного бытия и взглянуть на мир под другим углом.

ю. л. Понятно. Но с какой стати надо было настаивать на учении в давние времена? Я имею в виду, до того, как возникла такая пропасть?

д. д. Я не понимаю, что ты имеешь в виду, говоря о «давних временах». Ведь этот аспект учения был хорошо известен нашим древним мудрецам. Рабби Акива, который жил во втором веке, сравнил мир Торы с морем, а нас — с рыбами в этом море, которых Рим хотел выбросить на «сухой берег». Другими словами, погружение в изучение Торы даже тогда понималось как создание атмосферы, отличной от повседневной реальности оккупированной римлянами Иудеи. Думаю, так же дело обстоит и сегодня. Конечно, в наши дни все мы отчасти на «сухом берегу»: в этом смысле мы похожи скорее на амфибий, чем на рыб; так, наверное, было и раньше. Наши мудрецы употребляли даже особое выражение для обозначения правильного пути — «Тора им дерех эрец», «Тора и мирские заботы»: ведь надо и на жизнь зарабатывать. Именно поэтому наша Алаха есть то, что она есть: нам нужно жить в мире, заниматься повседневными делами, но раз в неделю, в Шабат, откладывая все занятия. И даже в рабочие дни, трижды в день, мы отрываемся от дел, чтобы произнести обязательные слова молитвы, и останавливаемся, чтобы прочитать утром и вечером Шма. То же самое и с учением: мы не только выходим из одного мира, но и активно входим в другой. Наконец, Тора подобна воде еще в одном смысле.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

д. д. Тора — это не только атмосфера, не только естественная среда обитания, какой ее видел рабби Акива. Она не только поддерживает нашу жизнь, но и, как вода для живых существ, легко доступна всем. Во всех этих смыслах, учили наши мудрецы, Тора подобна воде. Мало того, Тора, как и вода,

очищает. Таким образом, мы идем своим путем в этом мире и делаем все, что необходимо для нашего существования, но когда приходим, то делаем поворот и входим в мир Торы. Не важно, что тебе выпало изучать — Мишну, Талмуд или Библию с комментариями. Тот, иной мир, еврейские слова, темы Алахи и толкований, особые приемы, с помощью которых мудрецы стремились осмыслить библейский текст, — все это делает обращение к книге похожим не столько на учение в привычном смысле слова, сколько на присоединение — на час-другой — к знакомой компании, когда видишь хорошо знакомые лица в несколько иной обстановке или в процессе освоения новой территории. И такое учение, какое бы удовольствие ты от него ни получил, уже не развлечение. Это в самом деле путь к иному пониманию мира — мира, в котором имеют значение иные вещи. И, даже возвращаясь в наш банальный мир, мы приносим с собой что-то из мира иного, и тогда жизнь человека меняется. Значит, и об этом говорит сравнение с водой: погружение в Тору сходно с погружением в очищающий ручей или поток, из которого выходишь свежим и чистым.

МУЗЫКА

Ю. Л. Вы хотите сказать, что «учеба» в иудаизме предполагает в первую очередь вовсе не изучение каких-то конкретных вещей...

Д. Д. Это так и не так. Помимо всего прочего, учение — часть пути: мы обращаем свою жизнь к Б-гу.

Ю. Л. Понимаю... Но ведь нельзя не согласиться, что очень уж там все вокруг да около...

Д. Д. Что ты имеешь в виду?

Ю. Л. Да то же, что говорил вначале: в иудаизме все выглядит как-то не вполне определенно. Почему, например, не сказать прямо: ладно, следующие два часа посвятите медитации, или молитве, или еще чему-то? Тем более если учение, по вашим словам, — это своего рода очищение. Почему же такой странный подход?

Д. Д. Говоря об очищении, я имел в виду, что это не цель учения в иудаизме, а, так сказать, побочный эффект. Цель учения, то, почему мы учимся, проста — это мицва. Мы стремимся ежедневно исполнять то, что нам заповедала Тора.

Ю. Л. Да, но ведь есть более прямые пути для достижения той же цели...

Д. Д. Какой «той же»? Юра, боюсь, ты все еще не избавился от способа мышления «даешь бег трусцой!». Я уже говорил тебе: иудаизм — это не достижение результатов, а служение Б-гу. В этом смысле ты идешь по ложному пути. Если хочешь чувствовать себя более легко и комфортно, поищи что-то другое.

Ю. Л. Но мне не понятно... Разве вы сами не сказали только что: надо оставить на час-другой все дела ради учения, затем снова к ним вернуться? Можно это назвать «бегом трусцой», можно служением Б-гу: я не вижу особой разницы.

Д. Д. Разница очевидна. Наша цель — обратить свою жизнь к Б-гу. Поэтому, если бы нам было велено играть на фортепиано или жонглировать резиновыми шарами, мы так бы и делали. Точно так же, если бы Тора велела нам сидеть и созерцать горы по

четырнадцать часов в день, мы так и делали бы. Но разумеется, по самой своей сущности иудаизм есть нечто совершенно противоположное: откровение на Синае поставило нашу повседневную жизнь, во всей полноте ее забот, на службу Б-гу. От нас требуется, чтобы мы не только помнили о Б-ге среди всех своих повседневных хлопот, но и определенным образом выстраивали отношения с ближними, отношения между родителями и детьми и т. д. Всему этому и посвящены законы, данные нам на Синае. Такие ежедневные обязанности служат инструментами, сырьем. Понимаешь?

ю. л. Кажется, да...

д. д. Наверное, тебе знакомо чувство, когда все вокруг словно замедляется, отстраняется от тебя — ты вдруг остро осознаешь, что ты именно там, где тебе случилось быть. Это и есть ощущение повседневности — здесь и сейчас. Иногда ты глядишь в окно или сидишь в освещенной солнцем комнате и к тебе приходит такое ощущение. И тогда ты понимаешь, почему иудаизм укоренен в повседневности, почему так реалистичен. Это точка отсчета, начало. Не ищи чего-то впечатляющего, Юра.

ю. л. Но о чем именно вы говорите, о каком ощущении?

д. д. Не важно... Главное в том, что иудаизм — это не бегство от современного мира и даже не преобразование его во что-то еще, а жизнь непосредственно в нем.

ю. л. Может, вы и правы, но как же быть с ультраортодоксами — теми, что носят черные лапсердаки, длинные бороды? Вряд ли они так погружены

в современность! Разве они не проводят все время, сосредоточившись на Торе?

Д. Д. Ну, у нас таких почти нет... А если ты имеешь в виду хасидов в Израиле или в других местах, например в Нью-Йорке, то многие из них в полной мере отвечают тому, о чем я говорил. Одни занимаются традиционными видами торговли — например, продают бриллианты, другие освоили новые специальности — скажем, программирование. И при этом их цель — жить полноценной еврейской жизнью, вести свои повседневные дела, как положено настоящим евреям. Конечно, в каждом поколении были евреи, которые, в силу тех или иных обстоятельств, имели возможность посвящать занятиям Торой все свое время, — но это скорее исключение из правила. Изучая Талмуд, ты видишь, что даже в древности иудаизм был религией сапожников, пивоваров, рабочих, красильщиков, торговцев одеждой. В этом смысле хасиды — наилучший пример того, о чем я говорил. Что же касается черных лапсердаков — это другое дело, это просто их традиция.

Ю. Л. Но разве не так одевается большинство самых религиозных евреев?

Д. Д. Конечно, нет! Хасиды — это община, вернее, несколько общин, которые стараются сохранить все традиции, отличавшие их на родине отцов, — пусть даже такие традиции имели смысл и значение лишь в прошлом. Но в наших писаниях нигде не сказано, что, желая оставаться правоверным евреем, надо носить широкополые шляпы или черные лапсердаки! Между прочим, меня частенько посещает мысль о том, будто смешение разных

«стилей» иудаизма свидетельствует: евреи еще не нашли своего особого пути — как быть евреем.

Ю. Л. А разве есть несколько путей, чтобы быть евреем? И при этом следовать Алахе?

Д. Д. Разумеется. Вспомни Израиль или даже Нью-Йорк — ведь ты там был? — сколько там всех перемешано: иранские евреи, польские хасиды, сирийские евреи Бруклина, немецкие евреи с Верхнего Манхэттена... Вряд ли где-то еще можно встретить более разношерстную публику. Конечно, евреи всего мира в целом придерживаются одной веры и религиозной практики: на Шабат мы все читаем отрывки из одной Торы, произносим одни и те же молитвы (хотя здесь и существуют незначительные отличия), соблюдаем те же заповеди. Мало того, я уже говорил, что мы — как одна большая семья с одной историей; многочисленные нити связывают наши общины, крупные и маленькие. Все евреи знают и чувствуют это. Но в том, как именно человек выражает свое еврейство, бывают существенные отличия, и это зависит от места. И должен сказать: быть евреем в Тбилиси — это что-то совсем особое. Разница настолько ощутима, что иногда даже сожалеешь: ну был бы хоть один явный внешний признак, на который можно указать — вот откуда исходят отличия!

Ю. Л. А в чем, по-вашему, причина таких различий?

Д. Д. О-хо-хо... Это слишком масштабный вопрос, друг мой. Конечно же, тут кое-что значит и общая атмосфера, то интеллектуальное окружение, в котором происходит становление еврея. Интеллектуальное окружение еврейское, разуме-

ется, но и нееврейское. Между прочим, я ничего не идеализирую. Жизнь грузинских евреев порой была очень трудной, особенно в начале 1950-х. Да и евреев в Грузии к этому времени насчитывалось лишь несколько десятков тысяч — с Россией не сравнить... И что касается общей атмосферы, она довольно сильно отличалась от вашей. Полагаю, поэтому быть евреем в Грузии — совсем не то, что быть русским евреем.

Ю. Л. В каком плане?

Д. Д. Да во всех. Прежде всего, это касается того, что мы о себе думали. А также того, что значило для нас сохранять наши праздники и традиции: как мы проводили Шабат, какие особые выражения использовали, что значило для нас ходить в синагогу и то, как мы там себя вели, кто возглавлял наши общины и так далее. Я бы сказал, что порой не только сами наши действия отличались, и даже не только то, как мы их осуществляли: даже два совершенно одинаковых действия могли бы иметь разное значение здесь и там, поскольку и контекст разный, да и у последствий был бы разный привкус.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Но в целом по поводу различных еврейских общин скажу: мне нередко казалось, что ситуация с ними чем-то напоминает музыканта, исполняющего произведение. Ведь музыканты должны подчиняться замыслу композитора — не изменять и не пропускать ни одного нюанса, строго придерживаться темпа произведения, его тональности. Мало того, композитор оставляет указания: «бегло, но не слишком быстро», «с предельной мягкостью» и так далее. И может показаться, что при таком точ-

ном воспроизведении музыкального опуса ни одно его исполнение практически ничем не отличалось бы от иного. Но каждый меломан возразит: одно исполнение отличается от другого множеством нюансов. И дело не только в индивидуальности таланта исполнителя, но и в его восприятии замысла композитора. То же самое, по-моему, происходит с еврейскими общинами по всему миру. У нас всех та же самая Тора, та же Мишна, тот же Талмуд, практически те же кодификации еврейского закона, толкования и постановления позднейших авторитетов. И конечно же, мы везде соблюдаем Шабат, праздники, святые дни. Но все же в разных местах евреи подходят ко всему этому по-своему, они по-разному видят вещи — и, как в случае с музыкантами, между ними есть немалые различия.

ю. л. А что вы думаете о «музыке» российского иудаизма?

д. д. То, что российский иудаизм пытается найти себя. И я вовсе не уверен, получится ли что-то из этого.

ю. л. Что вы имеете в виду?

д. д. Как тебе известно, в России осталось очень мало евреев — по некоторым оценкам, меньше 400 тысяч. Подавляющее большинство эмигрировало: в Израиль, Америку, Германию. Как правило, оставшиеся не соблюдают никаких еврейских предписаний. А ведь когда-то иудаизм в России был чудесным живым явлением — евреи даже говорили на своем языке, идише, и их образ жизни был всецело еврейским. Это была славная цивилизация, но теперь, увы, вряд ли можно ожидать чего-либо подобного. Ведь евреи жили преимущественно тесными общи-

нами, часто в маленьких городках, состоявших на семьдесят, девяносто, а то и на все сто процентов из еврейского населения. Дети учились в еврейских школах, целью которых было религиозное образование: все мальчики учили иврит, каждый хотя бы отчасти был знаком с Торой. И наоборот, нередко взрослые люди практически не обладали элементарными знаниями в математике, географии, в других областях светской культуры: просто эти знания считались ненужными. С середины XIX века предпринимались попытки изменить систему еврейского образования, но без особого успеха. Таким образом, их мир был целиком еврейским. Между собой они говорили на своем языке, и уже только это делало их замкнутым сообществом. После же революции в России все стало по-другому — черты оседлости нет, коренным образом изменилась степень интеграции в российское общество (то есть изменилось само «еврейство» евреев), не говоря уже о нынешнем бесконечно более высоком уровне жизни, светском образовании, технологических новшествах и всем прочем. Ожидать, что российские евреи останутся такими же, как их российские предки (это я возвращаюсь к твоим словам), так же нелепо, как и того, что они будут носить те же лапсердаки и меховые шапки, как их предки в Польше.

Ю. Л. Но в том-то и дело! Я же знаю, по фильмам и статьям в журналах, что в Израиле и Америке многие хасиды носят то же самое! Да и у нас религиозные евреи носят шляпы и лапсердаки.

Д. Д. Сейчас объясню. Лапсердаки и меховые шапки, по сути дела, служили отличительными

признаками польского дворянства и буржуазии — то есть по своему происхождению были явно нееврейскими. Польские евреи заимствовали их, потому что в XVIII веке, когда были основаны хасидские общины, их носили модники. Такая уж была тогда мода. Но даже когда мода изменилась, члены общин продолжали носить их в качестве своего отличительного знака — не потому, что они еще были «модными». Причина в том, что так одевались их отцы и деды. Им не хотелось менять традиционную одежду.

Ю. л. Я этого не знал.

Д. д. Разумеется. В сущности, многое из того, что считается сугубо еврейским, на самом деле идет от немцев или поляков.

Ю. л. Например?

Д. д. Ну, например, еда: все эти деликатесы, копченый лосось, рогалики, селедка в разных соусах, каша и прочее — все это нееврейские блюда, которые пришли из Центральной или Восточной Европы. Так же и с другими «еврейскими» блюдами — разве что, пожалуй, кроме вот этого, от которого в животе революция... Его так любят восточноевропейские евреи; ну, ты знаешь, что я имею в виду..

Ю. л. Кугел?

Д. д. Фу, гадость... В любом случае за этим и немногими другими исключениями большая часть блюд, которые русские евреи считают своими, — вовсе не еврейские. Просто евреи привезли их в Россию, где они были малоизвестны или совсем неизвестны, поэтому мы сегодня и считаем их еврейскими. И вообще, многое из того, что тео-

ретически делает нынешних евреев теми самыми евреями — жестикуляция, выражение лиц, некоторые особенности мышления, то, на что они обращают внимание, против чего возражают и так далее и тому подобное, — все это вовсе не еврейское. И разумеется, нужно познакомиться с другими евреями, из самых разных мест — от Северной Африки до Восточного Средиземноморья, — чтобы понять, сколь поверхностный и ограниченный характер носит идея об «универсальных» еврейских чертах.

Ю. Л. Так что же остается? Что же, в евреях нет ничего специфически еврейского?

Д. Д. Конечно, есть. Начнем с уникальных черт, общих для всех общин. Это наша Алаха и образ жизни, который она определяет, — более того, она определяет и особый характер нашего мышления, нашего мировоззрения. И мы, как я уже говорил, генетически одна семья — поэтому мы часто так похожи. Но помимо этого есть многие вещи, независимо от их происхождения, которые переняла та или иная община, и они постепенно стали еврейскими. Идиш в основе своей — это диалект или смесь диалектов немецкого. Но когда некоторые немецкоговорящие евреи эмигрировали в страны Восточной Европы, они лишились первоначального лингвистического окружения и их речь сохранила особенности, исчезнувшие из других форм немецкого. В свою очередь, они тоже изменили свой язык, введя в речь много еврейских слов и выражений. В результате появился новый, отчетливо сформировавшийся еврейский язык. То же произошло с лапсердаками и шляпами. Сначала это была нееврейская одежда, но евреи сохранили ей верность даже

после того, как мода сменилась, и превратили ее во что-то очень характерное для себя.

Ю. Л. Так что же заставляет вас думать, будто они когда-нибудь изменят своей традиции?

Д. Д. Дело в том, что в одежде нет ничего существенного, так же как нет ничего существенного в идише, хотя в нем есть еврейские слова. В новом окружении такие традиции обычно меняются или даже исчезают, пусть медленно и со скрипом. И знаешь ли, в этих лапсердаках жарко! Уверен, летом в Нью-Йорке или Тель-Авиве в них довольно неуютно себя чувствуешь — порой даже зимой: ведь теперь повсюду центральное отопление... Наверное, они исчезнут не сразу. Но знаешь, я заметил, что в Израиле некоторые хасиды теперь носят лапсердаки, только внешне похожие на тяжелые лапсердаки их предков, — на самом деле они сделаны из легкой, не требующей глажки синтетики. Это небольшое изменение, но мне кажется, очень показательное для будущего. Так и на более глубоком уровне: что бы ни случилось с одеждой, иудаизм в Америке, Израиле, да и в России незаметно отойдет от того, чем он был в старой Восточной Европе. Возможно, эти изменения не будут носить драматического характера и, конечно, не станут совершенно новым направлением, но «музыкальное» исполнение постепенно изменится везде. Так всегда и было.

Ю. Л. А не станет ли «музыка» российского иудаизма напоминать реформистский или консервативный иудаизм? И вообще, реформисты как-то больше «подходят» современной России, чем ортодоксы.

д. д. Но реформисты изменили ноты. Они изменили само музыкальное произведение, изъяв из него целые части и заявив: «Нам не нужно играть эту часть» — на самом деле очень большую часть, — а другие разделы начали играть в иной тональности или вставляя целые фразы и мотивы из другой пьесы. Это была серьезнейшая ошибка, которая нанесла огромный урон иудаизму, превратив его из служения Б-гу в служение человеку и «национальной идентичности». И я заявляю об этом безо всякого удовольствия, поскольку кое-что знаю об истории и первоначальных целях этого движения.

ВЕТВИ

ю. л. Но ведь вы ортодокс, не так ли?

д. д. Честно говоря, мне не нравится это слово, но сегодня приходится мириться со штампами.

ю. л. Что вы имеете в виду?

д. д. Тебе наверняка известно, что сравнительно недавно вообще не было никаких «школ» или «течений» внутри иудаизма — был просто иудаизм. Ведь даже сегодня во многих странах мира (включая Израиль) под «ортодоксией» понимают традиционный иудаизм. Так происходило и с нами: никто в моей семье не называл себя ортодоксом — только евреем.

ю. л. И это действительно так?

д. д. Разные течения характерны главным образом для отдельных стран Европы и Америки. Допускаю, еврейское население этих стран считает вполне естественным, что иудаизм существует

в трех или четырех разновидностях, но поверь: бóльшая часть еврейских общин в мире все еще находит такую идею очень странной. В Тбилиси, например, мы ничего не знали ни о чем подобном, — возможно, поэтому я отношусь ко всем этим направлениям с некоторой симпатией, даже если не вполне объективно. Но в конечном счете ты прав: я верю, как и ортодоксы, что надо придерживаться такого иудаизма, каким он всегда был, и наших традиций. Иного иудаизма попросту нет. Надеюсь, постепенно все это поймут: ведь нынешнее положение в России сложилось лишь в последние пару десятков лет.

Ю. Л. Признаться, я мало знаю об истории вопроса...

Д. Д. Реформистский иудаизм появился в Германии как реакция на Просвещение и политическую эмансипацию евреев в XIX веке. История его возникновения довольно сложна, поскольку обусловлена множеством факторов политической и интеллектуальной жизни евреев. Но в целом побудительная причина реформизма — стремление модернизировать иудаизм и примирить его с новыми рационалистическими веяниями в европейской мысли, с теми задачами и возможностями, которые возникали перед нами во все более открытом и секуляризирующемся обществе. До Нового времени европейские и все прочие евреи жили замкнутыми общинами; простые люди и правители (а соответственно и закон) рассматривали их как отдельное целостное сообщество, народ внутри народа, со своими ограничениями и обязательствами. Такое положение отражалось на них самым

пагубным образом или было вполне безопасным, но никогда, вплоть до Нового времени, оно не подвергалось сомнениям. В конце XVIII — начале XIX века у евреев Западной Европы появлялось все больше возможностей примкнуть к основной группе населения и со временем, превратившись в «добрых немцев», остаться «добрыми евреями». При этом часть евреев почувствовали необходимость заново определить, что же такое «еврейство», и даже изменить саму иудейскую религию. Подобные попытки принимали разные формы; одной из них стал реформистский иудаизм (иногда в России его называют прогрессивным иудаизмом).

Ю. Л. И то, что произошло, вам не нравится?

Д. Д. Прежде всего, я сказал бы, что нужно относиться с пониманием к той внутренней борьбе, которая привела к появлению реформизма. В истории уже случалось, что евреи пытались переосмыслить свою веру и религиозную практику в соответствии с общими переменами в интеллектуальной и политической жизни своего времени. Более того, такое переосмысление постоянно происходило в еврейской истории. Но ошибка реформизма состояла в том, что евреи отвергли самую основу иудаизма. Многие реформаторы хотели превратить свою религию в Моисеев вариант немецкого протестантизма, дополнив ее немецкими гимнами, величественной органной музыкой и отрехнувшись от всех ее «отличительных» признаков (не только еврейских молитв и законов кашрута, но практически и от Алахи). Поэтому реформистский иудаизм, не прижившись на большей части Восточной Европы и в других местах проживания евреев, стал мощной

силой в Америке, где порой принимал еще более радикальное обличье. Некоторые американские реформистские конгрегации со временем дошли до того, что запретили носить кипы и даже перенесли еженедельную службу на воскресенье, желая больше походить на нееврейских соседей.

ю. л. Знаю, но разве это не естественный ход развития событий, если рассматривать явления в исторической перспективе?

д. д. Разумеется. Основатели реформизма полагали, что делают добро для иудаизма; в любом случае они отвечали на насущнейшие требования изменившейся ситуации. И что сказать тем, кто сегодня принимает реформизм? Они просто не знают иного пути. Но взгляни на происходящее открытыми глазами и прими вещи такими, каковы они есть. Раз уж ты имеешь кое-какие представления об иудаизме и понимаешь, что означает в полной мере жить по Алахе, то ветви иудаизма должны представляться тебе тем же, чем и мне — отклонениями, «нововведениями». Как сказано об этом в Торе, «что не приняли наши отцы». Боюсь, чем активнее эти ветви стремятся отделиться от ствола, тем скорее они сохнут и хиреют. А вот хасиды московские, как бы к ним ни относились в России, по крайней мере, несут в себе что-то живое, знают, что такое посвятить жизнь служению Б-гу. То же можно сказать и о моей общине в Большом Спасоглинищевском (хотя мы не носим бороды и лапсердаки). Но некоторые организации, появившиеся уже в перестроечной России, озабочены только тем, что называется «еврейским выживанием». Эти проникновенные слова выра-

жают надежду на то, что следующее поколение русских евреев будет считать себя евреями; они предпочтут вступать в брак с евреями (хотя для кого-то это всего-навсего романтическое желание); они будут так или иначе формально связаны с иудаизмом — через синагогу, еврейский культурный центр или социальную организацию. Но уж слишком это все стерильно и малопривлекательно. словно специально хотят заставить будущее поколение поступать вопреки этому. Ибо что есть еврейский народ без своего стержня — еврейской религии и традиций, нашей преданности Б-гу и путям Торы?

ю. л. Послушав вас, решишь, что русский иудаизм обречен: он либо сохраняется в небольших этнических общинах, сопротивляющихся русификации, либо умирает, как только становится по-настоящему русским. Вы действительно так считаете?

д. д. Нет, нет, хотя картина не внушает оптимизма. И все же мне кажется, что в прошлом евреи всегда сталкивались с проблемами адаптации к новым местам и новому окружению, однако справлялись с ними. Меня частенько посещает мысль: реформисты в Германии и в Америке, в сущности, добились одного — удушили такой процесс.

ю. л. Каким образом?

д. д. Перескочив через него. Уверен: не появившись реформизм — и породившие его проблемы разрешились бы: иудаизм развивался бы в рамках нашей Алахи — не только в Германии и в Америке, но и в России. Благодаря этому евреи сохранили бы верность своим традициям, но в контексте совершенно новых социально-политических условий — «музы-

ка» иудаизма наверняка звучала бы иначе, по-новому, но при этом соответствовала бы Алахе.

ю. л. То есть возникло бы другое течение, осуществлявшее модернизацию в уже сложившейся структуре?

д. д. Я бы не говорил о «течении»: история разных «течений» такова, что это слово не слишком привлекательно для меня. Но вообще твоя формулировка довольно близка к той, которой придерживается вторая из главных ветвей иудаизма в Америке (в России ее практически нет), — консервативный иудаизм. Он и возник отчасти как реакция на реформизм, пытаясь «законсервировать» гораздо больше из «исторического» иудаизма, чем это сделали реформисты.

ю. л. Не знал этого.

д. д. Естественно... Опять-таки все явления нужно видеть в их историческом развитии. Возникновение реформизма привело к формированию оппозиционного движения — и в XIX веке появилась так называемая ортодоксия. Это довольно разношерстное движение объединило деятелей ортодоксии из весьма вестернизированных общин, прежде всего в Германии и Австро-Венгрии, обычных традиционалистов, глав ешив, религиозных политиков, хасидских ребе с сотнями их последователей. Придать даже видимость однородности этому сообществу было очень непросто — фактически этого и не произошло, — но общины и течения забыли о своих расхождениях, сплотившись в борьбе с реформизмом.

ю. л. То есть, по-вашему, консервативный иудаизм сменил отвергнутую умеренную позицию?

д. д. Все не так просто. В любом случае некогда возникший консервативный иудаизм тоже начинает меняться; он во многом сблизился с реформизмом. Но в данном случае нас не должна волновать история этих течений. Важно понять то, о чем я уже говорил: еще недавно в иудаизме не было «ветвей». Все общины опирались на одну и ту же Тору, на ту же основную Алаху — даже если отдельные члены общин не всегда строго соблюдали наши законы и традиции.

К примеру, мне случалось посещать общины, члены которых сильно отличались между собой по степени приверженности Алахе. Ситуацию в этих общинах не назовешь идеальной, и все же она кажется мне очень здоровой: ведь ни самые ревностные, ни самые ленивые не выгоняли друг друга и не предлагали примкнуть к другой «ветви». Помню даже одну синагогу, куда люди приходили субботним утром и в какой-то момент службы незаметно исчезали. Все знали, что они спешат на работу. Конечно, это было неправильно и не приветствовалось, но я отчетливо ощущал отношение к ним оставшихся. Они не осуждали ушедших, напротив, испытывали к ним симпатию, даже сочувствие: «Бедняги, им приходится работать вместо того, чтобы, как мы, радоваться дню отдыха и праздника». И никому не приходило в голову сказать: «Если не можете остаться до конца службы, лучше не приходите вообще — ведь вы плохо влияете на других». Как никому из работавших в тот день не приходило в голову принять идею новой «ветви» иудаизма, основанную на сомнительной предпосылке, что в Шабат разрешено работать.

Убежден: историю не изменишь. Что было, то было. Однако мы должны анализировать не только причины, но и следствия. Печальная правда состоит в том, что новые «ветви» извратили иудаизм. На мой взгляд, это серьезная беда: многие евреи полагают ныне, будто им известно, что такое быть евреем, хотя на самом деле ничего об этом не знают.

МОЛИТВА

Ю. Л. Вижу, вы не одобряете консервативный и реформистский иудаизм. Но ведь некоторых эти ветви иудаизма явно устраивают. Все же это лучше, чем ничего, — а так большинство людей вообще ничем не располагало бы.

Д. Д. Возможно, но мне кажется, что самим своим существованием эти ветви создают барьер между евреями и иудаизмом как таковым, иудаизмом как образом жизни. Впрочем, в любом случае меня заботишь больше ты, Юра. Я бы еще с тобой с удовольствием поговорил, но, судя по отдельным твоим словам, не уверен, что в этом есть смысл...

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

Д. Д. Мы много беседовали, и, боюсь, ты не очень настроен самостоятельно проделать этот путь. В этом нет ничего страшного, поверь. Я не собираюсь затаскивать тебя в еврейство, даже если бы это было возможно. Может быть, через несколько лет тебе это станет интереснее, и ты начнешь свой путь.

Ю. Л. Это не так! Мне интересно. Но затрачивать столько часов ежедневно...

Д. Д. Перестань, это не оправдание.

Ю. Л. Кроме того, я не уверен, что и сама-то схема — университет, курсы — так уж идеальна.

Д. Д. А я говорил тебе, она никогда не будет идеальной. Просто ухватись за то, что есть, а потом уж подберешь что-то более подходящее. Но наверное, начать нужно с одной из тех ешивот, куда ходят начинающие. Конечно, это требует немалых усилий. И мы уже обсуждали это: вполне вероятно, что твои соученики тоже не будут идеальными.

Ю. Л. Нет, я хотел бы учиться, как сейчас, — шаг за шагом. Вы сами сказали, что нужно идти по такому пути.

Д. Д. Верно, но нужно это сделать, необходимо начать.

Ю. Л. Да ведь я начал, по крайней мере, мысленно. На самом деле я много об этом думаю... Вы ведь знаете, что меня интересует — поэзия. Я люблю читать стихи, что не очень обычно в наши дни, сам пишу стихи и о стихах. Ведь для меня поэзия — целый мир, который кажется мне таким открытым! Но мне интересен и иудаизм — его я тоже представляю себе как большую открытую традицию. Наверное, это звучит несколько претенциозно, но позвольте мне провести сравнение, как когда-то провели вы, — между иудаизмом и созданием стихов. Если говорить о том, что между ними общего, я бы, вероятно, рассуждал иначе. Прежде всего, в поэзии меня поражает то, что ее никто не изобретает. Я вот о чем: есть некий труд, написание стихов, и этот труд имеет свои собственные традиции и правила. Огромное, невысказанное количество стихов уже написано. И, начиная писать, ты просто подхватываешь идею, изобретенную не тобой, и пытаешься

ся сделать ее своей, стать ее частью — в том смысле, что отдаешься уже существующей традиции. Сначала ты этого даже не осознаешь: тебе интересно делать только то, что исходит от тебя самого. Но скоро ты понимаешь, что делать это можно, только глубже разобравшись в поэтическом наследии и черпая из него, — и это единственный путь, поскольку ты не изобрел поэзию. Ты читаешь стихи и видишь, что сделали другие, даже в техническом смысле — в том, что касается строфики, ритмики, метра. Понимаете, что я имею в виду? И это одна из вещей, которая привлекает меня в иудаизме, — по крайней мере, здесь есть что-то общее в отношении к традиции и новациям.

Д. Д. Да, Йеуда¹...

Ю. Л. И еще одно, что есть в поэзии, — это именно потребность в структуре. Ведь поэтам она тоже необходима: да, существует абсолютная свобода, ты волен говорить все, что угодно, но, с другой стороны, потому-то тебе и нужны какая-то структура, каркас, из которых ты исходишь. Понимаете? И есть что-то еще более важное — надеюсь, вы не сочтете эту аналогию оскорбительной. В прошлый раз вы спрашивали меня о вдохновении. Дело в том, что и у вдохновения есть традиция. Если обратиться к Гомеру или Вергилию, то они всегда «взывали к Музе»: начиная стихотворение, поэт просит Музу вдохновить его. Может быть, это и чистая условность — по крайней мере, в некоторых тек-

¹ Здесь Д. Д. апеллирует к параллели имен: русское Юрий Леваков — и ивритское Йеуда Галеви, одновременно сравнивая их в смысле общности их поэтической природы. — *Прим. ред.*

стах такого рода. Но для многих поэтов за этой условностью, несомненно, существует реальность, выступающая у них на передний план. Многие поэты-классики действительно воображали — «знали», как они сказали бы, — что некто извне, некая подлинная Муза даровала им их стихи. Даже Платон, человек рационального склада, утверждал, что разум поэта «захвачен» вдохновляющим божеством и используется для создания стихов. Сказать такое для Платона — дорогого стоит. И это касается не только Древней Греции и Рима. Многие последующие поэты — Возрождения, XVII века, романтики — говорили о том же самом, вплоть до сегодняшнего дня.

Д. Д. Я не совсем понимаю, куда ты клонишь.

Ю. Л. А вот куда: сегодня психиатры рассуждают о «проекциях», «командных фантазиях» и прочих иллюзиях; иногда они даже оказываются правы. Но дело в том, что у многих поэтов, а может быть, и у всех именно так рождаются стихи. Понимаете, о чем я? За внешней формой стоит реальность, и самый лучший, вернейший способ описать ее — это прибегнуть к прежним понятиям, а не выискивать бесконечно, что у поэта «внутри» головы и что «вне». Потому что если поэт предается старому образу мышления, то он в известном смысле свободен. Ведь он знает точно или хотя бы допускает: то, что он собирается написать, — это не его или необязательно только его рук дело! Ясно? Все эти годы трудилась «муза» — и посмотрите, каким чудесным стихам она дала жизнь!

Д. Д. Не уверен, что все это имеет серьезное отношение к нашей теме. То, что ты говоришь,

довольно забавно: я вспоминаю старый анекдот про парня, который пришел к психиатру и рассказал, что его брат считает себя курицей. «Обычная фантазия, — отвечает психиатр, — приведите его ко мне, — он посетит меня несколько раз, и я вылечу его». — «Только чуть позже, — просит посетитель, — сейчас мы высиживаем яйца». Мне кажется, ты отстаиваешь идею продуктивной иллюзии — но могу тебе сказать, что в пути иудаизма нет ничего иллюзорного.

ю. л. Я этого не говорю и даже про поэзию не сказал ничего подобного. Я пытаюсь объяснить вам, что, с моей точки зрения...

д. д. Тогда позволь мне, уже с моей точки зрения, объяснить тебе, почему с твоими рассуждениями далеко не уедешь. Если не возражаешь, я расскажу кое-что о банковском деле. Ты ведь знаешь, что основные средства банковского обращения — деньги. В нашем обществе, да и в других, даже самых древних, деньги играли решающую, хотя порой и непредсказуемую, роль в жизни людей. Сегодняшние рабочие — шахтеры, например, — всю неделю заняты тяжелым трудом. Они постоянно испытывают физические перегрузки, а то и рискуют жизнью — чтобы в конце месяца получить несколько кусков бумаги с нарисованными на них рисунками и цифрами. Эти бумаги называют рублями. Потом рабочий идет в магазин и выходит оттуда с овощами, молоком и т. д., доставленными из какого-нибудь хозяйства или фермы. На производство этих продуктов были затрачены большие силы — а владелец магазина не только позволяет рабочему выйти с ценными товарами, но и поощ-

ряет его к этому, взамен опять же получая бумаги с нарисованными на них картинками и цифрами.

Ю. Л. Понял.

Д. Д. Уверен? Я ведь ничего не сказал о других функциях денег — о том, как люди стараются скопить и удачно вложить их через разные финансовые институты. И как благодаря вкладам миллионов скромных граждан вырастают новые здания и даже города, реализуются гигантские проекты, которые без этих вкладов остались бы неосуществленными. Фактически весь наш мир, каким мы знаем его, целиком зависит от денежной системы, и без нее рухнет в один момент, сведя нашу жизнь к самому убогому и примитивному существованию.

Ю. Л. Ну и что?

Д. Д. А вот что: представь себе на мгновение, что ты прибыл с Марса узнать, есть ли жизнь на Земле. Ты увидишь все, о чем я тебе рассказал, — обмен товаров на мелкие куски бумаги, — но все это будет лишено для тебя смысла. Тебе захочется выяснить, почему люди держат у себя куски бумаги, хранят их в банке и так далее. Ты спросишь: может быть, эти рубли — долговременная и универсальная еда? Или они содержат в себе какую-нибудь мощную энергетическую составляющую; нельзя ли, например, вставить их в прорезь и завести мотор? Разумеется, на все твои вопросы я дам отрицательный ответ. «Но ведь в них должен быть заключен какой-то смысл?» — спросишь ты. И я отвечу тебе одно: да, рубли — вещь вполне реальная, но они выражают собой нечто такое, чего ты не можешь увидеть или пощупать. Так работают деньги в современной экономике.

ю. л. И что же?

д. д. А то, что ты и сейчас сбит с толку, поскольку все еще являешься марсианином. Смотришь на то, что мы делаем, и спрашиваешь: «Почему так?», «Как такое можно делать?» И особенное недоумение у тебя вызывает то, что все вещи, которые ты видишь, связаны чем-то неосязаемым, чего нельзя съесть, чем нельзя завести мотор, что даже нельзя положить на весы и взвесить. Это невозможно понять извне — ведь ты на все смотришь своими глазами, а то, что ты видишь ими, ни на йоту не приблизит тебя к пониманию. Ты видишь какую-то деятельность, возведенные города, но самое существенное ускользает от твоего взгляда. Однако покончим с аналогиями и вернемся к реалиям. Йеуда, ты должен научиться видеть изнутри, позволить своему сердцу привести тебя в мир, который не создан для глаз. И для этого есть путь; тебе только следует вступить на него. Иначе ты всегда будешь недоумевать, неизменно оставаться снаружи. Поэтому я предлагаю тебе вернуться назад и подумать об этом. Разумеется, я не знаю, что в твоём сердце и куда оно тебя зовет. Может, ты не хочешь продолжать? Это совершенно нормально. Но если хочешь продолжить, тогда путь ясен. Мы с тобой уже говорили об этом — о Шабате, молитвах, иврите...

ю. л. Расскажите мне о молитвах?

д. д. Так я уже рассказывал. Ты должен выучить их наизусть, и тогда тебе будет легко произносить их трижды в день.

ю. л. Но вы не объяснили мне, почему они так важны. Если, конечно, вы не устали рассказывать обо всем этом.

д. д. Нет, нет, я скажу тебе. Видишь ли, молитва — это наше приношение Б-гу, а всякое приношение, как и жертвы в Храме, должно быть непорочным. В этом кроется еще одна причина того, почему необходимо выучить молитвы наизусть.

ю. л. Все же я не вполне понял. Ведь слово «молитва» для большинства людей в России ассоциируется с просьбой о чем-то или с чем-то вроде медитации, но никак не с приношением.

д. д. Но у нас это именно так. Даже если мы о чем-то и просим в молитвах, то просьба есть форма служения.

ю. л. Объясните, пожалуйста.

д. д. Позволь мне вернуться к храмовым жертвоприношениям. Когда наш Храм стоял в Иерусалиме, коаним (священники, служившие там) каждый день приносили в жертву животных, а также воскуривали фимиам.

ю. л. Знаю, хотя, честно говоря, меня это все смущает — уж как-то очень примитивно...

д. д. Это лишь жест.

ю. л. Простите?..

д. д. Это был жест, определенный жест; в нем заключается основная форма богослужения. Как-нибудь мы поговорим об этом, но сейчас тебе лишь нужно понять, как все это происходило. Каждый день в Иерусалимском храме народ Израиля приносил жертвы Б-гу и таким образом служил Ему. Это был наш непосредственный и постоянный жест по отношению к Б-гу. Потом, когда Храм был разрушен и жертвоприношения стали невозможны, казалось, что и обратиться к Б-гу уже нельзя. Но существовал и иной жест, иная форма контакта, хорошо извест-

ная всякому, — а именно молитва. Так наши мудрецы заменили жертвоприношения молитвой; ведь ранее даже пророк сказал: «Вместо жертв принесем слова уст наших».

Храмовое богослужение заменила молитва: я говорю это в буквальном смысле. Жертвоприношения в Храме приносили дважды в день, рано утром и перед закатом, — вот и было установлено, чтобы евреи читали особую молитву, Амиду, дважды в день — рано утром и перед закатом. (Фактически мы молимся и третий раз, после заката солнца, в полном соответствии с еще одним событием в храмовом расписании.) Амида — это не одна из обычных молитв; это и есть молитва иудаизма, и весь наш молитвенник строится вокруг нее; мы обязаны читать ее каждый день.

ю. л. А о чем она?

д. д. Вначале Амида состояла из восемнадцати небольших разделов (теперь девятнадцати), по одной-двум фразам в каждом. Поэтому иногда ее называют Шмоне эсре, «Восемнадцать».

ю. л. И что это за разделы?

д. д. Ну, начнем с того, знаешь ли ты, что такое браха? Это установленная формула, которую мы используем в наших молитвах. Обычно ее переводят как «Благословен Ты, Г-сподь...».

ю. л. Знаю. Хотя меня всегда поражало ее высокомерие. Люди «благословляют» Б-га — разве нельзя сказать как-то иначе?

д. д. Да, это верно. Перевод ошибочен, хотя и по понятным причинам. На иврите это означает что-то вроде «Я прославляю и благодарю Тебя, Б-г...». Но чтобы быть скромнее и не упоминать себя

первыми в обращении к Б-гу, мы используем пассивный залог: «Прославлен и возблагодарен Ты...» А поскольку «прославлять и благодарить» в иврите также передается русским «благословить», то и всю формулу иногда переводят как «благословен Ты». Здесь «благословение» по своему смыслу близко к «пожеланию всего наилучшего». А так как формула работает в обоих направлениях, мы можем благословлять Б-га — в благодарность, желая Ему «всего доброго», — а Б-г может благословлять нас.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Так вот, эта формула «Благословен Ты, Г-сподь...» — краеугольный камень большей части еврейских молитв. Иногда она предваряет их, иногда завершает, а иногда — и предваряет, и завершает. Я сказал тебе только о начале брахи. По сути дела (ты это еще узнаешь), брахот — это короткие формулы-предложения, иногда отличающиеся между собой одним-двумя словами. Мы употребляем брахот как уже готовую благодарственную формулу, перед тем как едим, пьем, получаем от чего-то удовольствие или же когда исполняем ту или иную мицву. Эти брахот можно легко найти в молитвеннике. Дневная Амида, которую ты увидишь в том же молитвеннике, состоит из восемнадцати, точнее, девятнадцати последовательных брахот. В первых трех мы прославляем Б-га в самых общих словах, а потом просим, одно за другим, все то, что евреи всего мира могли бы ожидать от Б-га: понимания, прощения, здоровья, процветания и так далее. Ну и, конечно же, возрождения нашего национального достояния. Одновременно мы благодарим Б-га за эти дары. Амида заканчивается признанием власти

Б-жьей над нами и новой просьбой о благословении. Что-нибудь непонятно?

ю. л. Мне не совсем нравится сама идея таких формул. Можно понять, что евреи молятся в определенное время, особенно если молитвы считаются соответствующими древним жертвоприношениям. Но по-моему, молитва — если она вообще имеет какой-то смысл — должна быть чем-то более личным, идущим от сердца. Начиная говорить о готовых формулах — что установлено, то установлено, — не убиваем ли мы саму молитву?

д. д. И да, и нет. Конечно, это так, если чтение молитвы превращается в механический ритуал, — но такая молитва в любом случае считается неприемлемой в иудаизме. С другой стороны, существование готовых формул и зафиксированных текстов молитв дает большие преимущества. Как я уже говорил, молитва — это стремление обратиться к Б-гу. В Амиде мы стоим пред Ним (именно такое значение, «стояние», имеет слово «амида» в иврите) и обращаемся к Нему. В этот момент нам нужно точно знать путь, которым мы пойдем: наше стояние пред Ним и стремление к Нему должны проистекать сами из себя, ничто не должно мешать нашим словам, образующим непрерывную линию, которая связывает нас с Б-гом. Наша задача — быть собранными и точно знать, что происходит. Вот и выходит: содержание наших молитв, а постепенно и каждое слово обретают установленную форму — иначе мы заблудимся и потеряем путь.

ю. л. Но тогда зачем вообще называть это молитвой? Скорее, это похоже на какую-то ритуальную декламацию.

д. д. Что касается Амиды, многое из того, что мы произносим, ты сам назвал бы молитвой, то есть прощением — я уже говорил, мы просим о понимании, прощении, здоровье. В наших молитвах, помимо славословий, есть просьбы — именно для того, чтобы молитва не стала механической. Когда мы просим о чем-то Б-га и сознаем, что все от Него, вся душа наша, все, что мы есть и в чем нуждаемся, переходит в наши слова и мощно движется вперед.

ю. л. Но ведь это относится только к некоторым брахот?

д. д. Да, я уже говорил, начало и конец Амиды содержат славословие и благодарность Б-гу, — это неизменные части молитвы.

ю. л. Я думал, что вся молитва неизменна.

д. д. Это не совсем так. Есть специальные издания Амиды, которые читают в Шабат и на праздники; они отличны от повседневной молитвы. Начальные и заключительные брахот на Шабат и праздники те же самые, но посередине произносятся одна-две брахот, посвященные Шабату или соответствующему празднику.

ю. л. А почему так?

д. д. А потому что было бы неправильным размышлять в Шабат о наших повседневных нуждах. Все, что мы произносим, имеет отношение к Шабату и к нашим праздникам — то, что неизбежно занимает наши мысли в эти дни.

ю. л. Ну вот, как всегда, все усложняется...

д. д. На самом деле нет. Я уже говорил: наш молитвенник выстроен вокруг Амиды, которую мы должны произносить трижды в день. Если ты зна-

ешь повседневную молитву, которую выучишь, постоянно повторяя — дома и в синагоге, — то легко заметишь различия между ней и Амидой на Шабат. Мне кажется, тебе вообще стоит всю ее запомнить наизусть, хотя это и необязательно. Сейчас такое происходит не часто, но наша история отличается тем, что евреи почти всегда знали все молитвы наизусть — тогда посетителям синагог не раздавали молитвенники. Люди регулярно приходили на службу и выучивали молитву.

Кстати, я говорил, что Амиду все присутствующие произносят молча (стоя, конечно), а потом уже один человек, выбранный общиной, повторяет ту же молитву вслух? Таким образом, мы сначала читаем Амиду сами, предстоим пред Б-гом, а потом уже коллективно, целой группой, через избранного нами представителя. (На иврите он называется «шалиах цибур», «посланник общины».) Более того, если ты сконцентрируешься, то такое повторение позволит тебе выучить весь текст наизусть и ты сможешь беспрепятственно обращаться к Б-гу. Да еще и познакомишься с большей частью молитвенника.

ю. л. Большой?

д. д. Еще одно требование состоит в том, что, помимо ежедневного повторения Амиды, нужно читать Шма — утром и вечером, как тебе уже известно. Теоретически Шма можно читать отдельно от Амиды, но у нас давно принято произносить Амиду и Шма вместе. Так что наше утреннее богослужение («Шахарит» на иврите) строится вокруг Шма, с начальными и заключительными брахот, после чего читается Амида. Дневная служба, Минха, включает только Амиду. Вечерняя же снова совмещает Шма

с начинающими и завершающими брахот, после чего произносится Амида. Это наш обычный путь обращения к Б-гу, трижды в день, и так ежедневно. Освоив все это, ты уже не растеряешься в синагоге.

МАЛЫЙ И БОЛЬШОЙ

ю. л. Еще кое-что насчет молитвы... Наверняка мой вопрос огорчит вас, и вы снова скажете мне, что я смотрю на все со стороны. Но все-таки: читать молитвы, о которых вы мне говорили, — на что это похоже?

д. д. Почему же огорчит, Юра? Но отчасти ты прав: это вопрос стороннего человека. Что же сказать тебе? Только то, что говорил раньше: есть маршрут, по которому ты можешь идти, и конкретные технические детали, формирующие маршрут. Назначение таких деталей — помочь тебе.

ю. л. Но почему бы не объяснить, на что это похоже? Ведь вы же знаете ответ — так скажите несколько слов!

д. д. Проблемы не во мне, а в тебе.

ю. л. О чем вы?

д. д. Как бы тебе объяснить... Представь себе двух евреев, Клайна и Гросса. Гросс очень толстый — вернее, он словно выходит за собственные границы, как на детском рисунке. Понимаешь? Когда ребенок рисует человека, он сначала делает круг для головы, большой круг для тела, а потом все это раскрашивает. Но это непросто, карандаши не всегда слушаются, и вот здесь кусок красной рубахи вылезает за пределы туловища, а там розовые щеки выпирают

за пределы головы. В этом смысле Гросс — толстый, он не помещается в отведенном ему пространстве. В результате он всегда встает на пути у самого себя. Даже если Гросс быстро обернется и посмотрит, что за его спиной, он увидит только часть самого себя. Клайн же мал. Мал не в физическом смысле; он умещается в границы, отведенные для его тела. Поэтому Клайн способен видеть иной путь и двигаться по нему.

ю. л. Ясно. Итак, вы — Клайн, а я — Гросс.

д. д. Вовсе нет. Клайн и Гросс — один и тот же человек.

ю. л. Не понял.

д. д. Гросс — это путь нас самих. Не знаю, почему так происходит, — может, связано с эволюцией, но это мы сами и есть. И это очень удобно, особенно потому, что так волнует, увлекает... Но есть нечто ирреальное в таком способе существования, который заслоняет от нас весь обзор и в итоге скрывает реальность. Потому я и сказал, что проблема в тебе. Ты хочешь прорваться к тому, что есть кадош, святое, ухватить его и изучить. Но это невозможно. Гросс и кадош не могут встретиться.

ю. л. Почему?

д. д. Потому что Гросс пройдет мимо. Или, если повезет, он превратится в Клайна.

ю. л. А что значит быть Клайном?

д. д. Я уже сказал: не выходить за свои пределы и быть маленьким.

ю. л. Вы имеете в виду ограничение своего эго или что-то вроде этого?

д. д. Не глупи... Я говорю о чем-то физическом, о том, что умещается в отведенных ему границах.

Ю. Л. Я могу стать Клайном?

Д. Д. Но об этом все еще говорит Гросс! Разумеется... Пришлите нам десять этикеток и бесплатно получите пивную кружку. Только разборчиво напишите свою фамилию.

Ю. Л. Я серьезно...

Д. Д. Разве я не говорил тебе, что нужно делать шаг за шагом, в определенной последовательности? В эпоху Храма тому, кто стремился к кадош, следовало быть чистым, и он проходил специальный очищающий обряд.

Ю. Л. Но ведь сейчас нет Храма?

Д. Д. А разве я не говорил тебе о мишкане? О том, как мы погружаемся в Тору, о том, что приношения на алтарь, которые совершали в древности, сменились нашими молитвами? Теперь понимаешь?

Ю. Л. Кажется, да...

Д. Д. Ничего ты не понял. Но не важно. Тебе придется идти по пути, о котором я сказал, или не идти вообще. В Грузии это ясно всякому. Почему же здесь должна возникнуть проблема?

Ю. Л. Я все еще думаю о Клайне. Вы не могли бы подробнее рассказать об этом?

АЛАХА

Д. Д. Нет, лучше поговорим об Алахе. Думаю, именно с этого ты и должен начать. Тебе так много нужно делать — учиться и делать.

Ю. Л. А что тут еще обсуждать? Кажется, основная идея мне понятна: Алаха определяет, когда и какие молитвы читать, что делать в Шабат и так

далее. А что касается учебы, думаю, вы правы: самое лучшее — общаться с людьми, которые все это знают.

Д. Д. В общем, да, по крайней мере, поначалу. И все же сомневаюсь, что ты действительно понял смысл Алахи. Иудаизм, как я говорил, — это служение Б-гу. Но начинается это служение с соблюдения мицвот. Поэтому в Торе — помнишь, мы обсуждали, — когда предписывается «любить», «служить», «бояться Б-га», то обычно под этим подразумевается «соблюдение Его мицвот», «уставов, и законов, и заповедей», или, иными словами, следует «ходить стезями Его». А мицвот в Торе регулируют самые разные стороны жизни, не только молитвы или Шабат, но и многое другое — в том числе отношения между людьми.

Ю. Л. Но мне кажется, даже исходя из ваших слов, что эта сторона Алахи вторична в иудаизме...

Д. Д. Нет, это не так. Если бы ты знал больше о том, как живут евреи, то понял бы, насколько она важна — включая то, чему учат в школе еврейских детей.

Ю. Л. Но мы говорили об Алахе. Ведь сама Алаха, признайтесь, весьма тесно увязана с религиозными обрядами.

Д. Д. Вовсе нет. Еще раз: Алаха — это конкретные практические правила соблюдения мицвот, применяемые в повседневной жизни. Мы говорили об Алахе применительно к Шабату и молитве, но в такой же мере это относится к заповедям «Почитай отца и мать», «Люби ближнего как самого себя» — и к их исполнению.

Ю. Л. Какому исполнению? Ведь сказано, и все.

д. д. Да нет, конечно! Ты так и не понял, что такое мицвот. В самой Торе сказано, что мицвот — это не пустые слова, а «сама твоя жизнь». Иными словами, мицвот определяют нашу жизнь, и мы должны очень точно понимать и соблюдать их. Это не просто хорошая идея и даже не общее руководство.

ю. л. Приведите пример.

д. д. Ну, допустим, когда определяется конкретная форма соблюдения мицвот. Скажем, в Торе есть стих «ло тиком ве-ло титор эт бней амеха» («Не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего»). Но что это значит?

ю. л. Не знаю.

д. д. Но если не знаешь, то как будешь соблюдать эту мицву?

ю. л. Думаю, об этом нетрудно догадаться. Конечно же, мне известно, что такое месть.

д. д. Хорошо, но разве не бывает случаев, когда месть оправданна? И в чем состоит месть? К примеру, мой пылесос сломался и я хочу одолжить твой, но ты заявляешь: «Мой пылесос очень дорогой, я не могу одолжить его тебе». Через неделю ты приходишь попросить у меня полотер, а я говорю: «Ты мне свой пылесос не дал, почему же я должен что-то одалживать тебе?» Как ты считаешь, не нарушается ли здесь запрет Торы на месть?

ю. л. Ну, для такого случая это уж слишком сильно сказано — другое дело, если бы речь шла о кровавых разборках... Не знаю, все ведь зависит от твоей внутренней позиции. Если месть запрещена, а ты что-то совершаешь из чувства мести, то, скорее всего, нарушаешь заповедь.

д. д. Верно. Но дело в том, что мудрецы формулировали мицвот не в абстрактных категориях, а применительно к конкретным обстоятельствам. Кстати, мой пример почти не отличается от тех, что приводили они: только у них шла речь о «косе» и «кирке», а не о «пылесосе» и «полотере». Размышляя о столь земных вещах, мудрецы, прежде всего, хотели применить мицвот к сотням самых разных жизненных ситуаций — чтобы, столкнувшись с каким-то конкретным случаем, мы не ограничивались им и наши поступки не были бы обусловлены сиюминутными потерями или приобретениями. Нужно учитывать более широкий контекст Торы; мы всегда должны помнить о ней.

ю. л. Вы уже говорили об этом. Прекрасно, что иудаизм разрабатывает правила для любой возможной ситуации. Но, признаться, меня это немного пугает, как что-то тоталитарное. В конце концов, жизнь многообразна, и меня настораживает человек, желающий все предусмотреть заранее: «В таком-то и таком случае будем действовать так и так». Понимаете, что я имею в виду?

д. д. Да, ты не против Алахи, пока она не привязана к повседневной жизни.

ю. л. Нет, не то. Я говорю о людях особого рода — обязанных заранее знать, что они скажут или сделают в той или иной ситуации.

д. д. Может быть. Но именно потому, что жизнь, как ты отметил, многообразна, ничего нельзя предугадать заранее; кроме того, Алаха ориентирована на иной тип личности, вернее, на иной подход. Ею руководствуются люди, чей жизненный путь определяет стремление посвятить мысли и дела Б-гу. То

есть в какой бы ситуации они ни оказались и что бы ни делали в данный момент, эти люди всегда могут остановиться и взглянуть на происходящее с точки зрения Торы.

Ю. Л. Ну, тогда я скажу кое о чем еще, что смущает меня. Ваши слова резко расходятся с тем, что мы видим в реальности.

Д. Д. О чем ты?

Ю. Л. Слушая вас, можно подумать, что евреи — нет, именно религиозные евреи, ультраортодоксы — по определению должны быть светочами морали и нравственности. Но откройте газеты, и вы увидите, что это не так. Сколько мы слышали о еврейских олигархах...

Д. Д. Едва ли они относятся к категории ортодоксов...

Ю. Л. Пусть не они, все равно можно найти настоящих ортодоксов такого рода, даже среди столпов ортодоксии. Как же увязать это?..

Д. Д. Если и так, один-два жулика не меняют общей картины...

Ю. Л. Да тут не один-два... По-моему, не похоже, чтобы ортодоксы особенно заботились о нравственности и этике. Возможно, я не прав, но уж такое у меня сложилось впечатление.

Д. Д. Полагаю, в чем-то ты прав. Но у меня такого впечатления не сложилось. Мне пришлось общаться с традиционными евреями самых разных общин, в разных странах. Нужно признаться, конечно, у нас не так уж много делается публичных заявлений на подобные темы. Но ты увидишь — и у меня уже был такой опыт, — что у этих людей вошло в повседневную привычку не говорить ни о

ком плохо: ведь это тоже часть нашей Алахи. И они не лгут и не крадут. Ни при каких обстоятельствах. В этом есть некая прямолинейность, ты бы даже сказал «поверхностность», но она для меня гораздо естественнее любого морализаторства, которое часто оказывается демагогией. Да, пожалуй, весь мир этих общин, говорящих на идише, — «стиль жизни», как принято сейчас выражаться, — довольно далек и от тебя, и от меня. То, что тебе кажется утаенным или недосказанным, им не нужно договаривать, поскольку они понимают друг друга. Что характерно для евреев — обычных евреев из самых разных общин — это исконная честность, какой ты не найдешь ни в одной другой группе людей. И это касается старых восточноевропейских общин и их наследников. В любом случае твоя задача — не стать таким, как они, а учиться у них тому, что значит быть евреем, и соблюдать Алаху, даже если ты будешь делать это по-своему. Возвращаясь к нашей теме: нужно знать о пылесосах, о различии между мезью и обидой.

ю. л. А есть ли такое различие в случае с пылесосом?

д. д. Разумеется. Помни о том, что сказано в стихе: «Не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего». И в чем, ты думаешь, здесь различие?

ю. л. Я не знаю точного смысла ивритских слов, их смысловых оттенков. По-моему, это как бы две стороны одной медали: ведь по-русски слова «мстить» и «злиться» довольно близки друг к другу, хотя «мезть» — скорее действие, следствие «злобы». «Хранить злобу» — это внутреннее состояние, по крайней мере, в русском языке.

д. д. Но не в Торе. Ведь твое понимание «злости» близко тому, о чем говорится в Торе чуть раньше: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём» — что, кстати, тоже запрещено. Но «злоба» — это нечто другое; кстати, принцип Торы состоит в том, что ничего не говорится просто так, и если сказано о двух разных явлениях — «мести» и «злобе», то и месть, и злоба подпадают под запрет. Наши мудрецы фактически определили чувство злости на примере косы (или пылесоса, если угодно). В первом случае, когда я говорю тебе: «Вы мне не одолжили свою газонокосилку, почему я должен что-то одалживать вам?» — это месть. Но если я тебе одалживаю машинку для подравнивания кустарника и говорю при этом: «Я даю ее тебе, хотя ты проявил жадность на прошлой неделе», то это называется злопамятностью, которая тоже запрещена. Потому что мы обязаны относиться друг к другу доброжелательно и с уважением и, если в чем-то не правы, тут же должны попросить прощения. Это мицвот, и к ним следует относиться серьезно.

ю. л. Но что же тогда не Алаха?!

д. д. Вот это вопрос получше — ведь на самом деле Алаха определяет огромную часть нашей жизни, будь то Шабат, праздники, молитвы, отношения с семьей и близкими, правила ведения бизнеса, порядок споров, ответственность за бедных и общину в целом, поведение в случае беды или утраты близких (Б-же сохрани!), равно как и в счастливые моменты. Я уже говорил, основы Алахи ты освоишь быстро, но, научившись усваивать знания, увидишь, откуда идет Алаха, из каких стихов и каким образом выводятся правила. Узнаешь и мно-

гие другие нюансы, которые в противном случае мог бы упустить.

Ю. Л. А под словами «усваивать знания» вы, наверное, имеете в виду изучение Алахи?

Д. Д. Не совсем. Алаха испокон веку имеет пару — Агаду. Вместе они и образуют материал для изучения, к примеру, в Талмуде.

Ю. Л. А что такое Агада?

Д. Д. Лучше всего определить ее так: «Все, что не Алаха». Но вряд ли это определение что-то объяснит. Агада на иврите означает «нарратив», «повествование». Так мудрецы не только объясняли Алаху, но и нередко комментировали библейские рассказы. Видишь ли, они не делали общих заключений: «Из рассказа Иосифа мы узнаем то-то и то-то»; для них было важно каждое слово библейского рассказа — так же, как каждое слово из мицвот, чтобы применять их в повседневной жизни. Разбирая библейские рассказы, они стремились извлечь смысл из их мельчайших деталей и связать одну с другой.

Ю. Л. Похоже на литературную критику...

Д. Д. Лехавдил!

Ю. Л. Что это значит?

Д. Д. Буквально это значит «различать» — не нужно сравнивать сакральное с обыкновенным. Не то чтобы между объяснениями мудрецов и литературной критикой не было ничего общего, но все-таки различий больше, чем сходства. В любом случае ты все это узнаешь — когда-нибудь обсудим. Скажу только одно: наши мудрецы стремились истолковать все, что есть в Торе, и применить это в жизни. При этом наша повседневная практика и поведение

определяются Алахой, тогда как Агада связана с истолкованием и разъяснением рассказов.

Ю. Л. И это единственное различие между ними?

Д. Д. Есть и другие отличия, вытекающие из основного. Алаха, как ты увидишь, очень часто носит практический, бытовой характер, в то время как Агада, интерпретируя повествование и устанавливая связи в тексте, несет в себе творческое начало. И она порой исполнена юмора — надеюсь, ты скоро это оценишь. По сути дела, Алаха и Агада дополняют одна другую, поэтому в Талмуде они занимают примерно одинаковый объем.

КОРАХ

Ю. Л. А вы не могли бы привести пример Агады?

Д. Д. Да ты наверняка уже знаешь некоторые агадот. Разве не слышал о пасхальной Агаде — маленькой книжице, которую мы читаем за пасхальным столом? Ведь в ней много агадот — о четырех сыновьях, о неизвестных казнях на Красном море и так далее. Ты найдешь там действительно мудрые объяснения отдельных мелких деталей, упомянутых в Торе.

Ю. Л. Каких деталей?

Д. Д. Ну, это долго рассказывать. Лучше я приведу тебе простой пример, скажем, из недельной главы Торы, которую читают каждую неделю в синагоге. Она включает несколько глав из текста Торы, поэтому в течение года прочитывают всю Тору. Кстати, евреи всегда в течение недели, в преддверии Шабата, изучали эти главы. «Изучали» — значит, не

просто читали Тору, но и традиционные комментарии к ней.

ю. л. Какие?

д. д. В прежние времена евреи читали Тору вместе с ее арамейским переводом — и не только потому, что арамейский был для многих языком повседневного общения: переводы, таргумы, нередко представляли собой свободный пересказ, разъясняющий трудные места в тексте. Поэтому существовал обычай каждую неделю дважды прочитывать саму главу Торы и один раз — таргум, чтобы лучше ее понять. Есть также комментарии к каждому стиху библейских книг, так называемые «мидраши». Их тоже подробно изучали. Позже, в Средние века, многие выдающиеся ученые писали или составляли новые комментарии. Самый известный и популярный комментарий принадлежит Раши, ученому-талмудисту, который жил во Франции в XI веке. Это был необыкновенный талмудист, наверное, величайший из всех; его комментарий к Талмуду до сих пор остается классическим и воспроизводится почти в каждом издании Талмуда. Такой комментарий пишут всю жизнь, но Раши создал еще комментарий к книгам Танаха — они для всех евреев сохраняют первостепенное значение. Он собрал многочисленные толкования мудрецов, толкования из таргумов, Талмуда, различных сборников мидрашей, выбрал из них те, какие считал нужными, и составил из них последовательный комментарий к Торе — добавив, где следовало, собственные комментарии.

ю. л. А почему его комментарий так популярен?

д. д. Потому что Раши удалось изложить в сжатой форме огромный материал; кроме того, он отобрал

тексты, которые обладают внутренней цельностью, исключив двусмысленные, хотя и не лишённые очарования элементы более ранних мидрашей. Комментарий Раши не только сразу стал классическим, но и в конце концов изменил сам характер изучения текстов Танаха евреями всего мира. Вскоре изучать Тору с комментариями Раши стало обычной практикой, а иногда Тору изучали только таким образом. Так что сегодня распространены издания Торы, включающие сам текст, арамейский таргум Онкелос и комментарий Раши.

Ю. Л. А другие комментарии, о которых вы упомянули?

Д. Д. Если бы мы с тобой знали арабский, то могли бы изучать Тору вместе с арабским переводом рава Саадьи Гаона, еврейского ученого X века. У нас популярны издания, состоящие из Торы, Онкелоса и Раши, а у евреев арабских стран всегда были очень популярны издания, составленные из Торы, Онкелоса и Саадьи (иногда с комментариями Раши или кого-то еще) — их там называли «таж» («корона»). Кроме того, есть и другие средневековые комментарии — Авраама бен Эзры, Рамбана. Иногда все они печатаются вместе, параллельно — в больших антологиях библейских комментариев, которые называются «Микраот гдолот».

Ю. Л. Ну, а Агада?

Д. Д. Слово «агада», я уже говорил, имеет разные значения. Но я имел в виду в основном мидраш, интерпретацию нарративных, повествовательных частей Торы — его называют «мидраш агада», в отличие от «мидраш алаха», комментарием на правовые установления. Например, на этой неделе

мы читаем о Корахе, который поднял бунт против Моше во время сорокалетнего странствования по пустыне. Если бы мы ограничивались только чтением библейского текста, то у нас возникло бы очень много вопросов насчет Кораха: почему он поднял бунт? Что побудило его к этому? Как он действовал, чем руководствовался? Что мы должны вынести для себя из этой главы?

ю. л. И ответ на такие вопросы мы ищем в Агаде?

д. д. Да, и даже более того... Но сначала ты должен понять, что мидраш агада — это общий принцип интерпретации; это не книга, а скорее основополагающая концепция. Этот род писаний ты можешь найти в мидрашистских коллекциях вроде Мишна раба или Мидраш Танхума, в комментариях Раши, который, повторю, отобрал много материалов из писаний мудрецов.

ю. л. Понятно.

д. д. И отметь еще одну важную вещь: любой мидраш, будь то интерпретация юридических установлений или нарратива, может поначалу показаться тебе чем-то совсем далеким. Должно пройти некоторое время, прежде чем ты прочувствуешь его.

ю. л. А почему так?

д. д. Прежде всего, ты должен ощутить, что такое Тора — какой ее видели мудрецы. Они учили ее с раннего детства и знали почти наизусть. В их жизни Тора играла важнейшую роль: каждый поворот фразы, малейшая деталь в тексте имели для них огромное значение. В отличие от современных комментаторов, они не рассматривали Тору как

обычный человеческий документ. Видя глубокий смысл в каждой детали, они раскрывали содержание текста — особенно через Агаду, — предлагая самые изобретательные объяснения, соединяя одни детали с другими, весьма далекими от первых. Иногда они даже придумывали диалоги или эпизоды, которых нет в библейском тексте, но которые могли бы разъяснить что-то непонятное или необычное в этом тексте, какое-то странное слово или фразу, действие или мотивацию — все, что нуждалось в объяснении. Иными словами, формально мидраш — это способ интерпретации, но он очень отличается от любого другого известного тебе комментария — именно потому, что это комментарий к священному тексту.

Ю. Л. Ясно...

Д. Д. Но самое трудное во всем этом — почувствовать особый дух мидраш агада. Для мудрецов библейский текст — нечто определенное, установленное, тогда как наши собственные интерпретации и разъяснения имеют относительную ценность: «Что ж, это одно из возможных объяснений...» (Я говорю сейчас об Агаде. Что касается Алахи, то здесь требовались ясные и четкие формулировки, поэтому мудрецы опирались на многовековые устные традиции.) Конечно, и Агада опиралась на древние традиции, но при этом не возникало необходимости раз и навсегда определять значение необычного слова в истории про Йосефа или объяснять повторы в речи Авраама. Поэтому сборники мидрашей часто включают три-четыре параллельные толкования одного и того же места, как бы предлагая читателю: «Выбирай сам».

Надеюсь, ты понял из моего рассказа еще одну необычную вещь: мидраш сконцентрирован на очень конкретных деталях. Обычно в нем разъясняется один-единственный стих, а не весь рассказ, но, даже когда тема мидраша — весь рассказ, она раскрывается через тот или иной стих. В этом и состоит различие между мидрашем и прочими формами интерпретации. Фактически чаще всего речь идет даже не о стихе, а о какой-то необычной конструкции его предложений, явно излишних деталях или повторах. Например, что касается предписания, которое мы уже обсуждали — «Не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего», — мудрецы сочли: не может одна и та же мысль быть выражена в разных терминах и второй запрет предназначен не для того, чтобы заострить внимание на первом.

Ю. Л. А почему?

Д. Д. Именно так «работает» интерпретация мудрецов: все, что есть в Торе, всякая своеобразная деталь чему-то нас учит. И, предполагая это, мидраш, естественно, выявляет много вещей, требующих объяснения. Пока же скажу тебе следующее (пусть это и звучит несколько иронично): предполагая, что каждая деталь важна, мидраш нередко отвечает на вопросы, которые тебе и в голову не пришли бы. Или он посвящен решению «проблем», не представляющих никакой проблематичности. Иными словами, обычно главу читают с начала до конца; мы следим, как раскрывается ее основная тема или сосредоточиваемся на включенных в нее мицвот. И это доступно без всяких комментариев. Задача же комментариев в том, чтобы ты задержался и обратил внимание на мельчайшие детали: почему стоит

это слово, а не то? Что общего между двумя отрывками и в чем их отличие? Хотя подобные вопросы специально не задают — если только комментаторы заранее не подготовили хороший ответ.

Ю. Л. Как и о различии между «мстью» и «злойбой»?..

Д. Д. Точно. Или еще один пример, из главы на эту неделю: из самого первого стиха мы узнаем о Корахе. Нам становится известно его имя, имена его отца, деда, прадеда и т. д. — мы получаем самую полную информацию. Но внезапно генеалогическое древо прерывается. Это тем более удивительно, что стоило только упомянуть в списке предков еще одно поколение — и генеалогия привела бы нас к самому Якову, великому прапрадеду Кораха.

Ю. Л. Так почему же не упомянули?

Д. Д. Именно этот вопрос и задавали мидрашисты — а я уже говорил, такие вопросы никогда не ставили, если на них не было готового ответа. В данном случае они считали, что ответ надо искать в других стихах Торы — точнее, совсем в другой книге, Берешит (Бытие). В конце этой книги рассказано, как Яков перед смертью по очереди благословлял всех своих сыновей. Но когда очередь дошла до Шимона и Леви, он произнес слова, звучащие явным диссонансом по отношению ко всем предыдущим: «В совет их да не войдет душа моя, с сонмом их не единись, честь моя!» Улавливаешь?

Ю. Л. Нет...

Д. Д. Рассуди, что подразумевал Яков? Ясно, что эти сыновья чем-то вызвали его недовольство: «В совет их да не войдет душа моя, с сонмом их не единись, честь моя!» Он не желал их больше

видеть? Вряд ли. И наши мудрецы поняли эти слова как намек на потомков Шимона и Леви (последние слова Яакова содержат пророческое видение; ему была известна судьба потомков). А в случае Леви — по крайней мере, так считают наши мудрецы — он предвидел, что через четыре поколения родится мальчик по имени Корах, который восстанет против Моше. Предвидя будущее, Яаков и сказал: «С сонмом их не единись, честь моя!» То есть он дает понять, что никак не принимает и не одобряет бунт своих потомков, и не хочет, чтобы его имя, «честь моя», отождествлялось с бунтом — хотя задолго до того времени он умрет. Из уважения к его пожеланиям Тора прослеживает генеалогию Кораха до Леви, но не до Яакова, отца Леви.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Не совсем: ведь я еще не сказал тебе, что такое объяснение взято отнюдь не с потолка. Яаков, говоря о Шимоне и Леви, использовал слово «каал» («совет»). Это нередкое слово в иврите — но тем не менее фраза Яакова представляется несколько загадочной: «В совет их да не войдет душа моя». Но в рассказе о Корахе слово с тем же корнем используется для описания начала бунта: «вайикаалу ал Моше» («и собрали совет против Моше»). Для мидрашиста это обстоятельство имеет серьезное значение: Яаков, говоря: «В совет их да не войдет душа моя», имеет в виду «в совет против Моше». Понятно?

Ю. Л. Кажется, да.

Д. Д. Этот пример хорошо иллюстрирует и то, что я говорил тебе об Агаде и вообще о мидраше. Мидраш глубоко исследует связь одного стиха с дру-

гим, даже если они разделены несколькими главами, а то и книгами, как в этом случае. С точки зрения мидраша Писание — единый цельный текст, так что ключ к пониманию отдельной детали в тексте Торы можно обнаружить и в псалмах, и в Диврей а-ямим. И мидраш весьма успешно выявляет неочевидные связи между двумя, казалось бы, совсем не связанными текстами.

Ю. Л. Ясно...

Д. Д. Скажу больше: именно решение такой задачи и составляет существенный аспект мидраша. Ведь в конечном счете задача мидраша — будь то мидраш агада или мидраш Алаха — не только в том, чтобы непосредственно прокомментировать текст: мидраш должен убедить нас в гармоничности Писания. Иногда это не простая задача, поскольку нам бросаются в глаза очевидные противоречия. Поэтому и мидрашисты, и мы сами испытываем большую радость, когда два текста — вроде последних слов Якова в Берешит и неупоминание имени Якова в генеалогии Кораха — так хитроумно соединяются в одну логическую цепочку благодаря употреблению общего корня «каал».

И добавлю: такое хитроумие — главная отличительная черта мидраша, особенно в том, что касается Агады. Пример тому — рассказ о бунте Кораха. Такие комментарии преподают даже школьникам, только начинающим изучать Тору. Но все же в основе своей мидраши требуют зрелости ума и чувств; многие из них проникнуты атмосферой древних «батей-мидраш», «домов учения», где над ними размышляли ученые, посвятившие всю жизнь Торе и ее премудростям. Неудивительно, что задаваемые

ими вопросы, да и ответы на них, нередко отличаются особой изощренностью, таинственностью и порой весьма остроумны — более всего это касается нарративов Танаха. Надеюсь, Агада заставит тебя это почувствовать, особенно удивительное соединение в ней искренности с иронией, которая кажется мне очень еврейской по духу.

Ю. л. Вы хотите сказать, что Агада прежде всего выявляет связь между разными частями текста?

Д. д. Нет, все сложнее. Мидраш пытается ответить на самые разные вопросы, связанные с текстом, и предлагает различные пути решения. Иногда мидрашист вводит детали или целые эпизоды, «пропущенные» в самой Библии. Фактически таков эпизод и с Корахом: в библейском тексте сказано, что у Кораха большая группа приверженцев, но не упомянуто о том, где он набрал их и как уговорил присоединиться к бунту. И наша традиция, которую сохранили мудрецы, восполняет этот пробел. Согласно мидрашу, Корих задавал такие вопросы Моше, чтобы представить его деспотичным человеком, диктатором.

Первый вопрос Кораха, как утверждает традиция, касался закона о цицит. Возможно, ты уже знаешь: Тора требует, чтобы на углах всякого четырехугольного предмета одежды были кисти из голубой шерсти — как видимое напоминание евреям о необходимости соблюдать мицвот (кстати, именно к этому восходит традиция носить в синагоге талит, «молитвенное покрывало», — хотя кисти сейчас уже не голубые: точный состав вещества, из которого получали голубую краску, утерян). Так вот, Корих спросил Моше: а если бы вся одежда была

выкрашена в голубой цвет, закон по-прежнему требовал бы красить кисти в голубое? В конце концов, ведь именно голубой цвет кистей призван напоминать о мицвот, а уж вся одежда такого цвета гораздо эффективнее решала бы эту задачу! Но Моше ответил отрицательно: нет, все равно нужны голубые кисти. Потом Корах задал еще один подобный вопрос: если комната наполнена свитками Торы, не устраняет ли это требования прикрепить мезузу на дверь (ты должен знать, мезуза — это небольшой продолговатый футляр, куда помещен кусочек пергамента с несколькими стихами Торы; он крепится к косяку двери). И Моше опять ответил: нет, мезузу все равно нужно прикрепить.

Ю. Л. И эти вопросы выявляют в Моше диктатора?

Д. Д. Да, отчасти, потому что ответы Моше кажутся совершенно нелогичными. Но в этих рассказах есть глубокий смысл, связанный со словами Кораха, приведенными в Торе. Он объясняет свой бунт тем, что Моше правит Израилем безо всяких на то оснований: «Ведь вся община, все святые, и среди них Г-сподь! Отчего же возноситеесь вы над собранием Г-сподним?» Теперь ты понял, что слова Кораха из Торы послужили основой для рассказа в мидраше?

Ю. Л. Не совсем.

Д. Д. Видишь ли, вопрос о голубой одежде — это лишь метафора, скрывающая истинные цели Кораха. Достаточно заменить «голубой» на «святой», и станет ясно: Корах не считает, что Моше должен чем-то выделяться среди них, как и голубые кисти не выделяются на фоне голубой одеж-

ды. По той же логике если комната полна священных книг, то нет необходимости крепить мезузу на двери — ведь содержимое комнаты не менее свято, чем любая мезуза.

ю. л. Теперь понятно.

д. д. Когда в соответствии с нашей традицией приводят вопросы, которые Корах задал Моше, то перед нами возникает несколько более сложный образ, чем тот, что нарисован в библейском рассказе. Корах предстает перед Моше как ученик, задающий великому наставнику ученые вопросы, связанные с Алахой. Но, как это бывает и в реальной жизни, эти вопросы вызваны вовсе не желанием учиться. И здесь, полагаю, содержится еще один урок — как для учеников, так и для учителей.

ю. л. Ясно...

д. д. Но и это не все. Передавая в точности древнюю традицию, мудрецы отвечали еще на один вопрос. Поначалу ты не обратишь на него внимания, но мудрецы много размышляли на эту тему: почему один эпизод описан в Торе раньше, чем другой? Например, почему за законом Торы о пленниках, захваченных во время боевых действий, сразу следует закон о наследовании в полигамном браке и закон о непокорном сыне?

ю. л. И каков ответ?

д. д. Со временем мы подойдем к этому. Но прежде попытайся угадать, почему Корах сначала спрашивает о кистях на одежде?

ю. л. Потому что закон о кистях непосредственно предшествует рассказу о самом Корахе?

д. д. Браво!

ЯКОВ

д. д. Прекрасно, Юра, но должен тебе сказать: все это не имеет значения, пока ты не начинаешь становиться евреем.

ю. л. Не беспокойтесь, я буду к этому стремиться. Мне хотелось бы обрести «еврейский взгляд на мир», как вы говорите. Хотя сейчас мне кажется, что раньше я представлял его себе несколько иным.

д. д. Теперь ты, наверное, понимаешь, сколько всего еще нужно пройти, прежде чем что-то увидишь?

ю. л. Не совсем. Наоборот, как будто бы сейчас мне все стало довольно ясно. Я уже, кажется, знаю, почему учение занимает столь важное место в иудаизме (и почему современные евреи постоянно чему-то учатся, самым разным вещам). По-моему, я даже почувствовал вкус к еврейским штудиям. Во всяком случае, мне известно теперь, что такое Алаха и Агада.

д. д. Но ты говоришь об этом без особого энтузиазма...

ю. л. Нет-нет, я всем доволен, — по крайней мере, я бы хотел продолжать учиться, я уже говорил... Вот только одно мне еще не совсем ясно: так ли уж это необходимо для дела? Ведь все, что вы говорите про учение и «служение Б-гу», может реализоваться лишь впоследствии. Я понимаю, сколь нам необходимо учиться — ведь это заповедала Тора, евреи таким образом исполняют заповедь — и не важно, думают они о «служении Б-гу» или нет. Понимаете, что я имею в виду? Изучение Торы, да и многих других вещей может стать самостоятельным занятием,

когда ты погружаешься в него и перестаешь видеть всю картину целиком. Или же я опять ушел, как вы выражаетесь, в «джоггинг»?

Д. Д. Нет, все это очень верно, и мы уже об этом толковали; такой риск существует и при любом ином образе жизни. Вопрос, заданный тобой, — центральный для евреев. Это состояние души, которое по-еврейски называется «кавана». Обычно слово «кавана» переводится как «намерение», хотя более точный его смысл — «направленность, настроенность», когда сердце участвует в поступке. Я говорил, что мишкан создает в сердце открытое пространство, постоянную возможность. И все же порой сердце не участвует в исполнении мицвы. Мицва становится механической, без участия сердца. Это может произойти и с одной мицвой, и со многими. Самый крайний случай, когда человек соблюдает Шабат, изучает Тору, произносит молитвы, не нарушает Алаху, — и все равно для него это не более чем рутина. Вряд ли такое возможно на протяжении длительного времени, поскольку здесь все же необходимо сердечное стремление. Ведь мишкан — пока еще только возможность. Есть, например, мицва слушать звуки шофара на Рош а-Шана. И вот наши мудрецы задались вопросом: что происходит, когда человек идет мимо синагоги в тот момент, когда затрубил шофар? Он услышал звук шофара — есть ли это исполнение мицвы?

Ю. Л. И каков ответ?

Д. Д. Ответ: все зависит от его сердца. «Им кивен либо, яца; вэ им лав, ло яца», «Если его сердце направлено к мицве, то он исполнил ее; в противном случае — нет». Может так случиться, что два чело-

века совершают одинаковый поступок — в данном случае слушают звуки одного и того же шофара, — и все равно их поступок будет иметь совершенно разное значение. Не хочу входить во все детали, связанные с мицвот церихот кавана, то есть с вопросом о том, какую роль играет сознательное стремление исполнить еврейский Закон, — на этот счет есть разные точки зрения. Но на вопрос, который ты задал, есть очень определенный ответ — сердце и только сердце играет решающую роль.

Ю. Л. Тогда я вернусь к тому, с чего начал. Вы говорили о «еврейском взгляде на мир». Но ведь теперь, по вашим же словам, многие евреи — даже среди тех, кто строго соблюдает Алаху, — наверное, видят мир совершенно иначе.

Д. Д. Ну уж не тебе и не мне лезть к ним в душу. Внешнее впечатление обманчиво — люди могут вести себя надменно, казаться весьма беспардонными или же исполнять мицвот исключительно ради собственной гордыни и самоудовлетворения. И опять же не мое дело гадать, что у них на сердце, когда они произносят Амиду, да и в любой другой момент. Но даже если их сердца пусты, какое для тебя это имеет значение?

Ю. Л. Может быть, и никакого. Однако из того, что вы сказали, следует, что мицвот — это вообще вещь побочная. Если все зависит от сердца, пусть оно живет своей жизнью!

Д. Д. Но сердце и мицва сотрудничают, действуют совместно. В примере, который я тебе привел, есть два элемента: звук шофара и сердце, жаждущее услышать его и исполнить мицву. Если нет сердца, то шофар издает лишь один из звуков, кото-

рые потонут в уличном шуме, а мицва останется неисполненной. Но если нет шофара, то все, что ты носишь в сердце, будет судорожно и напрасно вслушиваться в уличный шум. Может быть, мишкан — это только пространство, возможность, но это уже очень много.

ю. л. Но разве роль мишкана заключается только в том, что он существует? Он ведь должен еще и формировать мышление человека.

д. д. Ну конечно, жизнь в соответствии с Алахой так и предполагает. Но есть и кое-что другое, что сформулировать довольно сложно.

ю. л. И что это?

д. д. Определенное отношение, которое рождается в сердце, соответствующе настроенном, — мы с тобой об этом говорили. Такое отношение есть что-то отдельное, но от этого не менее важное. Как его описать? Думаю, это нечто среднее между реалистичностью и скромностью. Это не оптимизм и не пессимизм, а, скорее, то и другое одновременно. Очень хороший тому пример — слова нашего предка Яакова, когда он возвращался после многолетнего пребывания у дяди Лавана в Араме. Там он попал в крайне трудную ситуацию. У них с Лаваном произошла ссора, и дорога назад, в Арам, была Яакову отрезана. В то же самое время Яакова вышли встречать его брат Эсав и компания вооруженных людей: Яаков опасался, что они причинят вред ему и его семье, возможно, даже убьют их всех. Что было делать? И когда он обратился к Б-гу — Тому Самому Б-гу, Который велел ему оставить Арам и, так сказать, нес ответственность за создавшееся положение, — каковы же были его слова? «Катонти

миколь а-хасадим у-миколь а-эмет ашер асита им авдеха» («Недостойн я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему»). Понимаешь, что я имею в виду? Циник решил бы, будто Яков подготавливает Б-га, чтобы обратиться к Нему с новой просьбой — спасти его от опасности. Но я так не думаю. Мне кажется, его слова были абсолютно искренними, и они весьма любопытно характеризуют другой аспект «еврейского взгляда на мир», который я пытаюсь описать.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Когда мы открываем сердца для исполнения мицвот, мы словно обретаем иное видение вещей. В случае Якова совершенно ясно, что он, несмотря на всю сложность момента, оказался способен задуматься о своей жизни и о том, что ему было дано. Но полагаю, тут произошло нечто более определенное. Обратившийся к Б-гу Яков — уже совсем не тот дерзкий молодой человек (а его дерзость очевидна, если мы вспомним первую его встречу с Б-гом в Бейт-Эль). И контраст между той встречей и этой так велик, что бросается в глаза!

Ю. Л. В каком плане?

Д. Д. Теперь Яков более уверен в себе — вернее, не то чтобы уверен: он ведь несомненно испуган сложившейся ситуацией. Но он предан Б-гу по-иному, не так, как раньше. Он уже не приносит обетов, не заключает сделок — последний козырь он уже давно выложил. Так, думаю, и с нашей Алахой: если уж ты предан ей, тебе остается следовать по этому пути. И, следуя по нему, ты не можешь не испытывать чувства огромности Б-га в нашей жизни.

ю. л. Огромности?

д. д. Да, именно так: Яаков в тот момент буквально съежился, непосредственно представ перед Б-гом. И он не случайно произнес именно эти слова: «катонти миколь а-хасадим» буквально означает: «Я становлюсь ничтожным от всех милостей», а не то, что «Недостоин я всех милостей». Это тоже, как мне думается, важная составляющая еврейского взгляда на мир.

Часть четвертая

ИСПОЛНЕНИЕ МИЦВОТ

Несколько месяцев спустя...

Д. Д. Юра, рад тебя видеть! Как продвигается изучение иудаизма?

Ю. Л. Хожу на курсы. И мой иврит явно улучшается.

Д. Д. Прекрасно. О чем сегодня будем говорить?

Ю. Л. Собственно, у меня нет каких-то конкретных вопросов. В основном мне все ясно. Хотя кое в чем я еще не разобрался: например, зачем носить кипу? Я знаю, этого требуют в синагогах, но ведь ее иногда носят и на улице.

Д. Д. Сначала ты должен понять, откуда идет эта традиция. В древности считалось, а кое-где считается и по сей день, что человек, который ходит с непокрытой головой, тем самым демонстрирует самоуверенность, гордыню. Например, в Торе сказано, что когда израильтяне уходили из Египта, то они «воздевали руки» в знак победы. Онкелос перевел эти слова на арамейский так: «Они вышли с непокрытой головой» — именно таким образом он решил передать чувства израильтян.

Ю. Л. Понятно...

Д. Д. В конце концов голову стали покрывать в знак скромности. В Талмуде, в одном месте, напи-

сано, что человек не должен принимать гордую позу и проходить более четырех локтей с непокрытой головой. Отсюда возникла традиция что-то надевать на голову, выходя из дома, хотя о самой форме головного убора ничего конкретного не говорилось. В Тбилиси мы носили обыкновенные шляпы, так я и сегодня хожу. А эти маленькие шапочки, кипы, появились в Европе сравнительно недавно, когда евреи стали покрывать голову и дома. И по-моему, это правильно. Хотя речь идет уже не о скромности, кипа постоянно напоминает нам самим и всем окружающим о нашей принадлежности к еврейству и о нашей верности Б-гу. Кроме того, мы сохраняем традиции наших предков. Конечно, долгое время российские евреи не решались носить кипу на улице, да и сейчас мало кто ее носит на улице постоянно. И вообще-то, все, что от нас требуется, — это покрыть голову, и здесь сойдет любой головной убор. Однако мне попадаются иногда молодые люди, для которых ношение кипы — абсолютно естественная вещь.

ю. л. А в синагоге нужно их носить?

д. д. Да, голова должна быть чем-то покрыта.

ю. л. А как быть с женщинами?

д. д. Женщинам в иудаизме тоже предписано вести себя скромно, и им тоже нужно надевать что-то на голову. Традиционно замужние женщины и даже девушки, достигшие определенного возраста, прятали свои волосы под головной убор, как это принято и у других народов Ближнего Востока.

ю. л. А вы не думаете, что эта традиция изменится для женщин или мужчин?

Д. Д. Возможно... хотя, как я тебе уже говорил, общая тенденция видится мне иной. Хочешь, поделись с тобой своей философией на этот счет: я определяю (хоть и не совсем точно) эти мицвот как «физические». И их ценность мне видится именно в том, что они «физические», касаются ли они материального, осязаемого объекта или связаны со сравнительно простым нерелективным действием. Знаешь, кое-какие из мицвот, которые мы с тобой обсуждали (например, не говорить плохо о людях), имеют много нюансов; их исполнение требует сосредоточенности и умственных усилий. Покаяние (тшува) и другие подобные темы тоже очень непросты. Их не следует упрощать; напротив, эти «обязанности сердца» (как называют такие мицвот) составляют главную часть нашей Алахи. Наверное, по этой причине, когда кто-то покрывает голову или надевает малый талит...

Ю. Л. А это что такое?

Д. Д. Не знаешь, что такое талит катан? Это небольшое четырехугольное покрывало, с прорезью для головы и с четырьмя кистями по углам. Его носят под верхней одеждой. Таким образом, мы соблюдаем заповедь о цицит (которая относится только к такой, прямоугольной, одежде) и в то же время можем надевать поверх обычную одежду.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Это еще одна мицва, на самом деле не требующая каких-то усилий, и все же мы исполняем ее в течение всего дня — некое физическое действие, которое совершает каждый из нас. И ты уже наверняка знаешь про тфилин: их наматывают на руку и на лоб на время утренней молитвы. Это тоже некое

физическое действие, то, что делалось и делается, некий физический знак. Но даже когда тфилин снимают, ощущение от них остается какое-то время с нами. И так со всяким физическим предметом — и не только с теми, с которыми ты физически соприкасаешься: есть, например, мицвот о мезузе, укрепляемой нами на дверном косяке. Один раз мы приколачиваем ее, и после этого всякий раз, когда проходим мимо и видим ее, этот физический символ обращает наши мысли к Б-гу. Ты поймешь, что я имею в виду: все эти вещи реально воплощают в себе всю философию нашей Алахи. Это способ придавать сердцу конкретную физическую форму выражения.

ю. л. А какие еще есть «физические» мицвот?

д. д. Ну, я уже говорил тебе, что пользуюсь неформальным определением, его границы нелегко обозначить. Но и в его рамках продолжают действовать многие мицвот, связанные с соблюдением наших праздников. На Суккот мы поднимаем в синагоге лулав и этрог, сидим в сукке — это все тоже вещи чисто физические, но особое желание побуждает их исполнять, совершить зримый поступок, проистекающий из самих слов Торы.

ю. л. А что это за законы о кошерной пище?

д. д. Полагаю, все они из того же разряда — физических осязаемых знаков. Но законы о кошерности отличаются тем, что связаны с другой особенностью нашей Алахи, а именно с тем, что называется «кдуш», «святость». Хочешь поговорить о диетических предписаниях?

ю. л. Почему бы и нет? Всякому хочется...

КАШРУТ

Д. Д. О чем это ты?

Ю. Л. Я старался спрашивать у своих коллег-евреев по университету наиболее важные вещи. Но странным образом разговор бесконечно идет о кошерной пище — что можно есть, что нельзя, что кто-то о чем-то слышал...

Д. Д. Согласен, этого нельзя не заметить. Но давай начнем сначала. На иврите слово звучит «кашер» (или «кошер», как его произносят большинство европейцев) и означает «подходящий, пригодный». На самом деле существует сравнительно немного ограничений на то, что разрешено в пищу. Так, можно есть все растущие в земле корнеплоды, овощи, фрукты, зерновые — строгий вегетарианец вряд ли будет недоволен нашими законами кашрута. Относительно мяса, конечно, есть определенные ограничения. Начнем с того, что в Торе перечислены животные, отдельные виды рыб и морепродуктов, а также различные виды птиц и насекомых, которые запрещены в пищу. Из мяса мы сегодня едим говядину и баранину, а также большую часть домашних птиц (цыплят, индейку, утку и т. д.). Но помимо того — что, по сути, является самым серьезным ограничением — все разрешенные в пищу животные не должны забиваться в массовом порядке, как это делается на больших скотобойнях; их забивает индивидуально шохет, специально обученный еврейский резник. Потом забитые животные продаются в кошерных магазинах: в Москве их уже несколько, обычно при синагогах.

Ю. Л. И мясо можно покупать, если оно имеет лейбл «кошерное»?

Д. Д. Могут возникнуть некоторые сложности. В большей части стран ведь нет законов, карающих недобросовестных торговцев за то, что они называют «кошерными» вовсе не кошерные продукты. Поэтому приходится опираться на «бренды» — и это не название фирмы-изготовителя, а имя раввина или организации, подтверждающей соблюдение еврейских законов при изготовлении продукта. Каждая мясная лавка (или кошерный ресторан) находится под присмотром раввина или машгиаха, следящего за соблюдением законов (на вывеске такой лавки можно увидеть табличку: «Под наблюдением рабби Х» или: «Контроль осуществляется такой-то организацией»). И на упаковках самих продуктов бывают указаны имя раввина или название соответствующей организации — такая практика характерна для продуктов массового производства. На Западе существуют различные организации, сертифицирующие продукты на кошерность, чей отличительный знак (например, кружок с буквой U посередине) нанесен на упаковку. В России некоторые продукты уже отмечены знаком кошерности; в Израиле же и западных странах отметки о кошерности есть на сотнях самых разных товаров, продающихся в универсамах, — и не только на мясных продуктах, но и на корнфлексах, печенье, посудомоющих средствах.

Ю. Л. А на этих зачем?

Д. Д. Я говорил о мясе — мы можем употреблять в пищу только определенные виды животных, особым образом забитых и приготовленных. Но и

многие другие продукты, которые люди покупают в магазинах, содержат ингредиенты животного происхождения: например, животный жир иногда употребляется при изготовлении теста. Животные продукты используют для изготовления сыров, желатина, маргарина, иногда они составляют основу некоторых консервантов — и порой даже самое малое количество их способно сделать весь продукт непригодным. Поэтому те же сертифицирующие организации инспектируют фабрики, молочные фермы, пищевые производства и подтверждают, что производство спагетти или обработка тунца соответствуют требованиям кошерности.

Ю. Л. Получается так: все, что ты покупаешь, заведомо непригодно, пока не доказано обратное, то есть если не поставлен знак кошерности.

Д. Д. Не совсем так. Мы уже говорили, со свежими овощами и фруктами нет проблем, как и с некоторыми другими продуктами. Обрати внимание: в разных странах практикующие евреи хорошо знают местные особенности и соответствующую продукцию. То, что нуждается в сертификации в одной стране, может обходиться без нее в другой. Тебе лучше всего поинтересоваться, на что обращают внимание другие евреи, твои знакомые. Но кроме того, существуют и списки разрешенных продуктов, которые помогут тебе сориентироваться. Ну и, наконец, кашрут предполагает еще кое-какие требования.

Ю. Л. Например?

Д. Д. Ну, например, я не рассказал тебе о том, что существует запрет смешивать мясные и молочные продукты. В этом запрете тоже есть много нюан-

сов. В соответствии с одним из законов Торы, наши мудрецы постановили, чтобы мы не готовили вместе мясо и молоко или птицу и молоко — скажем, не тушили цыплят в сливочном соусе и не жарили мясо на сливочном масле. Мало того, мы не должны смешивать даже минимальное количество мясного с молочным: не должны есть одновременно мясные и молочные продукты и не есть одни после других; это можно сделать только через определенный промежуток времени. Поэтому, съев мясо, евреи обычно делают перерыв перед приемом молочной пищи — от часа до шести часов, в зависимости от местных обычаев. Нам запрещено готовить мясо в кастрюлях, используемых для приготовления молочных продуктов, и наоборот, а также использовать для мясного и молочного одни и те же тарелки и приборы. Поэтому мы обычно держим два набора столовой посуды и приборов, кухонной утвари, чтобы использовать их отдельно, разные губки для мытья посуды.

ю. л. Так я и думал.

д. д. Только не бойся, все не так сложно: эти правила соблюдают тысячи и сотни тысяч евреев. Но ты, кажется, к ним не относишься.

ю. л. Нет, вы ошибаетесь. Я еще в школе перестал есть мясо. Я строгий вегетарианец. Так что моя еда кошерна по определению.

д. д. Ну что ж, хорошо, только все равно надо быть внимательным, когда покупаешь сыр и все такое. Да и в полуфабрикаты порой добавляют жир. Но если ты вегетарианец, то должен понимать, почему именно практика кашрута так сильно повлияла на еврейское сознание. Ведь факт есть факт — мы

не просто рассуждаем о кашруте: даже евреи, которые не слишком соблюдают Алаху, нередко придерживаются диетических законов. И пусть это только мои догадки, но я отчасти знаю почему.

Ю. Л. А скажите откровенно, вам не кажется, что большинство людей механически делают то, что привыкли делать? Или же у них есть стремление превзойти других, быть первым? Сколько раз я слышал: «Другие думают, что этот продукт кошерный, а я к нему даже не притронусь!»

Д. Д. Боюсь, даже евреи подвержены желанию «быть святее папы»; иные действительно находят удовольствие в том, чтобы «еще строже» соблюдать законы на основе воображаемых предписаний, которых на самом деле не существует. Но при всем том, думаю, есть что-то очень позитивное в отношении самых обычных евреев к кашруту — хотя бы и не в контексте нашей Алахи. Фактически кашрут отвечает самой сути иудаизма. Но чтобы понять это, нужно поговорить о кдуша, святости, и той роли, которую она играет в нашей жизни.

КДУША

Д. Д. Слово «кадош» обычно переводится на русский как «святой», но его ивритский смысл гораздо яснее и точнее. Кадош несет в себе оттенок «отделенности», «особости». Так, Шабат называют Шабат кодеш («Шабат святости», «святой Шабат»), поскольку это особый день, отделенный от других. Точно так же выделенная часть урожая, которую откладывали для священных целей, называлась «кадош»,

«особой» — ее не полагалось использовать обычным образом и требовалось особенно тщательно оберегать от соприкосновения со всем нечистым. По сути дела, свойство «особости» было присуще всему, что имело отношение к Иерусалимскому храму. Ведь сам Храм был святым местом, отделенным от всего окружающего и огражденным от всего нечистого. Не случайно на иврите он называется «Бейт а-микдаш» или «а-микдаш», «святое место». Это понятно?

Ю. Л. Да.

Д. Д. Тогда тебе должно быть ясно, что понятие «святости» тесно связано с понятием «чистоты». Все нечистое не может соприкасаться с кадош. Наши мудрецы употребляли тот же корень, «к-д-ш», чтобы выразить идею очищения, омовения. Например, коен омывал кидеш, руки и ноги, прежде чем войти в контакт с чем-то кадош. Способ очищения зависел от того, каким образом человек стал нечист: ведь есть различные степени нечистоты и можно по-разному стать нечистым — например, соприкоснувшись с мертвым телом или разными нечистыми веществами.

Ю. Л. И это также связано с кошерной едой?

Д. Д. Начнем с того, что диетарные законы, о которых я тебе говорил, исходят из идеи «чистоты»: некоторые животные считались «чистыми», тахор, и соответственно годными к употреблению в пищу. Если их правильно забить и приготовить, они будут кошерными. Еда, по сути дела, — одна из немногих сфер еврейской жизни, в которой идея «чистоты», строго говоря, остается актуальной.

Ю. Л. А почему так?

Д. Д. Потому что идея «чистоты» и святости прежде всего связана с Храмом, Бейт а-микдаш, и со всем, что там происходило. Когда Храм был разрушен, большая часть храмовых установлений, касавшихся служителей и жертвоприношений, потеряла актуальность.

Ю. Л. За исключением пищевых запретов.

Д. Д. Запрет на некошерную еду сохранился, и можно сказать, что с течением времени пищевые запреты стали строже.

Ю. Л. А почему?

Д. Д. К этому я и веду. Понимаешь ли, святость и чистота действительно играют в нашей религии важнейшую роль, даже если самого Храма, некогда сердцевины еврейской жизни, больше нет. Та огромная власть, которую имеют над нами законы кашрута — даже если порой всему прочему не уделяется внимания, — свидетельствует о чем-то очень глубоком в нашей душе, о чем-то таком, что большинство евреев порой не осознают. Это внутренние поиски кдуша, принимающие очень простую форму — приверженности правилам кашрута.

Ю. Л. И каким образом?

Д. Д. Начнем с того, что тебе нужно получить телесное ощущение чистоты и святости, вернее (само по себе оно может быть тебе знакомо), прийти к пониманию того, что такое ощущение есть часть кдуша. Ведь кадош — это прежде всего телесное. Если что-то считалось кадош, необходимо было защищать его от соприкосновения с нечистым. А когда ты сам оказывался в состоянии нечистоты, то для очищения требовалось не прочесть какую-то молитву, а окунуться в микве — бассейне с водой, взятой непос-

редственно из естественного источника, или же в водоеме с проточной водой. Подобным же образом, когда левитов посвящали на службу в Храме, они не только опрыскивали себя очистительными водами, но и выбривали все тело, начиная новую телесную жизнь. Потом они стирали одежды и надевали все чистое.

Точно такая же телесная составляющая присутствует и в кашруте. По-моему, вегетарианец должен понять это. Потому что вместо обычного поглощения любой пищи ты руководишься определенными правилами, различаешь еду; в итоге само это действие меняет свой характер — разве не так? В известном смысле, подчиняясь пищевым предписаниям, ты очищаешь себя изнутри, как в бассейне ты очищаешь свое тело, — а уж здесь физическое ощущение чистоты неоспоримо. Ведь именно угроза нечистоты — в эпоху Храма это было соприкосновение с нечистым или же, в смысле кашрута, угроза вкушения чего-то нечистого — требует постоянного внимания, даже настороженности. С годами это входит в привычку, становится твоей второй натурой. Поэтому мне кажется, что наша приверженность к кашруту в конечном счете — явление телесное, точнее, сочетание конкретной телесности с нетелесным, — что и составляет суть кдуша.

ю. л. Что вы имеете в виду?

д. д. Да нечто очень простое: телесное состояние кдуша в Торе достигается при помощи нетелесного. Представь себе состояние чистоты, как я его описал — когда ты чувствуешь вокруг ограждающий тебя ореол, — и вдруг этот ореол становится пронизываемым, рассеивается, не только вследствие

внешней телесной нечистоты, но и осквернения изнутри. Великий принцип Торы «хождение в святости» достигается не только тем, что ты избегаешь телесной нечистоты, но и нравственной. Как велит Тора: «Кдошим тихью...» («Будьте святы, ибо свят Я, Г-сподь, Б-г ваш»). И за этим повелением в книге Ваикра следует список нечистых вещей, которых следует избегать, — одни из них вполне телесные; другие, как я сказал, связаны со словами и даже мыслями.

Ю. Л. Но разве «Будьте святы, ибо Я свят» не просит еще один пример того, что называют *imitatio Dei*, когда человек обязан подражать Б-гу?

Д. Д. Я слышал такое определение, но не думаю, что оно отражает суть дела, по крайней мере, в данном случае. Скорее здесь действует, как выражаются наши мудрецы, клаль гадоль, великий главенствующий принцип всей нашей Алахи, и его нужно воспринимать самым конкретным образом. Как кадош Б-г и дом Его, Храм, так надо быть защищенным от всех и всего, находящегося в состоянии нечистоты. Тора велит, чтобы мы, обычные евреи, шествовали по жизни отделенными, огражденными от нечистоты — и не только в смысле физического контакта с нечистым, но и от нечистых поступков, даже нечистой речи.

Ю. Л. Но мне кажется, следует выбирать: либо святость, как вы говорите, — это телесное состояние, и нравственное измерение отсутствует; либо — нетелесное, и тогда ваше «физическое» описание не соответствует действительности.

Д. Д. Наверное, лучше сказать так: идея кдуша заключается в способности нравственного посяг-

нуть на физическое — фактически повлиять на физическое состояние человека. И это влияние засвидетельствовано не только законами Торы, но и всей историей, которую мы знаем из книг Йеошуа, Шофтим и т. д., а также словами наших собственных пророков — например, Йешаяу. Когда Б-г впервые позвал его, Йешаяу оказался перед небесным тронном и преисполнился святости от этого места: «кадош, кадош, кадош» («святой, святой, святой»). Какова же была его реакция? «И сказал я: горе мне! Я погиб, ибо я человек с нечистыми устами, и среди народа, чьи уста нечисты, живу я». По-моему, эти слова очень много значат применительно к тому ощущению, которое я хочу описать. Ибо он почувствовал это даже на своих устах, ощутил, что сам процесс говорения — слова, произнесенные им, даже слова его соплеменников, соприкоснувшись с ним, осквернили его, сделали нечистым.

ю. л. Понятно.

д. д. И как раз в этом смысле «быть святым» составляет великий основополагающий принцип Торы. Чтобы выполнить эту мицву, мы постоянно должны обращаться мыслями к небесам и тщательно взвешивать свои поступки. Мне как раз пришло в голову, что ту же идиому мы обнаруживаем в Писании: «Наблюдай за ногою твоею, когда идешь в Дом Б-жий». С тем, что свято, нельзя обходиться легкомысленно. Такое же высказывание приводится в связи с Шабат кодеш. Не будучи, строго говоря, географическим местом, Шабат все же место святости. Поэтому, когда пророк Йешаяу решил предупредить об ограждении святости Шабата, он использовал аналогичное выражение: «Если удержишь от

Шабата ногу свою...» И когда Тора говорит, что мы сами должны быть кадош, это нужно, мне кажется, понимать в таком смысле: к самим себе мы должны подходить очень придирчиво.

Ю. Л. Более придирчиво, чем только есть кошерную пищу.

Д. Д. Именно. Видишь ли, пища — в значительной степени телесный феномен и очень ясно свидетельствует о тяготении к кдуша. Но наша Алаха в конечном счете распространяет это чувство на все — пока мы не начинаем ходить отделенными, окруженными сиянием святости. Вот почему, как я говорил тебе когда-то, «четыре локтя» нашей Алахи сравнивались с Храмом — ибо наша Алаха есть также место святости, но существующее везде, где бы нам ни пришлось находиться. Она упирается в самую сердцевину нашей повседневности. И это великий дар нашей Алахи: следуя ее путями, мы начинаем жить в святости. Вот почему наши мудрецы вынесли общее решение, что перед исполнением любой из мицвот мы повторяем браху благодарности Б-гу. За что мы Его благодарим? Ашер кидшану бе-мицвотав — потому что Он сделал нас кадош, даровав нам мицвот. И мы можем ходить в святости, куда бы мы ни шли.

ТОЛКОВАНИЕ ТЕКСТОВ

Д. Д. А теперь, Юра, позволь мне задать тебе еще один вопрос. Я понял, что ты продолжаешь входить в иудаизм, и это хорошо. Но предупреждаю: не делай этого как бы между прочим, наполовину. Каждая минута, свободная от иных занятий, должна быть

посвящена иудаизму (а нередко и то время, когда у тебя много других дел). В противном случае ты все растеряешь, поверь мне.

Ю. Л. Да, понимаю... Я не хотел заострять на этом внимание, но проблема в том, что последние два месяца...

Д. Д. Все в порядке. Разумеется, ведь ты поэт. И ты можешь ощутить, что наш путь в конечном счете — это путь знания, в добавление к пути бытия; что идти путями Б-жьими означает знать реальность во всех деталях, чувствовать ее вкус. Мы же говорили об этом.

Ю. Л. Да.

Д. Д. Но тогда ты должен слушаться своего сердца, когда оно требует от тебя все больше и больше, — как и положено. Потому что иначе ты потеряешь все.

Ю. Л. Вы говорите о познании, и мне кажется, я понимаю, что имеется в виду. Но, согласитесь, иудаизм в какой-то степени зависит — по крайней мере, внешне — от вещей произвольных или, во всяком случае, от довольно спорных допущений и выводов.

Д. Д. Значит, ты не понял, что я подразумевал. В том способе познания, о котором я говорил, нет никаких допущений; напротив, он требует, чтобы человек отказался от допущений.

Ю. Л. Ясно. Но в данном случае я имею в виду не способ духовного познания, а более конкретные верования и положения иудаизма. Ведь в иудаизме много такого, что с другой точки зрения представляется весьма спорным: что Тора была дарована Моше на горе Синай, что в мире установлены Б-жественный порядок и справедливость. И так далее, и тому подобное...

д. д. Это серьезные вопросы — прежде всего два упомянутых тобой требуют отдельного рассмотрения. Но ты прав, мы об этом еще не беседовали, поскольку я пытался помочь тебе узнать иудаизм изнутри, иудаизм делания и мишкана. Это и есть основа. Конечно, много можно толковать и о еврейских концепциях дарования Торы, воздаяния и наказания, и обо всем прочем. Но я уже говорил, начинать нужно с души и мишкана — именно это фундамент, эти конкретные вещи.

ю. л. Но ведь одно связано с другим. Я о том, что мишкан основан на Торе, значит, нам следовало бы знать, откуда появилась Тора?

д. д. Так знай, что она была вручена Моше на горе Синай.

ю. л. Но вам же известно, что современные ученые говорят о Торе, опираясь на данные библейской критики, археологии...

д. д. Да, это интересная тема. Может быть, ты знаешь: когда-то я решил познакомиться с современной библейской критикой и, признаться, выяснил очень многое. Надеюсь, как-нибудь мы побеседуем об этом подробнее. Но это нельзя сделать мимоходом: тогда нам придется очень далеко отойти от самого главного в нашем разговоре. Так что лучше оставим пока эту тему.

ю. л. Вы не считаете, что мне нужно изучать библейскую критику?

д. д. Это необязательно. Тебе нужно изучать Талмуд, традиционные толкования, мидраши и Раши.

ю. л. Но ведь мы здесь сталкиваемся с той же проблемой. Ведь мы делаем очень много вещей,

которые зависят от той или иной интерпретации текста — скажем, Торы. И после всех этих лет изучения литературы, в университете и аспирантуре, меня невозможно убедить, что существует одна-единственная интерпретация текста. Любые тексты по своей природе многозначны и открыты различным интерпретациям. А иудаизм, кажется, настаивает на том, что все мы должны интерпретировать такой-то текст таким-то образом — что в нем говорится именно это.

Д. Д. Например?

Ю. Л. Например, в Торе сказано, что мы должны отдыхать в Шабат. Прекрасно. Но откуда мы знаем, что в Шабат по пути в синагогу запрещено переносить ключи в карманах, включать свет, даже касаться денег? С другой стороны, откуда мы знаем, что многое из того, что мы делаем, не запрещено? Просто некая группа людей предложила интерпретировать текст определенным образом. А кто сказал, что это правильная интерпретация?

Д. Д. Ну, на это я отвечу тебе то, что уже говорил раньше. Хотя написанный текст может быть и многозначным, как ты выразился, но нам, как общине, нужно толковать Тору единым образом — по крайней мере, в повседневной практике. Поэтому традиция толкований передавалась нам, наряду с Торой, с древнейших времен, — и не только через слова, но и через дела, через надлежащие поступки. Это длилось веками, пока наконец наши мудрецы на основе этих традиций не сформулировали законы — в случае необходимости делая выбор между различными мнениями в пользу того, которое сочли правильным (хотя при этом они нередко фиксировали и мнение

меньшинства, а также традиции, отличающиеся от принятых). Вот откуда идут наши традиционные толкования и почему они необходимы.

Ю. Л. Да, но это чтобы дать практический ответ на теоретическую проблему. Наверное, им необходимо было единое мнение. Но тогда получается, что у нас есть Тора, чей авторитет исходит от Б-га, и корпус толкований, исходящих от людей, таких же, как мы с вами. Что мешает мне истолковать этот текст иначе — и кто подтвердит, что правы другие, а не я?

Д. Д. Прежде всего, сама Тора. Разумеется, проблема различных истолкований и приложений заложена в самой Торе, и на этот счет ее указания абсолютно ясны — в случае спора нужно обратиться к авторитетным людям: «Приди к священникам-левитам и к судье, который будет в те дни». Иными словами, интерпретировать текст надлежало общине и ее признанным руководителям, а не каждому отдельному человеку. И если ты с трудом воспринимаешь эту идею, вероятно, тебя настроило против нее твое окружение.

Ю. Л. Как это?

Д. Д. Ведь ты не только поэт, но и принадлежишь к кругу ученых-филологов, литературоведов, имеющих дело с художественными текстами. Для них Библия — художественный текст, и они считают, что каждый вправе интерпретировать ее, как сочтет нужным. Дескать, наука не знает никаких авторитетов. Но евреи всегда считали иначе. Можно сказать, что у нас два авторитетных источника в иудаизме: письменный текст и предания отцов — или, как тебе уже известно, Тора ше-бихтав и Тора ше-бе-ал пе, Письменная и Устная Тора. Но поскольку

ку «традиции отцов» — это в значительной степени толкования письменных текстов, то два этих источника составляют одну неразделимую Тору. Иными словами, в чем состоит сама концепция Торы? Это тексты, которые наша традиция передает и интерпретирует.

Еще добавлю, что разница между письменным текстом и устной традицией не столь уж велика, как может показаться на первый взгляд. Хотя толкования передавались от поколения к поколению только устно, существует вполне достаточно письменных свидетельств о таких толкованиях — даже в Библии, особенно в поздних книгах. Взять хотя бы вопрос, который ты задал: как соблюдать Шабат? Обратившись исключительно к Торе, мы найдем там только общий запрет на труд и такое же общее повеление соблюдать Шабат как святой день, да еще несколько деталей — запрет зажигать огонь, переходить со своего «места» на другое, собирать хворост, манну и т. д. Но в Книге Ирмею конкретно сказано про Шабат: «Не выносите ноши из домов ваших» (вплоть до ключей от дома, про которые ты говорил), а в Книге Нехемьи говорится о запрете купли-продажи в Шабат, в том числе запрете касаться даже денег. Можно считать, что такие запреты уже заложены в Письменной Торе, но то, что в поздних книгах они указаны прямо, показывает: как сама Тора передавалась от поколения к поколению, так же и раскрывающие ее традиции истолкования. В этом весь смысл: для нас такие предания столь же авторитетны, как и текст. Они неотделимы от текста.

ю. л. Но предположим: кто-то в наши дни покажет, что первоначальный смысл того или иного

слова в Торе в последующем интерпретировался неверно, — ведь такое случается в библейской критике, не так ли?

Д. Д. Ты по-прежнему ставишь текст превыше всего и отделяешь от традиционной интерпретации. Пожалуйста, пойми, если я что-то говорю, то вовсе не из упрямства. Я исхожу из основной идеи иудаизма: письменная и устная традиции неразрывны. Тора — не просто сухие слова некоего текста, а слова, которые были истолкованы и передавались от поколения к поколению. То, что пишут современные археологи, лингвисты и прочие, может быть очень интересным, но их отправная точка совершенно иная, чем у нас. Они воображают, что однажды текст был сочинен, а затем заморожен; и только теперь его разморозили и изучают в свете современных знаний о далеком прошлом. Нам же известно, что это не так. Мы получили Тору не вчера, и она никогда не была «заморожена» — она была у нас всегда, жила среди нас во времена, когда пророчествовал Ирмеюу и когда Нехемья вел свой народ. И это наша Тора — Тора, которая передавалась и разъяснялась нашими пророками и мудрецами, подтверждалась учениями и традициями нашего народа. В одном месте Танаха говорится, что слова Торы — как «масмерот нетуим» («хорошо посаженные гвозди»). Это значит, что они лишаются подвижности, ибо зафиксированы раз и навсегда. И все же наши мудрецы, что очень характерно и показательно, по-новому истолковали эту фразу: хотя все слова Торы — масмерот, гвозди, они вместе с тем похожи на «нетаим», или «нетиот», «растения», — ибо Тора не мертва, а жива и активна. Она живет среди нас, вместе с нами и, по словам

мудрецов, возрастает как растение. Под этим они подразумевают вполне определенную вещь: хотя письменный текст зафиксирован и конечен, ему с древнейших времен сопутствовала устная традиция; через эту традицию продолжают развиваться восприятие и истолкование письменного текста.

ю. л. М-да...

д. д. Ты о чем?

ю. л. Может, это, как вы говорите, и влияние моих коллег-филологов... Но мне кажется — вопреки, кстати, утверждениям иных современных литературных критиков, — что интерпретация все же не столь значима, как сам текст.

д. д. Хорошо, позволь мне дать тебе российский ответ на твою дилемму. В Тбилиси я просто сказал бы, что это наши традиции, и этого было бы достаточно. Ведь там, даже если что-то делалось или понималось определенным образом, никому и в голову не пришло бы что-то менять. Но в современной России вопрос лучше ставить иначе: чему служит Тора? Это путь жизни, путь служения Б-гу. И наши традиции восприятия Торы неотделимы от нашего образа жизни, и всегда были такими. Знаешь, есть поговорка: «Если не сломано, не чини». Это верно и для евреев: наши традиции — то, что составляет путь Торы. Они составляют основу нашей жизни и сердца.

ю. л. Но и грузинский, и российский ответы обходят главную тему: что есть истина? А вдруг я представлю вам свое объяснение — основанное на археологических данных, на знании древнеавилонского языка или просто на здравом смысле, — которое более естественно, логично, чем предложенное мудрецами?

Д. Д. Ты так и не понял. Твой вопрос напоминает известную историю из Талмуда о рабби Элизере и круглой печи. Знаешь ее?

Ю. Л. Нет.

Д. Д. Так послушай. Однажды у наших мудрецов возник горячий спор о форме печи, которая отвечала бы законам чистоты (эти законы, между прочим, бывают крайне сложны и порождают интеллектуальные споры). Рабби Элизер, великий ученый, заявил, что определенной формы печь приемлема с точки зрения законов чистоты, но другие мудрецы с ним не согласились. В подобных дискуссиях действовал принцип, что побеждает точка зрения большинства, и этот принцип основан на стихе из Торы. Но Элизер энергично отстаивал свою точку зрения, приводя все более многочисленные и более убедительные аргументы, чем его оппоненты. Наконец, выйдя из себя, он воскликнул: «Если Алаха такая, как я сказал, пусть это подтвердит рожковое дерево». Тут же дерево оказалось вырвано с корнем и отброшено в сторону. Но это не убедило большинство. Тогда Элизер сказал: «Если Алаха такая, как я сказал, то пусть ручей это подтвердит». В тот же миг ручей потек в противоположную сторону. Потом накренились стены здания, угрожая обрушением, но мудрецы оставались непреклонны. Наконец, с неба раздался Б-жественный голос: «Что вы спорите с рабби Элизером, по мнению которого всегда устанавливается Алаха?» Но на это рабби Йеошуа ответил стихом из самой Торы: «Не на небе она (т. е. Тора)». Он имел в виду, что Тора, однажды дарованная с небес, теперь находится в руках наших мудрецов и наших традиций.

Ю. Л. А что произошло потом?

Д. Д. Что произошло? Решает большинство, вот что. В Талмуде рассказано: пророк Элияху впоследствии открылся рабби Натану и тот спросил его, а что думает Всевышний обо всем этом. По словам Элияху, Б-г сказал: «Мои сыны победили Меня». На самом деле эта история преподает нам урок, повествуя об авторитете наших мудрецов. Традиции, которые они унаследовали, и все, что уточняли и формулировали, составляют Устную Тору. Стих, процитированный рабби Йеошуа, «не на небе она» — весьма красноречив и недвусмысленно контрастирует с концепцией, о которой мы говорили вначале: Тора мин а-шамаим. Да, изначально Тора — Б-жественного происхождения и имеет потенциально безграничный смысл. Но она дана нашему народу, чтобы ее соблюдали. Смысл ее приходилось прояснять: поэтому истолкования Торы передавались от поколения к поколению, становясь все более подробными и конкретными. Так что выражение «не на небе Тора» определяет отношение устной традиции к письменному тексту: его значение, так сказать, уже не «повисает в воздухе».

ГНЕЗДО ПТИЦЫ

Ю. Л. Иными словами, мудрецы большинством голосов могут отменить правильное толкование — даже если это толкование подтверждается чудесами!

Д. Д. Смотри-ка, твой взгляд изменился... Только что единственная «правильная» интерпретация вызывала у тебя протест — теперь же тебя беспоко-

ит, что «правильная» интерпретация в данном конкретном случае не возобладала над другими.

Ю. Л. Меня беспокоит не это — именно в этом смысле здесь все в порядке. Но мне хотелось бы вернуться к тому, о чем мы говорили раньше, — к концепциям, фундаментальным для иудаизма. К тому, как Б-г действует в этом мире, — к концепциям наказания, воздаяния и прочему.

Д. Д. И в чем же вопрос?

Ю. Л. Не знаю... Скажите: наверное, трудно в наши дни рассуждать о таких материях?

Д. Д. По-моему, это было трудно всегда. То же самое касается и иудаизма времен Талмуда, и даже библейского периода. И все же мы стойко держимся своей веры по определенной причине: ведь в конечном счете мы не приспособливаем Б-га к нашему видению внешнего мира, а формируем свое миропонимание в соответствии с Б-жественным видением. И эта идея лежит в основе всего.

Ю. Л. А почему вы считаете, что в талмудические времена возникали трудности?

Д. Д. Тому есть явные свидетельства. Возьмем тему, которую ты упомянул, — о награде и наказании. Конечно, наши мудрецы придерживались известной точки зрения: добрые дела вознаграждаются, а зло наказывается. Это верно. И все же они полагали, что сам процесс наказания и вознаграждения непостижим для человеческого разума. К примеру, мудрецы указывали, что в Торе редко говорится, какой именно награды удостоивается человек за соблюдение той или иной мицвы: нам просто нужно служить Б-гу и соблюдать мицвот, потому что мы обязаны это делать, ибо мицвот — наша

жизнь. Читая в Торе о награде, мудрецы порой видели в этом указание на тайну самой идеи воздаяния, в соответствии со стихом: «Как велико благо Твое, которое скрываешь Ты для боящихся Тебя» (то есть скрываешь от обычного созерцания). Например, Тора обещает одну и ту же награду, «долготу дней твоих», за исполнение двух различных мицвот — заповеди о почитании отца и матери и мицвы шилуах а-кен.

Ю. Л. О второй заповеди я не знаю.

Д. Д. В Торе сказано, что, если кто-то встретит по пути гнездо птицы, он не вправе забрать яйца или птенцов вместе с птицей-матерью. Мать трогать нельзя. Для наших мудрецов это не просто важный пример милосердия, но также иллюстрация того, что награда за соблюдение мицвот не соответствует ни одной схеме, какую способен придумать человек. В конце концов, что может быть проще, чем исполнить такую заповедь? С другой стороны, есть ли мицва более трудная, чем требование почитать отца и мать: ведь она предполагает не только личную самоотверженность (например, поддерживать престарелых родителей), но может создать для человека трудную ситуацию, когда ему придется отказаться от своих убеждений и соображений, отвергнуть их. Тем не менее одна и та же награда ожидает исполнивших обе эти мицвот. Словно нам задают вопрос: кто способен измерить награду за добро?

Ю. Л. Понятно. То есть вы хотите сказать, что иудаизм, в общем-то, не занимает определенной позиции в вопросах награды и наказания?

Д. Д. Нет, здесь ты не прав, абсолютно не прав. По сути дела, мудрецы не только верили в Б-жест-

венное возмездие и воздаяние; они были убеждены, что в разных местах Торы совершенно отчетливо показана необходимость справедливого воздаяния, и не в последнюю очередь в очевидном требовании «за преступлением следует наказание». Этот принцип выражен в словах «мерой за меру». И они не упускали возможности привести из Писания примеры надлежащих наказаний. Например, Авессалом, кичившийся своими длинными локонами, зацепился ими за ветви дерева, когда бежал от преследователей. С другой стороны, воздаяние за добрые дела порой значительно превосходит предпринятые ради них усилия: Мирьям всего за несколько минут увидела, что произойдет с ее братом Моше, и за это израильский стан семь дней провел в пустыне, ожидая ее исцеления.

Но несомненно и то, что мудрецы сознавали несправедливость мира. По сути дела, они поставили вопрос в духе тех двух мицвот, о которых я говорил. Вот отец велел сыну поймать на крыше несколько голубей. Следуя заповеди, сын взял только птенцов и отпустил голубку. Тем самым он дважды заслужил награду «долготы дней» — выполнив просьбу отца, то есть мицву о почитании родителей, и мицву шилуах а-кен. Но так случилось, что, когда он спускался, лестница упала, он рухнул вниз и расшибся насмерть. «Так где же его “долгота дней”?» — спрашивают мудрецы. Очевидно, за этим риторическим вопросом стоит горький опыт не одного поколения, несправедливостей, которые невозможно вычеркнуть из памяти. И все же мудрецы утверждали, что в конечном счете справедливость восторжествует и добро

будет вознаграждено — если не в этом мире, то в грядущем.

ю. л. Едва ли сейчас лучшее время для того, чтобы развивать подобную концепцию.

д. д. О чем ты?

ю. л. Мы все еще помним Холокост, когда зверски убивали миллионы людей; тысячами отправляли на смерть малых детей, зачастую даже не научившихся ходить... Многие считают, что перед лицом такого ужаса всякая доктрина Б-жественного воздаяния должна смиренно отступить.

д. д. Реакция людей понятна. И все же, как я уже сказал, нам даже незачем обращаться к опыту второй мировой войны, чтобы задаться вопросом о том, справедлив ли этот мир. Ведь если мысленно перенестись во времена мудрецов, то и тогда им казалось, что мир пренебрегает волей Б-жьей. Они вспоминали не о Холокосте, но о падении Иерусалима под ударами римлян и о последующем разрушении Храма. И эти события были отмечены не только личными человеческими трагедиями (хотя, конечно, их не сравнить по масштабам со Второй мировой войной), но и осквернением Дома Б-жьего, самого священного места на земле. Мало того, потом последовали десятилетия жестоких пыток и казней величайших мудрецов и ученых, знатоков Торы и мицвот. Почему это случилось? Как вынес Б-г их смерть, разрушение Храма, прекращение богослужения, которое Он сам же и учредил?

ю. л. И каков ответ?

д. д. А какого ответа ты ждешь? Ответ в том, что мы — люди, а не Б-г. Это немало — обратить мысли к Б-гу. Но при этом нужно быть последовательным

до конца. Я уже говорил, наше миропонимание зависит от Б-га, а не наоборот. В ранних обществах средний уровень детской смертности иногда составлял до пятидесяти процентов; целые племена и народы до сих пор вымирают от голода и болезней. Если собственными глазами увидеть реальность, которая стоит за всяким непринужденным высказыванием, то, поверь мне, тебе захочется обхватить голову руками и заплакать от сострадания. «О, если бы моя голова обратилась в воду, а мои глаза — в источник слез!» Наши мудрецы видели не меньше, и их глаза тоже наполнялись слезами. И конечно же, ими тоже владело искушение заявить, подобно другим народам, что Б-жественной справедливости не существует, что мир был отвергнут Его Творцом ради осуществления замыслов Его самых отвратительных созданий — а то и отрицать волю и власть Б-жью в земных делах. И тем не менее они этого не говорили, а старались верить и возвещать, что Б-жественная справедливость в конечном счете восторжествует. И так должен поступать каждый, чье сердце по-настоящему обращено к Б-гу. Очень легко молиться Б-гу в радостные дни, но мы должны молиться Ему и в дни несчастий.

Ю. Л. Я знаю. Но крайне трудно совместить это с существующей реальностью.

Д. Д. В одном стихе очень хорошо сказано о том, куда порой может завести нас любовь Б-жья: «Пойдем и обратимся к Г-споду, ибо Он истерзал, но Он и исцелит нас, Он поразил нас, но Он и перевяжет наши раны». Наше положение перед Б-гом — катонти, мы уже говорили об этом, — должно заставлять нас принять Его волю. Я не пускаю

в пространные разъяснения, и мне это не доставляет ни радости, ни удовлетворения. Но Б-г есть Б-г, а мы всего-навсего люди. И нет ничего, что бы с такой ясностью это демонстрировало и что труднее всего было бы принять, чем тема, которую ты затронул.

ю. л. Но помимо этого, мне кажется, есть еще конкретная проблема с евреями. Стоит лишь обратиться к истории человечества за последние две тысячи лет, и мы увидим, что для страданий избран единственный народ — тот, который считает себя богоизбранным.

ИСТОРИЯ

д. д. Юра, ведь именно поэтому я и сказал: тебе нужно погрузиться во все, что касается иудаизма. Я прекрасно знаю, что некоторые люди — и среди них даже евреи — видят в нашей истории лишь непрерывную цепь катастроф. Но знай: это неверно. По сути дела, это извращение истории, идущее от гордыни. Как порой христиане преувеличивали еврейские страдания, стремясь «доказать», что мы якобы наказаны за «богоубийство», так и некоторые евреи старались преувеличить наши несчастья, желая подчеркнуть нашу уникальность как народа с героическим ореолом мученичества. Таким образом, они делают из нас ам медушеней онеш — народ, упивающийся страданиями, а это, как я сказал, извращает историю. Взглянем на основные геополитические факты нашей истории: ведь даже у себя на родине мы находились на перекрестке империй; большую

часть двух последних тысячелетий провели вдали от родины, в рассеянии...

Ю. Л. Всего этого уже достаточно...

Д. Д. Наверное. Но ведь в первом случае сыграло роль лишь естественное географическое положение; второй же факт в известном смысле — продолжение первого, а именно того, что римляне в I веке захватили важную территорию. И надо добавить, в изгнании мы жили, вообще-то, довольно неплохо. Случались, разумеется, страшные трагедии, гонения, Крестовые походы, изгнание из Испании в 1492 году, погромы в Польше и России, ну и, наконец, последняя и самая страшная Катастрофа. Но этому можно противопоставить годы относительной безопасности и даже процветания в десятках разных стран, века, в течение которых нам удавалось сохранять хрупкий баланс, — оставаясь «народом в народе» (а нередко и «государством в государстве»). При этом мы жили бок о бок с нееврейскими соседями и, как правило, не вступали с ними в конфликт. Это нелегкая задача — быть евреем и признаваться таковым, но не стать чужеземцем, к которому неевреи испытывают ревность или обычную ксенофобию, подвергая его притеснениям и гонениям. Я бы даже рискнул сказать, что были в истории народы, судьба которых сложилась гораздо хуже: они исчезли в силу одной из двух причин — либо стали жертвой окружающих народов, либо ассимилировались и были ими поглощены.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. И добавлю: при всем том (ни в коем случае не приписывая этот факт политическим или житейским обстоятельствам, что было бы ошибочно) нам

как народу удалось достичь необычайных коллективных и индивидуальных достижений. Несомненно, именно еврейское понимание вещей (хотя не следует считать это своей заслугой), приверженность Б-гу и Торе сформировали современное миропонимание. Это признает каждый. Верно, что ислам и христианство постепенно пошли своим путем, но их основополагающая вера в существование единой Б-жественной воли и проистекающие из нее идеи нравственности, справедливости и ответственности перед Б-гом пришли к ним из иудаизма. Точно так же другие, более конкретные аспекты этих религий унаследованы ими от иудаизма, — к примеру, значительная часть их религиозной и юридической практики, их Писания и формы богослужения. Но оставим в стороне вопрос влияния и вспомним только о том, чего добился сам еврейский народ. Отсутствие политической независимости отнюдь не облегчает нам коллективные действия или даже индивидуальные достижения, но и не исключает их. Именно в Вавилоне, как и в Палестине, которой правили чужеземцы, был составлен огромный корпус наших раввинистических писаний, со всей остротой мысли, присущей законодательным установлениям, с поэтичностью Агады. А молитвы и синагогальные тексты, составленные в то время? Перед этим огромным корпусом литературы меркнут литературные достижения других народов той же эпохи, хотя они опирались на мощь и поддержку своих государств. Или перенесемся в Рим, а чуть позже в Испанию, где евреи не только продолжали развивать те же направления, но и открыли новые: это снова время необычайного творческого

расцвета всех жанров — светской и религиозной поэзии, философии, каббалы, филологии, астрономии. Некоторое время Испания была местом, где евреи играли важную политическую роль; не один из них принимал участие, как и наш праотец Йосеф, в управлении нееврейским государством. А такие мыслители, как Рамбам и ибн Габироль, которым принадлежит выдающееся место в нашей собственной традиции, оказали немалое влияние на мышление нееврейских философов и теологов. В ту же эпоху во Франции творили Раши и его школа талмудистов. Позднее стали возникать центры еврейской учености в Италии и других местах. Потом в Германии, Польше и Литве, Северной Африке, Турции и Ираке; уже в Новое время евреи получили доступ к сферам деятельности, веками закрытым для них в тех или иных странах, и достигли там успехов, несоизмеримых с количеством еврейского населения. Посмотри на Россию — даже не знаешь, с чего начать! Бизнес, наука, медицина, искусство, эстрада, образование — нет ни одной области, которая сразу не ассоциировалась бы с известными, даже выдающимися еврейскими именами. А в иных областях вообще трудно припомнить нееврейское имя... Неудивительно, что многие неевреи, если ты спросишь их, какой процент мирового населения мы составляем, назовут цифру в пятнадцать, ну, десять процентов. Но даже цифра в один процент будет сильно завышена. Мы — лишь крошечная горстка среди народов земли, и так было всегда. Даже в Торе сказано: «Не по многочисленности вашей из всех народов возжелал вас Г-сподь и избрал вас, ибо вы малочисленнее всех народов». Наверное, все это

звучит несколько хвастливо, но и такой небольшой список (даже если мы не перейдем к перечислению конкретных Фрейдов и Эйнштейнов в каждой стране и сфере деятельности — хотя могли бы) достаточно для того, чтобы показать, насколько неверно представление о нашем народе как отмеченном главным образом страданиями.

ю. л. Думаю, вы правы. В любом случае теперь с евреями в большинстве стран мира все в порядке. И если причина прошлых страданий заключалась в отсутствии собственного государства — так и эта ситуация сейчас изменилась. Хотя Израиль не выходит у меня из головы...

ИЗРАИЛЬ

д. д. Об Израиле, уверен, ты сможешь узнать и из других источников.

Я хотел одного: чтобы ты заинтересовался иудаизмом. Надеюсь, это происходит, и довольно успешно, с учетом всех обстоятельств.

ю. л. Конечно, но ведь факт существования Израиля несомненно имеет отношение к иудаизму, не так ли? Разве не считается мицвой поселиться в Израиле? Впрочем, вряд ли вы так думаете, иначе не жили бы в Москве.

д. д. Если ты задаешь этот вопрос в свете учения Алахи, то на этот счет есть разные мнения. И конечно же, вопрос о жизни в Эрец-Исраэль связан со становлением современного Государства Израиль как политически суверенного государства, хотя пока он и не возник. Как тебе, наверное, известно, есть

евреи, которые все еще не признают легитимность Израиля и продолжают ожидать более ясного знака с Небес, чтобы вернуться на свою землю. Но все это не имеет отношения к моей жизни в Москве.

Ю. Л. Не имеет?

Д. Д. Как-нибудь мы поговорим об этом. Разве ты не слышал, что я несколько лет прожил в Иерусалиме? Да-да, и надеюсь туда вернуться через какое-то время. Ведь для меня это почти родная земля. Этот белый, ослепительно белый свет утреннего солнца — настолько яркий, что приходится зажмуриваться, когда смотришь на город... И когда идешь по пыльным дорогам, в этой белизне, мимо старых каменных домов — там даже цвет пыли особый, гораздо светлее и более желтого оттенка, чем здешняя пыль. Все это очень напоминает мне Тбилиси, его виды и запахи, сады, я чувствую себя там как дома. Конечно, для русских все иначе — те, кто едет жить в Израиль, обычно делают это из страха перед антисемитизмом или ради материальных благ.

Ю. Л. Но ведь в Израиль едут и из религиозных соображений!

Д. Д. Здесь опять история сыграла шутку: наверное, сионизм отчасти воплощает вековую мечту еврейского народа. Но нужно ли нам глубоко погружаться в эту тему? Что ж. В течение многих веков изгнания мы молились — ты знаешь, поскольку это часть молитвы Амида, — чтобы наш народ собрался на своей земле и снова процветал, а дом Давидов вернулся на трон Израиля. Согласно нашей древней традиции, еврейское слово «Машиах» означает «помазанник (царь)». Оно вошло в русский

язык как «мессия». Так вот, Машиах будет потомком Давида и провозгласит новую эпоху. Но если сионизм в этом смысле представляет воплощение нашей традиции, то его истинные политические истоки совершенно иные. Это движение возникло в последние десятилетия XIX века (хотя ему предшествовали более ранние движения) и было обусловлено, главным образом, геополитическими факторами того времени, а также довольно странной, в чем-то сомнительной, позицией европейского еврейства эпохи эмансипации. Помнишь, мы обсуждали эту тему? Сионизм пришел в Европу как вариант решения «еврейского вопроса» (так порой называли ситуацию, сложившуюся с нашим народом). Теодор Герцль, в известном смысле основоположник современного сионизма, считал перспективу обретения еврейской родины лучшим ответом на проблему антисемитизма, который процветал не только в его родной Австрии, но и в просвещенных столицах Европы. Новый Сион, по Герцлю, становился фактически убежищем от антисемитизма. Конечно, не было необходимости перебираться туда всем евреям, но (как он указывал в знаменитом сравнении) пламя антисемитизма будет поддерживать сионистскую кастрюлю на точке кипения и обеспечит ровный поток иммигрантов в будущее еврейское государство. Но все эти доводы кажутся сегодня довольно смешными.

ю. л. Почему же?

д. д. Потому что все происходит совсем наоборот. Поскольку антисемитизм все еще существует в мире, то его основные негативные устремления связаны именно с Государством Израиль. В этом смыс-

ле, мне кажется, шансы на физическое выживание у еврея, живущего за пределами Израиля, выше, чем у израильтянина (которому приходится всю жизнь служить в армии). А еще выше опасность, которой подвергаются израильские граждане из-за индивидуальных террористических актов или еще чего-то похуже (Б-же сохрани!).

Ю. Л. А как с вопросом о религии и сионизме?

Д. Д. Ну, как ты знаешь, Герцль был секуляристом, довольно невежественным в иудаизме. Он желал построить государство светское, плюралистическое. Подобную мечту питали и те, кто приезжал, чтобы поселиться в Палестине. Хотя надо сказать, что, несмотря на рассеяние, в Иерусалиме и его окрестностях всегда жило довольно много евреев. Так что в известном смысле — очень ограниченном, разумеется, — Иерусалим не переставал быть нашей землей. И про «Палестину» я говорю только потому, что с началом нашего рассеяния именно это название было известно миру — не мы его выбрали, а римляне. Они надеялись, что, изменив название, уничтожат вековую связь нашего народа с его землей.

Ю. Л. Я не знал этого.

Д. Д. Да-да. Но, несмотря на происхождение этого названия, в то время — в конце XIX — начале XX века — евреи произносили его с гордостью. Они говорили о «возрождении Палестины» и даже именовали себя «палестинцами». Во всяком случае, эти поселенцы, особенно в более поздний период, руководствовались секулярным мировоззрением (даже если они не были так уж пропитаны секулярным духом, как им казалось). Их политической фило-

софией был социализм; они полагали, что, обретя родину для еврейского народа, им удастся построить государство на социалистических принципах, общественной собственности и так далее. И в большинстве своем они были далеки от еврейской практики — настолько, что возникали довольно серьезные конфликты между ними и традиционными религиозными еврейскими общинами Иерусалима и других городов. И здесь история сыграла еще одну коварную шутку, спутав карты Герцля и его последователей. Вопреки их мировоззрению и преимущественно светскому характеру государства, основанного в 1948 году, религиозные вопросы стали играть все большую роль в Израиле. И внутренняя политика страны в значительной мере превратилась в борьбу между светскими и религиозными партиями, причем последние наращивают мощь. В категориях иммиграции не только антисемитизм поддерживает точку кипения в сионистской кастрюле, но и иудаизм — многие новые иммигранты приехали в Израиль по религиозным причинам.

Ю. Л. Так как же, в конце концов, Израиль соотносится с традиционной еврейской верой?

Д. Д. Я уже говорил: есть религиозные евреи, утверждающие, что без ясного небесного знамения, прихода Машиаха с его традиционными атрибутами, сионизм нужно рассматривать как чисто человеческое изобретение, проявление высокомерия, за которое следует наказывать всех, кто эту идеологию разделяет. Поверишь ли, но таких взглядов придерживаются даже некоторые евреи, живущие в Иерусалиме. Они ненавидят государство, хотя оно защищает их.

Ю. Л. Я слышал об этом.

Д. Д. С другой стороны, позиция большинства религиозных евреев (как, собственно говоря, и секуляристов) состоит в том, что существование Государства Израиль — факт исключительно позитивный, поэтому можно провозгласить, как осторожно сформулировал раввинат, «начало расцвета нашего искупления». И конечно же, Израиль обусловил небывалое еврейское возрождение. Иврит никогда не был мертвым языком — его всегда понимали многие простые евреи; на протяжении веков он был языком религиозной и даже светской письменности, языком высокой учености для образованных евреев. Но взгляни, что происходит сегодня: иврит превратился из книжного языка в язык общения кипучей цивилизации. Совершить такое за одно-два поколения — подвиг! И за этим последовало возрождение всего еврейского — еврейской литературы, философии, университетской иудаики во всем ее многообразии, уж не говоря о бурном развитии еврейских организаций, школ и ешив. Смотри, что происходит, — не только в Израиле, но и в России: думается, что многие российские евреи и еврейские организации своей активностью обязаны существованию еврейского государства. Полагаю, в этом смысле создание Израиля евреям следует рассматривать как факт исключительно позитивный, несмотря на все трагедии и жертвы, сотни и тысячи жизней, отданных за осуществление этой мечты.

Ю. Л. Но ведь есть и другая сторона вопроса: жертвы понесли не только евреи. Я обратил внимание на то, что вы почти не упоминаете палестинских арабов. Разве не правда, что мечта еврейского наци-

онализма реализована за счет подавления столь же правомерного национального движения, с равно обоснованными притязаниями на ту же территорию?

Д. Д. Я вполне разделяю твою симпатию к палестинским арабам, но не твое объяснение причин их страданий. Только очень жестокие люди испытывают удовлетворение от того, что с ними произошло. И все же твоя концепция — весьма распространенная среди левых либералов — не убеждает меня. Вряд ли здесь можно говорить о двух соперничающих национальных движениях и равно обоснованных притязаниях.

Ю. Л. Нет?

Д. Д. Не знаю, что дает основания людям заявлять о своих притязаниях и правах на какую-то территорию, но, по-моему, все тут упирается скорее в мир идей, чем в биологию. То есть вряд ли существует физиологическая основа, позволяющая утверждать принадлежность к той или иной территории. Столь же нелепо заявлять, что территория принадлежит тебе. Как обосновывается право на землю? Ты здесь родился или вырос; земля принадлежит тебе, потому что ты ее законным образом купил. Она принадлежит тебе, и это чаще всего приходит на ум, поскольку ты — часть такого-то народа, а это его родина (я уже приводил тебе этот аргумент, просто сейчас он относится к народу в целом, а не к отдельному человеку). И так далее. Я не могу с уверенностью сказать, какой именно аргумент нужно выбрать и как их сравнивать. Но прежде всего хочу заметить, что в конечном счете все они поражают меня как очень несерьезные. Мы, евреи, верим, что

наши притязания на землю восходят к Б-жественному выбору, и все же в Торе даже такая связь — которая, как ты понимаешь, мне больше импонирует — обусловлена нашей приверженностью мицвот. И ее хрупкость неоднократно подчеркивается: в самом деле, по язвительному замечанию Торы, земля принадлежит исключительно Б-гу, а мы — не более чем «пришельцы и поселенцы у Меня».

Но вернемся к нашей теме: что бы ни лежало в основе притязаний людей на землю, думаю, сравнивать арабов и евреев в этом смысле никак нельзя. И дело не в том, что в этом случае политическая проблема стала бы менее острой. Все равно надо отметить: невозможно сравнивать цель палестинцев, состоящую прежде всего в освобождении народа от состояния безвластия и безгосударственности (которые отчасти навязали им братья-арабы), то есть политическую цель, какой бы сильной она ни была, со страстной двухтысячелетней тягой к земле и жертвами, принесенными ради нее. В течение двадцати веков непрерывно пульсировала еврейская надежда; евреи повторяли слова: «Иерусалим, Иерусалим», и не прекращалась борьба за осуществление этой надежды — не на поле боя и не под бомбами террористов, а на малярийных болотах, в безводных пустынях, которые сейчас стали житницей народа, на коллективных фермах и поселениях, вполне конкретно свидетельствующих о привязанности людей к определенной территории. Я не хочу сказать, что палестинские арабы не испытывали подобной привязанности к земле за две тысячи лет изгнания и не посвящали жизнь столь же преданно своей мечте. Но в том, что касается евреев, — это

исторический факт; с арабами это лишь гипотеза. Как же тут можно сравнивать?

Ю. Л. Но в настоящий-то момент все это уже не имеет значения.

Д. Д. Может быть, но если это не имеет значения, то что же имеет? В конце концов, у человека нет на теле знака, который удостоверил бы его принадлежность данной территории. И если это не аргумент, что тогда? Если владельцем называется тот, кто сделал приобретение, то евреи начали покупать землю в XIX веке и продолжали почти до образования самого государства. Если звание владельца должно быть засвидетельствовано кровью, то евреи пролили немало крови за эту идею, довольно сомнительную. Если аргументом является военная мощь и Realpolitik, то факты говорят сами за себя. Если это вопрос рождения или воспитания, они не кто иные, как дети Realpolitik. И факт в том, что большинство населения Израиля сейчас — местные уроженцы, тогда как многие «палестинцы» никогда не видели Палестины. Я говорю об этом без всякого удовольствия, но факт есть факт.

Ю. Л. Боюсь, никакие из ваших «фактов» не сделают жизнь палестинцев легче, не помогут найти более ясное политическое решение.

Д. Д. Да, это так. Я ведь еще не закончил и хотел бы сказать пару слов о том, как ты характеризуюешь цели обеих сторон. Ведь даже модель «двух соперничающих национальных движений» проблематична, хотя, наверное, это наиболее обсуждаемый вопрос. Для европейца все представляется однозначным: всякий народ — это народ и он имеет родину или должен ее иметь. Но попробуй нацепить мои гру-

зинские очки — я же говорил, Грузия чем-то очень похожа на Израиль. И тогда уже тебе не будет все так ясно. Национализм как таковой — это европейская идея, завезенная на Ближний Восток сравнительно недавно и в искаженном виде. В течение многих веков жители этих мест видели себя (и фактически видят до сих пор) не столько саудовцами или иорданцами — это в ряде случаев не более чем отметка в паспорте, — сколько арабами или мусульманами. Тебе, может быть, нелегко это вообразить, но задумайся на мгновение о России: в какой мере люди осознают себя сибиряками или уральцами? Мне кажется, в весьма ограниченной. Они прежде всего русские — русские, которым выпало жить в этом году в Новосибирске или Екатеринбурге, но чья идентичность радикально не изменится, если в следующем году они переедут в Москву или на Дальний Восток. Ибо прежде всего они русские. Но на Ближнем Востоке дело обстоит иначе. Там люди гораздо сильнее привязаны к своим местам, чем здесь. И это даже не страна — скажем — Сирия, а город, где они живут, — например, Алеппо (слышал о таком?). Так вот, житель Алеппо считает Дамаск почти иностранным городом, как Бейрут или Багдад. С другой стороны, наднациональные общности — аль-арабия, аль-ислам — проявляют себя в сознании людей, в прессе, на радио, в речах политиков. В России трудно найти что-то подобное. И эта реальность укоренена во многом, особенно в арабских политических движениях прошлого века. Уверен, если бы ты знал, что это такое, если бы прожил какое-то время среди арабов, то понял бы: идея национальных государств там сов-

сем не то, что у нас. И самое яркое доказательство тому — неизменные попытки сформировать наднациональный политический союз существующих государств, который каким-то образом примирил бы национализм западного образца с ощущением людей, что аль-арабия — единая общность или должна таковой быть.

Ю. Л. Я не вполне понимаю вас.

Д. Д. Если исходить из этой ментальности, то в создании Палестинского государства для палестинского народа нет логической необходимости. Палестинский народ — на самом деле порождение конфликта между Израилем и его соседями. Если бы их соседи приняли арабских беженцев, а не заключали их в лагеря, то палестинских беженцев не существовало бы — а были бы иорданцы, сирийцы, ливанцы. Я не утверждаю, что они несколько не пострадали бы в ходе войн (хотя, разумеется, если бы они стали гражданами в странах своего рассеяния, то в ряде случаев их материальное положение и судьбы были бы значительно благополучнее). Я хочу сказать, что тут имеет место менее значимая вещь, чем идентичность, — лишь право быть самим собой. В этом смысле притязания арабов и евреев вовсе не одно и то же.

Ю. Л. Боюсь, это заведет нас в область уже хорошо известных аргументов и контраргументов.

Д. Д. Возможно. Во всяком случае, я поднял эту тему, потому что Израилю — а сюда же входит и тема страданий евреев во время Второй мировой войны, о которой ты говорил, — надо сделать более чем достаточно в смысле того, о чем мы с тобой, русские евреи, сейчас беседуем. Мне частенько

«Там...»

приходит в голову мысль, что Холокост и существование Государства Израиль, возможно, больше способствуют исчезновению иудаизма в России, чем свары между хасидами, ортодоксами и реформистами.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

«ТАМ...»

Д. Д. Для большинства русских евреев, даже для тех, кто хоть отчасти вовлечен в общинную деятельность, кто посещает синагоги, суть их еврейства воплощается в Израиле и Холокосте.

Ю. Л. А что тут плохого?

Д. Д. А то, что смерть и страдания (я имею в виду Холокост) вряд ли могут быть символом, который передают следующему поколению, — и страдания в любом случае — не смысл и даже не лейтмотив еврейской истории. Но и помимо этих заблуждений есть еще один важный момент: два основных фактора-близнеца — Холокост и Израиль — на самом деле имеют много общего. Они удобны, потому что оба — «там». И русскому иудаизму присуще то же ощущение: только «там», в Израиле, или «там», в прошлом — в Холокосте и в предыстории Холокоста, — можно говорить о настоящих евреях; именно «там» происходили или происходят наиболее важные еврейские события нашего времени. А все остальное в русском иудаизме мыслится как производное, как секонд-хенд, что-то вторичное. Не говорю уж о «холокостопоклонстве», которое заразило часть еврейского мира: возникает ощущение,

что цель отдельных организаций — превращение трагедии в заготовки для опыта будущих поколений — вроде пугающих аттракционов, каких-нибудь «американских горок». Что же касается Израиля, то кое-кому из русских евреев он представляется чем-то вроде Старого Света — гетто, которого они никогда не знали, но откуда их предки перебрались в Петербург или Москву. Нынешние русские евреи могут съездить туда пару раз или вообще не побывать там, но они воображают, что Израиль — их родина, и они говорят о нем с сентиментальной нежностью и восхищением: с таким же чувством турки-месхетинцы вспоминают Месхетию, а итало-американцы — Калабрию. Но даже если не брать в расчет эти нелепые преувеличения, то, по-моему, такая черта русского иудаизма — ссылаться на то, что все происходит «там», — таит в себе великую опасность.

Ю. Л. Но разве это не естественное следствие того, о чем вы говорили чуть раньше, — что иудаизм в России появился сравнительно недавно? Поэтому неудивительно, что он все еще «там». С другой стороны, Израиль, как исполнение вековой мечты, конечно же, будет всегда обременять сознание русских евреев.

Д. Д. Наверное, Йеуда... Но, задаваясь этими вопросами, я думаю о тебе.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

Д. Д. Вопрос в том, что будет с тобой? Да, ты прошел часть пути и, наверное, пойдешь дальше. Но теперь я вижу, что тебя может подвести (причем незаметно для тебя самого) твоя же еврейская черта. Я-то не из России, ты знаешь, и, сколько

бы я ни жил в Москве, это всегда будет так. Мои корни действительно там, в Тбилиси и еврейских общинах, разбросанных повсюду — в Нью-Йорке, Париже, Цюрихе, Иерусалиме. Я не чувствую себя здесь дома. Но ты отсюда, тебе тут вполне комфортно. И именно потому, что русский иудаизм такой, какой есть, ты можешь застрять на половине пути — бесконечно кивая на «тамошнее»...

Ю. Л. Вы не правы. На полпути я был когда-то. Если этот разговор и убедил меня в чем-нибудь, то...

Д. Д. Надеюсь. Но я говорил не о том: ты не совсем понял. Ладно, скажу иначе: я не вижу, как в России быть евреем, в полном смысле евреем, как вести нелегкий и естественный еврейский образ жизни, известный нам по многочисленным иным общинам на протяжении всей еврейской истории. Все то, что здесь легко и естественно, — это полуеврейское, что-то вроде еврейского хобби или клуба. И в конечном счете заводит в тупик.

Ю. Л. А что же делать?

Д. Д. Думаю, время расставит все по местам. Возможно, еврейство, каким оно было в Грузии, в Восточной Европе и в арабских странах, тут тоже получит свое развитие — когда русское еврейство будет по-настоящему русским и по-настоящему еврейским. Но до этого еще далеко, а что будет с тобой пока? Искренне надеюсь, что ты найдешь способ оставаться евреем и здесь, евреем в полном смысле слова. По крайней мере, самое главное тебе уже известно. И помни, что в конечном счете это дело сердца. Понимаешь меня?

Ю. Л. Да.

Д. Д. Меня тревожит эта позиция русского еврейства: мы не «там» — значит, можно останавливаться на полпути, исповедовать полуиудаизм, пусть вполне естественный и удобный для России. Надеюсь, ты этого избежишь. Нужно быть настоящим евреем здесь, и без всяких ссылок на то, что делается «там», — если только со временем тебе не захочется поселиться в Израиле. Но пока я уповаю на то, что ты всем сердцем предашься нашей Алахе, не будешь кивать на «тамошнее», а искренне посвятишь себя задаче быть в полном смысле евреем, здесь и сейчас. Вот так. Может, когда-нибудь ты окажешься в Израиле. Не знаю. Но уже сейчас нельзя быть евреем наполовину. Йеуда, наш курс закончен. Хазак у-варух, хазак вз-эмац.

Часть пятая

ИЗРАЛЬТЯНЕ

Несколько месяцев спустя...

Д. Д. Здравствуй, Юра! Не ожидал...

Ю. Л. Я позвонил бы, но, откровенно говоря, хотел встретиться с вами. Есть новости: я решил съездить в Израиль.

Д. Д. Ну что ж..

Ю. Л. Да. План моей диссертации утвердили, и я могу продолжать писать ее там так же, как и здесь, — в конце концов, материалы можно посылать мейлом. Признаюсь, мне не терпится скорее поехать. Конечно, это будет полезно для моего иврита, но больше всего, разумеется, я хочу побывать в Иерусалиме, повидать Израиль и израильтян. Да и вообще съездить туда. Надеюсь, мне удастся поучиться там в ешиве — хотя бы некоторое время, пока я пишу диссертацию.

Д. Д. М-да...

Ю. Л. Чем больше думаю об этом, тем сильнее ощущение, что я должен ехать. Это все во благо. Это необходимо мне, все прочее меня не устраивает. Мое сердце на юге, а я здесь, на далеком севере.

Д. Д. Кажется, я где-то уже слышал что-то подобное...

Д. Д. Что именно?

д. д. Не важно. Что ж, я счастлив, Йеуда, и надеюсь, все будет к лучшему.

ю. л. Как-то вы не очень воодушевились.

д. д. Да нет, я уверен, что все будет прекрасно. Полагаю, у нас еще есть какое-то время? Я хотел бы немного подготовить тебя к этому шагу.

ю. л. О чем вы?

д. д. Ну, я знаю многих людей в Иерусалиме, в ешивах..

ю. л. Так напишите мне их телефоны.

д. д. Нет, откровенно говоря, я хотел бы подготовить тебя... чтобы ты не попал в трудную ситуацию.

ю. л. Как это?!

д. д. Дело в том, что многие русские, твоего возраста или постарше, уезжали в Израиль с таким же энтузиазмом, а через год-два вернулись разочарованные. Вот от этого я и хотел бы уберечь тебя.

ю. л. Разочарованные?

д. д. Да. Что-то не сработало: Израиль не такой, люди слишком...

ю. л. Слишком — что?

д. д. Не важно. Суть в том, что ты собираешься ехать в другую страну, с другой культурой — пусть даже евреев связывает много общего. И тебе придется кое к чему привыкать: могу поделиться собственным опытом.

ю. л. Но из ваших слов я понял, что вы чувствовали себя там как дома. Или вы уехали, потому что Израиль не оправдал ваших надежд?

д. д. Нет, дело в другом. Во-первых, мой семейный бизнес нельзя было перевести в Израиль. Что-то сразу найти взамен него тоже не удавалось. И с инвестициями там возникли серьезные проблемы,

мне пришлось все больше времени проводить за границей. И главное, в стране уже с 50–60-х годов было очень много ашкеназов, и в основном светских. Это я и имел в виду, сказав, что тебе придется к чему-то приспосабливаться.

Ю. Л. Да?

Д. Д. Это не касается тебя прямо, поэтому вряд ли стоит продолжать... но есть еще предмет для беспокойства. Государство Израиль основали главным образом евреи из России и Польши, евреи из Германии, Румынии и других стран. Им не был знаком дух других еврейских общин — и не только марокканских или иракских; даже грузинские и кавказские евреи казались им довольно странными. И когда эти евреи стали прибывать в Израиль в начале 50-х годов, к ним относились как к темной и отсталой массе. Конечно, в категориях «вестернизации» отчасти так и было: ведь сефарды представляли собой очень устойчивые, структурированные общины с богатейшей традицией. Европейским евреям имена сефардов ничего не говорили, или в лучшем случае в них видели восточный аналог Розенблатов и Гринбергов — ничего не значащих фамилий, придуманных неевреями, чтобы повысить собираемость налогов. Самим же сефардам эти имена — Харари, Зилха, Кадури, Абу-Хацейра — говорят очень много: не только о том, откуда они, но и кто они такие. Они ведь были чем-то значимым на протяжении многих веков; европейцы же видели в сефардах людей, которым нужно стать похожими на них.

Была еще и проблема языка. Они хотели говорить на иврите, но всегда при этом удивлялись, что есть евреи, которые хотя бы немного не гово-

рят на идише, — и кое-кто удивляется по сей день. Но иврит, на котором они говорили, — разве это иврит? Это не был язык Библии или Мишны. Слова как будто взяты оттуда, но вся структура предложения, ритм языка и даже привычные для нас значения слов звучат почти незнакомо. А хуже всего с произношением, когда вместо раскатистого «р» появляется германское гортанное и одинаково выговаривают совершенно разные буквы — «хет» и «каф», «алеф» и «аин», «тет» и «тав». Позже я понял, что это совсем не случайно: на иврит наложилась фонетика идиша. В современном иврите нет звука, который уже не существовал бы на идише. Но даже это не было бы так печально, если бы они дерзко не высмеивали наше произношение! Наверное, я слишком резок...

ю. л. Нет-нет, продолжайте.

д. д. Так я закончил. На самом деле вне контекста все эти проблемы не так понятны. Это был довольно напряженный период, вызванный не столько внешними политическими угрозами, сколько труднейшей задачей принять новый огромный поток иммигрантов, при том что у большинства из них ни копейки в кармане. Кое-кто из старых израильтян терпеть не мог новых иммигрантов, и это неудивительно, поскольку, как правило, репатрианты не испытали тягот довоенного периода или Войны за независимость. Столкнувшись с массовой эмиграцией и предвидя ее возможные тяжелые последствия, европейские евреи постарались сделать население страны единым целым. Прежде всего они попытались разрушить традиционные общины и национальные группы, рассредоточивая иммигран-

тов по разным местам и превращая их в «израильтян». Но европейцы не понимали очень серьезной проблемы: тем самым они уничтожали многое из того, что определяло саму суть иммигрантов, делало их самими собой. И надо сказать, в целом они преуспели в этом. Сейчас в Израиле много говорят по радио и телевидению о «сефардской культуре» и важности «восточного наследия», но правда в том, что большая часть этого наследия уже размыта. Иврит все тот же, что и раньше, но дети иммигрантов-сефардов уже говорят на нем так же, как дети европейцев, — то есть с тем же ужасным акцентом. Сефардские общины, как и любые ближневосточные общины, провозглашают добродетелями уважение друг к другу, достоинство и скромность. Но эти качества трудно укреплять в свободном от условностей, суетном, самоуверенном обществе; их отвергло молодое поколение, приученное смотреть на родителей в лучшем случае как на неудачников и безнадежно устаревших людей.

Ю. Л. Теперь я понимаю, почему некоторые иммигранты захотели уехать из Израиля.

Д. Д. Понимаешь? И все же, признаться, я жалею, что уехал. Хотя эти проблемы и существовали, их не меньше и в России. Но я определил для себя общее правило: недостатки Израиля довольно легко перечислить, а его не вполне очевидные преимущества порой ошеломляют. Это я и хотел сказать, Юра. Не смущайся нахальством израильтян или чем-то еще. Не смущайся даже в том случае, если объявишь (а это вполне возможно) о том, что собираешься остаться в Израиле и стать их соотечественником. После этого многие пусть формально и одобряют твое

решение, но будут глядеть на тебя косо — ведь они сами не знают, что значит жить в Израиле, хотя и живут там. Поэтому, когда тебя спросят, почему ты хочешь остаться, отвечай: из-за помидоров.

ю. л. Помидоров?

д. д. Они там очень вкусные. И не только помидоры там великолепные, но и оливки, и послеполуденное солнце — совсем не такое, как здесь. То есть здесь солнечный свет тоже бывает порой чудесным, порой нежным, даже волнующим... Но там солнце очень, очень яркое — и если сравнивать, то солнечный свет в России кажется бледным и слабым. Слепящая желтизна раннего иерусалимского утра каждый день сменяется белизной, а ближе к закату — медно-золотистым цветом, заливающим все вокруг. Очень впечатляет... Юра, когда ты поедешь туда, помни именно об этом и забудь все остальное.

ю. л. Но еврейский народ, еврейское государство...

д. д. Ну да, конечно... И все же, судя по моему опыту, в Россию возвращаются сионисты, а в Израиле остаются любители помидоров. И мне хотелось бы, чтобы ты там остался, если решишься.

ю. л. Да.

д. д. И еще одно. Не забывай там, что ты русский еврей.

ю. л. Странно, ведь вы ничего особенно хорошего о России не говорили.

д. д. Возможно, но едва ли это противоречит всему тому, что я говорил раньше. Я как-то объяснял, что вижу в тебе больше, чем просто Юрия Левакова. Я вижу поколение за поколением возвращающихся в Европу и глубины европейской

еврейской истории, в те же города и городишки, населенные предками сегодняшних израильтян. В какой-то момент (на самом деле не так давно) твои предки перебрались в Польшу, а потом оказались в России, тогда как предки сегодняшних израильтян отправились в Палестину. И то, и другое решение было вызвано практическими соображениями, и потомкам не следует похвастаться тем, что они родились в одном или другом месте.

Ю. Л. Не улавливаю вашу мысль.

Д. Д. Хотя в нынешнем израильском обществе и достигнуто некое единообразие, не чувствуй, будто обязан — а так, несомненно, и произойдет — походить на окружающих, словно это узаконивает твое пребывание там. Быть русским евреем вполне достаточно. И пожалуйста, объясняйся на иврите со своим московским выговором и будь самим собой в тысячах других случаев — даже если идешь против течения.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. То же касается и серьезных вещей, хотя здесь я не боюсь за тебя. Ты теперь знаешь, что такое быть евреем — о нашей Алахе и мишкане сердца, что значит пребывать в кдуша, что такое наши молитвы, Шабат и праздники. И прежде всего — что означает обратиться всем сердцем к Б-гу как Он есть, «любить Его и служить Ему всем сердцем твоим и всею душою твоею». Это важнейшие моменты; надеюсь, каждый из них найдет в тебе живой отклик.

Ю. Л. Да.

Д. Д. Хорошо. Тогда пожелаю тебе только успеха. Может, еще по стаканчику чачи? И даст Б-г, мы с тобой еще встретимся здесь, а может, и там. А пока — лехаим!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда в течение нескольких лет я читал университетский курс, время от времени ко мне обращались студенты. Начиная издалека, они осторожно задавали мне вопросы, которые сводились к одному: «Что значит жить согласно традиционному еврейскому образу жизни? И почему сегодня кто-то с готовностью принимает на себя обязанности, налагаемые таким образом жизни, требования Шабата, кашрута и т.д.?» Я помню эти беседы во всех деталях, и особенно растерянность, которую испытывал, пытаясь сформулировать ответ. Разумеется, есть много книг, разъясняющих, как следует соблюдать еврейские законы и традиции; в других книгах рассказывается об истории и развитии иудаизма. Сначала я пытался отослать студентов к этой литературе, но позже был вынужден признать: все то, что им хотелось выяснить, не носило столь специального характера и в то же время было более личным, чем они могли найти в книгах. Моих собеседников волновала примерно та же проблема, над которой размышлял Д.Д., — что такое принадлежать «к еврейству»? Хотя эти студенты и родились евреями, а некоторые даже получили элементарное еврейское образование, до последнего времени они не имели ни малейшего представления о том, что значит быть евреем, не понимали, что такое еврей-

ский образ жизни и как ему следовать в современной Америке — почему иудаизм в Америке такой, какой он есть, и почему он таким стал. Теперь же, получив минимальные представления, некоторые из них пришли к необходимости больше узнать об иудаизме.

В результате я решил письменно изложить ответы на задаваемые мне вопросы. В поисках образца для своей работы мне сразу пришла в голову классическая книга «Кузари» великого средневекового поэта Йехуды ха-Леви. Книга представляет собой серию воображаемых бесед между образованным евреем и царем хазар — древнего народа, жившего на побережье Каспийского мира, — который обдумывает, не обратиться ли ему в иудаизм. Выбранная литературная форма — когда главному герою приходится объяснять многие аспекты иудаизма человеку, для которого они изначально чужды, — позволила ха-Леви описать иудаизм как бы со стороны и коснуться некоторых наиболее важных тем. Я не рассчитывал (да и не желал того) подражать замечательному детальному изложению еврейского учения в «Кузари». Но мне подумалось, что такая литературная форма — вернее, ее «перенесение» на современную Америку — послужит моим целям. Я посчитал, что обращаемому царю из книги «Кузари» мог бы соответствовать некий еврей по происхождению (как мои студенты), но совершенно невежественный в вопросах еврейской веры и традиции — который, по сути дела, только теперь рассматривает возможность «обратиться» к религии, уготованной ему от рождения. Потом мне подумалось: чтобы читатель почувствовал в чем-то ироничный харак-

тер «американизации» «Кузари», в роли «еврея по происхождению» должен выступить не кто иной, как сам Йехуда ха-Леви, некое американское воплощение поэта-эрудита, автора «Кузари». Так появился на свет молодой человек, делающий свои первые шаги на пути иудаизма. Им стал студент-дипломник и пылкий американский поэт — Джадд Льюис, который немного интересуется религией своего народа, но не слишком с ней знаком. В качестве его собеседника я выбрал совсем иной тип еврея — сторонний не только по отношению к американскому иудаизму, но и к породившему его европейскому иудаизму, — чтобы можно было рассмотреть предмет с некоторого отдаления.

Не буду просить извинений за слишком краткое и схематичное изложение различных вопросов, которых я коснулся в книге, — ее упущения лишь становятся нагляднее при сравнении с литературным прообразом. Но полагаю необходимым подчеркнуть, что книги писались для двух разных аудиторий. Йехуда ха-Леви адресовал свои разъяснения хазарскому царю разве что как к вымышленному литературному персонажу; настоящим же его адресатом были образованные современники-евреи, которые должны были найти в этом изящном образце иудейско-арабского ‘адаб ученый сборник древней и новой мудрости, апологетику иудаизма на перекрестках философии и религии в средневековой Испании. Моя же книга адресована действительно Джадду Льюису, и надеюсь, что она окажется небесполезной для него.

Другого персонажа книги в оригинале зовут Альберт Аббади. Этот сирийско-американский бан-

кир — собирательный образ из нескольких знакомых мне евреев. В первую очередь он напоминает мне одного банкира-сефарда, хотя тот и не из Сирии. Что касается его фамилии, то мой выбор обусловлен среди прочего тем, что это фамилия семьи широко-известных сирийских хаззанов XIX века.

Когда мне предложили перевести книгу на русский язык, то мне сразу же стало ясно: перевод требует значительно изменить ее содержание. Многие из того, что я говорил об американском иудаизме, не соответствует российским реалиям; все мои рассуждения должны быть адаптированы для новой аудитории. К счастью, русский язык, который я изучал в студенческие годы, еще не испарился окончательно из моей памяти. Разумеется, самому переводить книгу было бы не лучшим решением, но, по крайней мере, я имел возможность проверить работу переводчика. И даже если я забыл многие русские слова, то это не относится к русской литературе, которую мне преподавали в университете (и которую я по-прежнему люблю), а также к тому, что можно назвать особой русской манерой полемики и аргументации, — я подумал, что это тоже может оказаться полезным.

Так началось наше сотрудничество с г-ном Юрием Табаком. Он больше, чем просто переводчик этой книги. Именно по его предложению лукавый сирийский банкир превратился в лукавого грузинского банкира, а Джадд Льюис стал Юрием Леваковым — русское имя «Юрий», как и американское «Джадд», навеяно прототипом, Йехудой ха-Леви.

Я пользуюсь здесь возможностью, чтобы в первую очередь поблагодарить Юрия Михайловича Табака. Я вчитывался в каждое слово его перевода; каждая глава была предметом наших обсуждений и жарких споров (главным образом, посредством электронной почты). Без его помощи работа никогда не была бы успешно завершена. Я благодарю также Ольгерта Либкина, взявшегося издать книгу, а также редакторов журнала «Лехаим», в котором печатались главы «Как быть евреем» до книжной публикации. Наконец, приношу свою благодарность Фонду Ави Хай и г-ну Давиду Розенсону за финансовое обеспечение этого издания.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	
О браке	9
Часть вторая	
Избегая обобщений	31
О трех типах евреев в синагоге	35
Мишкан	43
Шабат	52
Это мой Б-Г	57
Это Шма	65
Иврит	69
Преимущество поэта	74
Часть третья	
Книги	81
Музыка	98
Ветви	109
Молитва	116
Малый и большой	129
Алаха	131
Корах	139
Яков	151
Часть четвертая	
Исполнение Мицвот	159
Кашрут	163
Кдушa	167
Толкование текстов	173
Гнездо птицы	182
История	188
Израиль	192
«Там...»	203
Часть пятая	
Израильтяне	209
Послесловие	216

Кугел Д.

К88   Как быть евреем / Джеймс Кугел; Пер. с англ.
Ю. Табака — М.: Текст: Книжники, 2009. — 224 с.

ISBN 978-5-7516-0769-2 («Текст»)

ISBN 978-5-9953-0013-7 («Книжники»)

Известный современный библеист Джеймс Кугел увлекательно и доступно, в форме диалога между двумя евреями — пожилым банкиром и молодым филологом, — рассказывает о проблемах и задачах современного еврейства. Читатель узнает из его книги немало полезного и интересного, и самое главное — что значит в современном мире быть евреем и что для этого нужно делать.

УДК 94(33) (092)

ББК 63.3(0)31-8

ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Джеймс КУГЕЛ

Как быть евреем

Редакторы И. Подольская, В. Петров

Корректор Н. Пущина

Издательство благодарит Давида Розенсона

за участие в разработке этой серии

Подписано в печать 24.10.08. Формат 84 x 100/32.

Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 8,41. Тираж 3500 экз. Изд. №839.

Заказ №5304.

Издательство «Текст»

127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 7/1

Тел./факс: (499) 150 04 82

textpubl@yandex.ru

www.textpubl.ru

Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 312 52 63

Издательство «Книжники»

127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а

Тел. (495) 792 31 10, 792 31 13

www.knizhniki.ru, www.lechaim.ru

knigniki@yandex.ru, lechaim@lechaim.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93

В СЕРИИ
ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ВЫШЛИ:

Ханна АРЕНДТ. Скрытая традиция
Кэти ДИАМАНТ. Последняя любовь Кафки
Роберт ПИНСКИ. Жизнь Давида
Джонатан РОЗЕН. Талмуд и Интернет
Денис СОБОЛЕВ. Евреи и Европа
Бенджамин ХАРШАВ. Язык в революционное
время

*первый ежедневно обновляемый независимый ресурс,
посвященный еврейским текстам и темам
в литературе и культуре*